ЦИСМонг
О-66
50343

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

-50343-

М.Н.Орловская

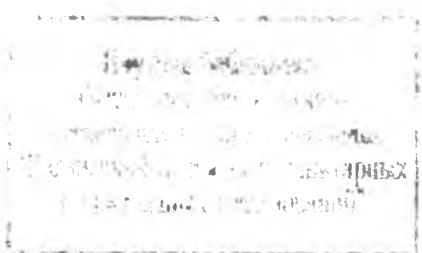
Язык монгольских текстов XIII-XIV вв.

АКАДЕМИЯ НАУК РОССИИ

Институт востоковедения

М.Н.ОРЛОВСКАЯ

ЯЗЫК МОНГОЛЬСКИХ ТЕКСТОВ XIII-XIV ВВ.



Москва 1999

ББК 81.2-2
О 66

Рецензенты:
д.ф.н. Пюрбеев Г.Ц.
д.ф.н. Дарбеева А.А.

Орловская М.Н.

О66 Язык монгольских текстов XIII - XIV вв. – М.: Институт востоковедения РАН, 2000. – 182 с.

ISBN 5-89282-159-5

Монография посвящена описанию морфологического строя монгольского языка по письменным памятникам XIII - XIV вв. Выявлены и научно интерпретированы лингвистические факты, относящиеся к определенной исторической эпохе в развитии монгольского языка. Изучение языка самых ранних текстов показало, что исконная грамматическая система в основе своей сохранилась до наших дней и что различные по своей природе морфологические данные увязываются в целостную систему развития языка, его грамматических категорий. Наряду с этим выявлены и отличительные черты древнего языка по сравнению с современными нормами.

ББК 81.2-2

ISBN 5-89282-159-5

© М.Н. Орловская, 2000

© Институт востоковедения РАН, 2000

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее исследование посвящено описанию морфологического строя доклассического монгольского языка по письменным памятникам XIII-XIV вв.

Предпринятый автором труд представляется актуальным как один из этапов в сравнительно-историческом исследовании монгольской языковой семьи, ибо для воссоздания истории языка необходимы полные описания отдельных письменных памятников и выделение в них черт, унаследованных современным языком или со временем исчезнувших.

По поводу задач в монголоведении проф. Г.Д.Санжеев еще в 1963 г. писал: "Последующая работа в области монгольского сравнительно-исторического языкознания должна идти в следующих направлениях: во-первых, следует продолжить исследование диалектов и говоров монгольских языков... . Во-вторых, необходимо значительно расширить углубленное изучение письменных памятников монгольских языков, не ограничиваясь здесь лишь публикацией источников" [Санжеев, 1963, с. 3-4].

А между тем грамматическое исследование языка литературно-исторических текстов, особенно его самых ранних веков, чаще всего ограничивалось их публикацией, историко-лингвистическими комментариями к ним или изучением частных вопросов грамматики с привлечением некоторых языковых данных.

В своем труде мы старались выявить и научно интерпретировать лингвистические факты нескольких письменных текстов, относящихся к определенной исторической (доклассической) эпохе в развитии письменного монгольского литературного языка.

Язык исследованных письменных памятников отличается от современного не только по стилю, лексике, структуре предложения, но и в области морфологии, которая, как известно, является наименее подвижной частью в структуре языка. Сопоставление выявленных грамматических форм и их значений в языке прежних эпох с современным состоянием позволит проследить, в какой мере язык изменяется и что остается неизменным на протяжении определенных исторических отрезков времени.

ВВЕДЕНИЕ

Старописьменный монгольский язык и периоды его развития [1]

В монголоведной литературе существует несколько гипотез о времени возникновения этого языка и о племени, которым он был заимствован у древних уйгуров.

Эти гипотезы чаще всего относят появление монгольской письменности на основе уйгурского алфавита к концу XII - началу XIII в., т.е. ко времени появления первых, сохранившихся до наших дней письменных памятников на этом алфавите. Но диалектная база, как и монгольское племя, у которого впервые появилась эта письменность, окончательно не установлены.

Вместо версии, связывающей заимствование уйгурской письменности с найманами и кереитами, которую разделяли такие крупнейшие ученые, как Я.Шмидт, А.М.Позднеев, Б.Я.Владимирцов, Г.Д.Санжеев, Н.Н.Поппе и др., в последние годы предлагается новая, согласно которой эта письменность впервые появилась у киданей [Л.Лигети, Д.Кара, Л.Л.Викторова, Е.А.Кузьменков].

Ученые, которые исследовали киданьские глоссы, сохранившиеся в китайских источниках, считают этот язык "безусловно монгольским" [Л.Лигети, 1955, с.138; Д.Кара, 1972, с. 9-10].

И хотя ни одна из выдвигаемых гипотез не получила пока прочно обоснованного языковыми и историческими данными подтверждения, все же для современного состояния наиболее предпочтительной остается киданьская версия, которую разрабатывают ныне ученые разных стран [Д.Кара - Венгрия; Чингалтей - КНР; Ц.Шагдар - Монголия].

Е.А.Кузьменков, изучив некоторые чжурчженско-маньчжуро-монгольские параллели на примере ряда слов, пришел к заключению, что не позднее XII в. в территориальной близости к чжурчженям находился монгольский диалект с теми чертами, которые сохранил впоследствии старописьменный монгольский язык и что "можно

---

[1] Поскольку этот вопрос освещался нами в монографии "Язык Алтан тобчи", М., 1984, с. 5-12, в данной работе он излагается кратко.

предположить, что носителями этого диалекта были кидане" [Кузьменков, 1988, с. 117-123].

Что касается периодов развития письменного монгольского языка, то здесь также не наблюдается единой точки зрения. Предложенная в свое время акад. Б.Я.Владимирцовым периодизация в три периода: I - древний - от неизвестного нам времени до начала XIV в.; II - средний - от начала XIV до 2-ой половины XVI в. и III-ий классический - от конца XVI, начала XVII до XX в. [Владимирцов,1929, с. 20-24] поддерживалась и другими учеными [Поппе, 1937, с. 13-14; Санжеев, 1964, с. 9-10]. Правда у Н.Поппе, в отличие от Б.Я.Владимирцова, первый этап охватывает исторический промежуток от начала XIII в. и до XVII в., т.е. с момента появления письменных памятников до его "классического" периода. Второй - с XVII столетия до начала XX-го в., а третий - с первых годов XX-го столетия [Поппе, 1937, с. 13-14; 1964, с. 1-8].

Классификация в три периода нашла корректировку у ряда других исследователей. Венгерский монголовед Л.Лигети считал, что первому периоду предшествовали еще два: "протомонгольский" и "древнемонгольский", о которых могут быть лишь гипотетические данные [Л.Лагети, 1965, с. 136]. Монгольские ученые [А.Лувсандэндэв, 1980, с. 56-58; Д.Төмөртогоо, 1972, с. 45-57] также отодвигают рамки первых периодов вглубь веков, однако надежных исторических и филогических данных для этого пока мало.

Конечно, вполне справедливо считать, что, "возникновение монгольского языка... нельзя связывать с выступлением на историческую эпоху Чингис-хана" [Л.Лигети, 1955, с. 137]. Монгольский язык или диалект, легший в основу письменного монгольского языка, существовал задолго до того, как он был зафиксирован в памятниках на уйуромонгольской письменности, а затем на протяжении многих веков этот язык и письменность развивались и изменялись.

При установлении же периодизации монгольского письменного языка необходимо все же иметь хотя бы общие представления о звуковом составе, грамматическом строе, лексике и изменениях в них, характерных для того или иного исторического отрезка времени. Поэтому нам представляется, что классификация Б.Я.Владимирцова в три периода и данная им историческая и лингвистическая характеристика каждому из них остается приемлемой и сейчас.

Как отмечал Г.Д.Санжеев, "изыскания, проделанные монголистами за последние 25 лет, подтверждают периодизацию истории старописьменного монгольского языка, предложенную Б.Я.Владимирцовым "[Санжеев, 1958, с. 29]. И лишь можно было бы добавить, что третий, классический период, к началу второй половины XX в. сменился четвертым - его современным периодом [Орловская, 1986, с. 80-90].

Что же касается более ранних периодов: протомонгольского и древнемонгольского, то о них пока трудно судить с достоверностью, поскольку эти древние периоды относятся к дописьменной эпохе.

Сведения о привлеченных к исследованию текстах XIII-XIV вв.

Древнейшие памятники уйгуро-монгольской письменности относятся к XIII вв. Среди них надписи на камнях ("Чингисов камень", или "Камень Есунке"), некоторое количество дошедших до нас писем, указов и грамот ханов, надписей на ханских печатях, охранных листов. (Полное собрание этих письменных документов издано в Китае: Uyiγurčin mongγol üsüg=ün durasqaltu bičig=üd. Begejing,1983 - далее УМҮДБ).

"Чингисов камень" назван так по первой строке, где названо имя Чингиса, хотя основное содержание прославляет подвиг Есунке, который выстрелил из лука на большое расстояние на состязаниях воинов после возвращения Чингис-хана из похода на сартулов.

Первым об этом камне, обнаруженном в Нерчинском округе в Забайкалье, сообщил ученый и путешественник Г.И.Спасский в журнале "Сибирский вестник'. Памятник был расколот пополам, некоторые знаки оказались стертыми, что затрудняло его первоначально правильное прочтение. С текста было сделано много копий, и сейчас уже имеются отлично отснятые фотографии [Раднаев, 1992, с. 84].

Изучением этого памятника занимались многие ученые - целое поколение отечественных и зарубежных монголоведов.

Впервые надпись была частично прочитана учителем монгольского языка русско-монгольской войсковой школы в г.Кяхта Р.-Н.Ванчиковым. Однако в научный оборот памятник был введен акад Петербургской академии наук И.Я.Шмидтом [Раднаев, 1992, с. 95].

Дешифровкой и всесторонним изучением надписи занимались такие известные ученые, как Д.Банзаров, И.Я.Клюкин, которым принадлежит честь быть зачинателями в решении сложных вопросов в исследовании этого памятника. Но спорного в его тексте оставалось немало, поэтому изучение и публикации уточненных переводов продолжались.

Изучению этой надписи уделяли внимание такие ученые, как японский монголовед С.Мураяма, француз Л.Амбис, венгерский акад. Л.Лигети, монгольские ученые Х.Пэрлээ, Ц.Дамдинсурэн и Б.Ринчэн, австралийский алтаист И. де Ракевильц, калмыцкий ученый Ц.К.Корсункиев.

Итоги по всем публикациям, затрагивающим вопросы орфографии, семантики и грамматики текста подвел В.Э.Раднаев. В своей статье он приводит составленный проф. Л.Амбисом свод сравнительных чтений текста надписи, сделанных разными учеными, дополнив его результатами прочтения теми, кто изучал текст памятника после Л.Амбиса. Год составления надписи датируется по-разному: от 1212 до 1300 года. И. де Ракевильц, привлекая археологические данные, считает, что она может относиться к периоду от 1225 до 1270 года [Раднаев, 1992, с. 104].

В 1246 году ханский престол занял Гуюк-хан. Для него русским умельцем Космой была изготовлена особая печать с надписью в шесть строк, о чем поведал в своих путевых заметках Плано Карпини. С печати, хранящейся в архиве Ватикана, в 1920 г. был сделан оттиск, а в 1923 г. П.Пеллио опубликовал сведения об этой ханской печати в своем сочинении Les mongols et la papauté [УМҮДБ, с. 13].

В 1921 г. в секретном архиве Ватикана была обнаружена грамота Ил хана Абага католическому послу.Точная дата написания этого текста неизвестна, так как там указано только, что это было в год зайца. Поскольку годами зайца в период правления Абага-хана (с 1265 по 1282) были 1267 и 1279, следовательно, грамота была написана в каком-то из этих годов [УМҮДБ, с. 24].

В 1824 г. во французском государственном архиве было обнаружено письмо князя Аргуна, отправленное в 1289 г. французскому королю Филиппу Красивому. Текст письма исследовали И.Я.Шмидт, В.Л.Котвич [Владимирцов, 1929, с. 34].

Папа Николас IV дважды, в 1288 и 1289 гг. посылал письма Ил хану Аргуну. В 1921 г. в архиве Ватикана была обнаружена последняя часть ответного письма Аргун-хана, отосланного летом 1290 г. В этом же году было обнаружено и письмо Газан-хана Бонифацию Восьмому, относящееся уже к самому началу XIV в. (1302 г.), в котором обсуждались сроки совместного похода на Египет [УМҮДБ, с. 56].

К древнему периоду относятся также охранный лист, выданный Ил ханом Аргуном в 1291 г., серебряные пайдзы с монгольским текстом, круглая бронзовая пайдза также с монгольским текстом, рядом с которым имеется текст на квадратном письме [Владимирцов, 1929, с. 34-35].

Эти, хотя и не очень большие по объему, тексты писем, грамот, охранных листов, пайдз и печатей тем не менее представляют немалый интерес с точки зрения орфографии и грамматики древнего монгольского языка.

Они свидетельствуют о высоком уровне монгольского литературного языка на уйгуро-монгольском алфавите и дают представление о довольно развитой морфологии и синтаксисе, что в свою

очередь предполагает наличие более древних, не дошедших до нас письменных литературных источников. Эти памятники свидетельствуют и о предшествующем длительном пути развития письменного языка, выработавшего определенные грамматические формы и свой стиль.

Значительно полнее письменный литературный язык представлен источниками, относящимися к XIV в.

Известно, что монголы с древнейших времен переводили с других языков, в том числе и с китайского, различные исторические, философские, дидактические произведения. Одним из таких переводов является Сяо-цзин (Hsiao ching - далее HC) - древнейшее китайское сочинение, переведенное на многие языки Востока, в том числе и на монгольский, о чем имеется упоминание в китайском историческом сочинении Юань ши вей [Х.Лувсанбалдан, 1961, с. 11]. Из этого сочинения известно, что Сяо-цзин была переведена на монгольский язык в 1307 г. Болод (Пулад) Тимуром, но перевод, как считают ученые, был сделан государственным, так называемым "квадратным" письмом. Однако этот текст до сих пор не обнаружен. Но как предполагается, вскоре после того (а возможно, и одновременно) был сделан перевод на монгольский язык уйгуро-монгольским письмом [I. de Rachewiltz, 1982, с. 14-16]. Это редчайшая и единственная на монгольском языке книга юаньского периода (XIII-XIV вв.), памятник древнего доклассического монгольского языка [2].

История обнаружения монгольского текста связана с именами В.Фукса и А.Мостерта. В IV т. Monumenta Serica (1939-1940, с. 328) появилась их небольшая статья, содержание которой касалось одного оказавшегося оторванным листа, найденного Фуксом несколькими годами раньше в Пекине. Лист этот принадлежал неизвестному до сих пор двуязычному изданию Сяо-цзин. Он представлял собой китайский текст, разбитый на предложения, за каждым из которых следовал монгольский перевод на уйгуро-монгольском алфавите. А.Мостерт перевел монгольский текст и высказал предположение, что со стороны словаря и грамматики он, возможно, относится к периоду юаней [Fuchs W. und Mostaert A., 1939-1940, с. 328].

В 1946 г. в этой же серии В.Фукс опубликовал статью [Fuchs W., 1946, с. 33-34], в которой сообщалось об обнаружении в Дворце-музее в Пекине полного экземпляра Сяо-цзин, и давал его описание. Таким образом была найдена редчайшая и единственная в своем роде изданная на монгольском языке книга юаньского периода - памятник древнего доклассического монгольского языка, которым

---

[2] Как известно, древнейший монгольский памятник XIII в. "Сокровенное сказание" зафиксирован китайскими иероглифами, а монгольский оригинал, если он когда либо существовал, до сих пор не обнаружен.

ученые ныне располагают. В 1954 г. фотокопия этого текста была опубликована В.Хэйссигом [Heissig W., 1954].

Первым же, кто подверг критическому анализу монгольский текст памятника, был монгольский ученый Х.Лувсанбалдан, который, находясь в 50-х годах в Пекине, приобрел микрофильм книги и в 1961 г. издал монографию "Ачлалт номын тухай" (О "Книге почитания родителей"). Монография состоит из краткого предисловия (I- III), где автор высказывает мнение, что по форме письма и языку монгольского текста перевод мог быть сделан в конце юаньской (1280-1368) или в начале минской династии, т.е. в XIV в.; далее следует транскрипция текста (4-22), пространный комментарий (24-125), большая часть которого посвящена сравнению публикуемого текста с некоторыми современными версиями (их сейчас существует несколько, а во Внутренней Монголии эта книга является настольным учебником для домашнего обучения), индекс слов (125-148), и, как приложение, - факсимиле ксилографа текста. И хотя репродукция текста местами очень неразборчива, эта работа, несомненно, имела большое значение, так как в научный оборот поступил полный текст ксилографа и оригинальный памятник стал, наконец, доступен монголоведам для исследования.

За публикацией Х.Лувсанбалдана последовали и другие работы, посвященные Сяо-цзин. Венгерский ученый акад. Л.Лигети, основываясь на факсимиле текста, изданного Х.Лувсанбалданом, опубликовал в 1965 г. предварительную транскрипцию монгольского текста [Лигети, 1965, с. 9-37], а в 1972 ее более совершенный вариант. Но как пишет И. де Ракевильц, транскрипция Л.Лигети, хотя и представляет определенное улучшение по сравнению с таковой Х.Лувсанбалдана, все же содержит ошибки в прочтении некоторых букв и поэтому не может считаться окончательной [I. de Rachewiltz,1982, с.17].

В 1978 г. журнал Zentralasiatische Studien опубликовал более отчетливый текст Сяо-цзин с кратким предисловием (с. 159-237). В 1982 г. И. де Ракенвильц снова издает текст, предпослав ему подробное введение, транскрипцию, перевод на английский язык и примечания к переводу. Во введении автор высказывает мысль, что язык монгольского текста выражает определенные черты самой ранней даты составления, возможно, ранее середины XIII в. [I. de Rachewiltz, 1982, с. 18].

В 1984 г. Л.Лигети вновь возвращается к этому памятнику и публикует статью, в которой рассматриваются орфографические особенности текста, предлагается новое прочтение ряда знаков, уточняется перевод ряда мест, высказываются некоторые замечания по поводу публиккации И. де Ракевильца и подчеркивается, что грамматические особенности данного монгольского текста заслуживают специального исследования [Лигети, 1984, с. 303-349].

Ряд публикаций по отдельным главам Сяо-цзин принадлежит проф. Гарвардского университета Ф.В.Кливсу, в которых дается транскрипция монгольского текста и перевод на английский язык с примечаниями [Cleaves, 1982, с. 69-88; Cleaves, 1983, с. 33-46; Cleaves, 1985, с. 225-254; Cleaves, 1991, с. 117-145; Cleaves,1994, с. 1-21].

Ценность этого уникального памятника состоит в том, что это единственная печатная книга на монгольском алфавите XIII-XIV вв., сохранившаяся до наших дней и самый длинный по протяженности в 2 тыс. слов текст.

Монгольский перевод не является буквальным воспроизведением китайского текста. Переводчик/и/, - как отмечают исследователи,- допускал/и/ большую свободу в превращении китайского оригинала в монгольский текст. В результате монгольская версия является пересказом или интерпретацией источника. Такая свобода в переводе с китайского делает монгольский вариант более ценным как образец монгольского языка юаньского периода.

К памятникам монгольской письменности XIV в. относится и серия двуязычных китайско-монгольских текстов.

Китайско-монгольские надписи на стелах - это двуязычные памятники времен правления последнего монгольского императора юаньской династии (1368-1371) Тогон Тэмура (1320-1370).

Первая из нескольких (по крайней мере шести ныне известных) надписей была высечена на камне и установлена в 1335 г. Монгольский текст этой стелы был впервые опубликован в 1937 г. японским ученым Tamura Jitsuzō в журнале Mongγol=un sudulal (Mongolica). Появлялись публикации и в японских изданиях. По содержанию текст этой надписи представляет собой генеалогию и историю семьи китайского происхождения, служившей монгольским правителям на протяжении пяти поколений. Этот двуязычный памятник - неоценимый источник не только по истории юаньской династии, но и прекрасный материал по древнемонгольскому письменному языку. В 1950 г. В.Кливс опубликовал в [HJAS. V 13, № 1-2] китайский и монгольский тексты, их переводы на английский язык с историко-филологическими комментариями и индексом.

Вторая надпись была составлена в 1338 г. Ее монгольский текст также был опубликован в 1937 г. в Monggol=un sudulal (Mongolica) Tamura Jitsuzō. Эта надпись неоценима по значению как исторический и лингвистический памятник эпохи юаней и как уникальный источник по генеалогии и истории монгольской семьи, по крайней мере в трех поколениях преданно служившей двору. Китайский и монгольский тексты и этой стелы с переводами их на английский язык, комментариями и индексом были осуществлены В.Кливсом и опубликованы в [HJAS, 1951, V 14, № 1-2].

В 1340 г. была составлена третья из подобных надписей. Она высечена на камне, установленном в одном из древних храмов, расположенном в горах китайской провинции Юнь-нань, сохранившемся до сих пор [УМУДБ, с. 307].

Первое упоминание о монгольском тексте этой надписи, как еще не опубликованной, было сделано Б.Я.Владимирцовым [Владимирцов, 1929, с. 35], который сообщал, что "имел возможность подробно ознакомиться с этой надписью по фотографии", любезно предоставленной ему покойным J.Denicker-ом, который в свою очередь получил ее от d'Ollone.

На обратной стороне памятника упоминается имя юнь-наньского вана Аруга, по чьему указу была высечена надпись, поэтому она названа Б.Я.Владимирцовым "стела Аруга".

Монгольский текст памятника с изложением его на классическом письменном монгольском языке опубликован в УМУДБ, с. 307-313.

Стела 1346 г., воздвигнутая по указу императора Тогон Тэмура, сохранилась не полностью. Только четыре ее отдельных фрагмента были обнаружены на месте бывшей столицы Каракорум.

Два фрагмента монгольского текста были опубликованы В.Радловым в его Atlas der Alterthümer der Mongolei. В.Л.Котвич, который обнаружил еще три фрагмента этой надписи, перевел монгольский текст одного фрагмента и опубликовал в своей статье "Монгольские надписи в Эрдэни-дзу" [Котвич, 1918, с. 205-214].

В 1929 г. Н.Поппе в своем отчете о поездке на Орхон летом 1926 г. представил исследование еще по двум фрагментам монгольского текста, а Б.Я.Владимирцов [1930, с. 187] сделал поправки к прочтению надписи Н.Поппе.

Несмотря на свою неполную сохранность, монгольский текст и этого памятника представляет собой образец монгольского письма языка XIV столетия. Кроме лингвистического аспекта надпись представляет интерес и для изучения истории буддизма в Монголии, так как является единственным источником тех времен по описанию огромного буддийского храма в Каракоруме, который был заложен еще Угэдэй-ханом в 1220 г. Эта надпись также была исследована В.Кливсом [HJAS, 1952, V 15, № 1-2].

В 1967 г. в: [HJAS, V 27] В.Кливс опубликовал статью о китайско-монгольской надписи 1348 г. В этой статье он представил снимок китайского текста. Камень, на котором была высечена надпись, был уже основательно разбит и поэтому она сохранилась частично. Из скопированного китайского текста видны только две строки монгольского, которые завершали китайскую надпись. Камень с фрагментом монгольского текста опубликован в [УМУДБ, с. 342].

И, наконец, шестая стела относится к 1362 г. В 1908 г. монгольскую надпись с нее скопировал П.Пеллио, но издание ее тогда не последовало. Изучение этого двуязычного памятника связано с именем В.Кливса. В 1949 г. в: [HJAS, V 12, № 1-2] появилась его публикация китайского текста с переводом на английский язык и комментариями, а также монгольского текста, его латинской транскрипции также с переводом на английский язык, комментариями и индексом. Это исследование представляло собой исправленный и дополненный вариант докторской диссертации автора, представленной на защиту в 1942 г. в Гарвардском университете в Кэмбридже.

Стела 1362 г. представляет собой великолепный источник по генеалогии и истории семьи тюркского происхождения, которая служила монгольским правителям в течение пяти поколений. Единственным членом этой семьи, имя которого В.Кливс обнаружил в официальных документах юаньской династии, был Орон, благодаря заслугам которого перед императором, его отцу Хинду был посмертно присвоен княжеский титул, пожаловано поместье и по приказу императора была высечена надпись на камне. Монгольский текст этого памятника представляет собой также прекрасный образец письменного монгольского языка 2-ой половины XIV в.

К образцам древней монгольской литературы и монгольского языка юаньского периода относится и текст "Двенадцати деяний Будды" (The Twelve Deeds of Buddha). Его публикацию с примечаниями и перевод на английский язык осуществил в 1967 г. Н.Поппе. Считается, что это слегка сокращенная версия Lalitavistara, составленная потибетски в XIV в. Чойджи Одсэром, известным монгольским ученым и переводчиком буддийских сочинений. В XIV же веке текст был переведен на монгольский язык по поручению императора Йсун Тэмура (1293-1328). Монгольский перевод сохранился частично и, хотя обнаружен не его оригинал, а более поздняя копия (XVII в.), его, по словам Н.Поппе, можно считать шедевром монгольской каллиграфии того времени, который содержит как древнюю лексику, так и грамматические формы, характерные для доклассического монгольского языка [Поппе, 1967, с. 19].

К исследованию особенностей монгольского языка доклассического периода был привлечен и текст "Сокровенного сказания".

"Сокровенное сказание" - первый монгольский национальный литературно-исторический памятник XIII в., по своему значению причисленный к великим литературным памятникам мира. Это монгольское сочинение было транскрибировано (с предполагаемого уйгуро-монгольского первоисточника) китайскими иероглифами и переведено на китайский язык с целью изучения монгольского языка китайцами в минскую эпоху или даже, как считает ученый из Внутренней

Монголии Баяр, в эпоху юаньских императоров (1271-1368) [Mongolica, 1993, с. 94].

Начало исследования этого замечательного памятника в России было положено русским ученым архимандритом Палладием Кафаровым, опубликовавшим в 1866 г. перевод "Сокровенного сказания" на русский язык под названием "Старинное монгольское сказание о Чингис-хане".

К настоящему времени опубликованы сотни трудов ученых разных стран Европы, Азии и Америки, посвященных переводу этого произведения на европейские и восточные языки, а также изучению его языка. И тем не менее исследование этого произведения далеко не закончено: продолжается работа по уточнению транскрипции и реконструкции монгольского оригинала, изучаются отдельные разделы грамматики и синтаксиса его текста.

"Сокровенное сказание" признано ЮНЕСКО великим памятником истории и литературы Востока и под эгидой этой международной организации в 1990 г. в г. Уланбаторе состоялась юбилейная Международная конференция, посвященная его 750-летию. В конференции принимали участие ученые многих стран мира, где высказывались мнения, что этот шедевр монгольской литературы не только ценный памятник по истории, культуре и искусству монгольского народа XIII в., но и непревзойденный материал для дальнейшего изучения языка и поэзии монголов той эпохи.

Об уйгуро-монгольской письменности

Развитие учения о языке у того или иного народа связано с историей его письменности. Как уже выше отмечалось, самые ранние дошедшие до нас памятники монгольской письменности относятся к XIII в.

XIII век был веком создания единого монгольского государства, тогда и появился общий письменный язык на основе уйгурского алфавита. До того времени монголы пользовались и другими письменами. При дворе Чингис-хана, например, широко использовалась китайская иероглифика. Как писал А.М.Позднеев, "постоянные сношения с Китаем потребовали новых порядков, и тогда, почувствовав нужду в письме, монголы начали употреблять китайские иероглифы, не приспосабливая их, однако, к своему языку, как это сделали японцы, корейцы и др." [Позднеев, 1897, с. 2].

В монгольских летописях сохранились предания, в которых употребление монголами китайского письма приписывается даже

временам первого монгольского князя Бодончара, которого в летописях монголы почитают сыном Тэнгрия.

А.М.Позднеев склонен был считать, что монголы еще задолго до Чингис-хана пользовались для своего письма китайскими иероглифами. Возможно, тогда же употреблялась и уйгурская письменность, но распространение она получила с самых первых годов царствования Чингис-хана и была уже настолько широко известна, что европейский путешественник Плано Карпини писал, что монголы не только всецело восприняли уйгурский алфавит, но и настолько освоились с ним, что сами уйгурские буквы называют монгольскими [Позднеев, 1897, с. 7,11].

Введение уйгурской письменности приписывается Чингис-хану. Как явствует из общеизвестной легенды, Чингис-хан, одержав победу над найманами, захватил в плен уйгура по имени Та-Та-Тонга, которому поручил обучить этой письменности своих детей.

Принятие письма монголами от уйгуров подтверждает и другой европейский путешественник Рубрук [Позднеев, 1897, с. 13].

Традиционное отнесение создания письменности на основе уйгурского алфавита и первых сочинений о языке к XIII в., по-видимому, соответствует действительности, хотя трудно предположить, чтобы наличие разработанного литературного языка к началу этого века не предполагало создания письменности в более ранний период. Монгольские ученые считают, что уйгурская письменность могла появиться среди монгольских племен не позднее IX-X вв. [А.Лувсандэндэв, 1982, с. 44; Д.Төмөртогоо, 1983, с. 4], но надежных историко-лингвистических данных для этого пока мало.

Уйгурская письменность стала прообразом настоящей монгольской письменности, которая сформировалась только к концу XVI в.

Получив алфавит от уйгуров, которые в свою очередь заимствовали его у согдийцев-буддистов, и который восходит к одному из арамейских - северному семитическому, монголы на протяжении нескольких веков подвергали его совершенствованию, после чего он стал называться не уйгурским или уйгуро-монгольским, а монгольским.

Уйгуро-монгольский алфавит кроме чисто графических особенностей, отличающих его от "монгольского" по начертанию букв, имел и свои фонологические особенности: он содержал в себе всего 14 знаков и на первых порах еще не был приспособлен для фиксации звуков монгольского языка. "Алфавит, который первоначально был приспособлен для фиксации звуков или фонем одних языков, не мог быть полноценным инструментом для передачи фонетического строя других языков, в данном случае монгольских" [Санжеев, 1977, с. 20].

В уйгурском алфавите отсутствовали, например, такие знаки, которые могли бы различать монгольские согласные: [к,] и [г,], [к] и

[г], [ч] и [дж], [с] и [ш], [т] и [д] [Санжеев, 1977, с. 20]. Для семи монгольских гласных было только три знака: [a // e], [i] и [o // u], в результате четыре огубленных монгольских гласных передавались сочетаниями имеющихся букв: альфа [alēph] и вав [waw] → o,u или alēph, waw и yod → ö,ü.

В древнем монгольском языке существовала стройная система гласных с делением на два ряда:

1. задний: a,o,u, ï
2. передний: e,ö,ü,i.

Однако эта система просуществовала недолго и, как считал Б.Я.Владимирцов, повидимому, в половине XIII в. монголы перестали различать ï от i. Тем более, что и в самом уйгурском алфавите не было особого знака для ï , который обозначался так же, как и i. Различие же между ï и i можно было установить тоько при употреблении разных согласных: буква heth [χ, γ, g] употреблялась в словах заднего ряда, а kāph в словах переднего ряда [k, g] [Владимирцов, 1929, с. 119-120]. Поэтому древние монгольские филологи основное внимание в своих сочинениях уделяли приспособлению уйгурского алфавита к фонологической системе монгольского языка.

Самым ранним сочинением о языке у монголов считается написанное в первой половине XIII в. (1237 или 1243) сочинение тибетского ученого Сакъя пандида Гунгаажалцана "Зурхний толт" ("Сердечный покров" или "Сердечная сущность"). Оно не сохранилось, но упоминание о нем и дате его написания содержится в более поздних трудах. Сакъя пандида Гунгаажалцан был скорее всего составителем букваря или учебного пособия, в котором были сформулированы основные фонетические правила употребления уйгурского письма [Рерих, 1958, с., 339; Ш.Лувсанвандан, 1965, с. 19-20; Ц.Дамдинсурен, 1956, с. 112].

Создавая свое сочинение (или учебник), Гунгаажалцан приспособил 14 уйгурских знаков к монгольскому языку, а разрабатывая орфографию, положил в основу алфавита индо-тибетскую слоговую систему. Хотя уйгуро-монгольское письмо по своему характеру не слоговое, а звуковое, тем не менее он и все последующие грамматисты вплоть до начала XX века объясняли его как слоговое по принципу индийской и тибетской слоговых систем, которые они хорошо знали (Санскрит и тибетский в древней Монголии играли примерно такую же роль, как классический греческий и латинский в Европе средних веков).

Гунгаажалцан составил азбуку, состоящую из 44 знаков, точнее из трех имеющихся в уйгурском алфавите гласных: a,e, i и 41 слоговуквы, так как каждую из согласных: n, b, x, g, m, l, r, s, t, d, j, c, y, w он снабдил гласными (w имела только wa и we). Для огубленных гласных: o, ö, u, ü в уйгурском алфавите особых знаков не было,

поэтому и слого-буквы с ними образованы не были [Ш.Лувсанвандан, 1965, с. 20-21].

Однако такого количества знаков было явно недостаточно для общемонгольского языка, особенно для перевода иноязычной философско-религиозной и другой литературы. Поэтому на протяжении долгого времени, вплоть до конца XVI в., велась работа по усовершенствованию алфавита и письменности в целом.

Дальнейшее усовершенствование письменного языка и прежде всего его грамматических норм связано с именем крупнейшего монгольского ученого-филолога, поэта и переводчика буддийских сочинений Чойджи Одсэра, который написал грамматическое сочинение Зурхний толтын тайлбар ("Комментарии к "Зурхний толт"). Этим сочинением были заложены основы монгольской филологической науки. К сожалению, оригинал этого труда также не сохранился, но дошел в редакции XVIII в. Грамматика не воспроизводилась целиком, а излагалось лишь краткое содержание и приводились отдельные фрагменты текста Чойджи Одсэра.

Применение уйгурской письменности к монгольскому языку требовало создания специальных графем для обозначения тех знаков, которые в уйгурском алфавите отсутствовали. Развивая дальше учение своего предшественника о звуковой системе монгольского языка, Чойджи Одсэр составил новый монгольский алфавит из 123-х слогобукв. К трем неогубленным гласным a,e,i он добавил огубленные o, ö,u,ü, образовав первые: o, u из alēph и waw, а вторые -ö, ü из alēph, waw и yod. Следуя, как и его предшественник Гунгаажалцан, индо-тибетской слоговой системе, Чойджи Одсэр каждую из согласных снабдил гласной. Таким образом, старомонгольский алфавит состоял уже из 7 гласных, 114 согласных слого-букв с добавлением сочетания ng и iyar.

Этот алфавит и письменность продолжали существовать и в XVI в. В 1587 г. для обозначения на письме иноязычных фонем в многочисленных заимствованиях были созданы буквы, образующие в совокупности особую систему знаков, так называемый Галик (в русской транслитерации это: в, е, з, к, п, ф, h).

С конца XVI в. произошли значительные изменения и в начертаниях самих уйгурских знаков: конечные "a", "e", "n", "d" стали писать с черточкой, загибающейся слева направо, а не вниз, как это было в уйгурском алфавите. Иным стало написание "a" и "e", когда они употреблялись отдельно от слова (знак "орхица"), изменилось начертание буквы "m" (без двух зубчиков слева). Стало различаться написание согласных d и t, были введены новые буквы для обозначения č и ǰ, иное начертание получили буква "s" в конце слова. Видоизменилась и система диакритических знаков; точка перед конечным "n" уже не ставилась, хотя вплоть до XVII-XVIII вв в диакритике еще

присутствовал разнобой: две точки могли отсутствовать перед γ в интервокальной позиции и стоять перед χ или γ в позиции перед согласными.

Усовершенствование алфавита, норм правописания и начертания самих знаков привело к образованию "собственно монгольского" письма - классического монгольского письменного языка.

Научная библиотека
Государственного научно-

Некоторые лексико-графические особенности уйгуро-монгольских текстов

Что касается древнего монгольского письма, то написание букв усвоенного монголами в XIII в. уйгурского алфавита согдийского происхождения до XVI в. оставалось почти без изменения. В течение всего этого периода шел медленный процесс изменения уйгурского почерка и начертания уйгурских знаков. И лишь к концу XVI - началу XVII в. этот процесс закончился выработкой монгольской формы написания знаков алфавита [Владимирцов, 1929, с. 32].

В древних текстах отсутсвовала пунктуация, за редким исключением употребления двух точек / : /, которые могли стоять как в конце предложения или целого абзаца, так и в любой части предложения, а чаще и вообще отсутствовали, и четырех точек / · :· /, завершающих все сочинение, иногда его части. Следует отметить также отсутствие (за редким исключением) знаков диакритики, т.е. простой точки перед знаком п и двух точек перед знаком γ в предвокальной позиции. Но, с другой стороны, эти же точки порой употреблялись перед этими же согласными, находящимися в позиции перед другими согласными, что противоречит более поздним, классическим, правилам диакритики.

В области лексики эти тексты характерны не только наличием тюркизмов, китаизмов и других иноязычных слов, но и написанием многих лексем в древней уйгурской орфографии, например, писали jrlγ вм. jarliγ "указ, повеление", bulγ вм. bulaγ "источник", slüg вм. silüg "стихи".

В ранних текстах длинный зубчик при написании ö и ü в начале слов часто отбрасывался и писали o и u, особенно в тех случаях, когда их мягкое произношение было очевидно из следовавших за ними согласных g,k. например: ǰug вм. ǰüg "сторона, направление"; mongke вм. möngke "вечный"; ǰobleküi вм. ǰöbleküi зд. "быть равным". Написание o и u вм ö и ü объяснимо, когда за ними следовали согласные g и k, предполагающие передний вокализм. Но твердые o

и u вместо их мягких вариантов писались и во многих других случаях, например: čom вм. čöm "все", "вместе", job вм. jöb "верно, правильно".

В китайско-монгольских надписях XIV в. обычным было написание в первых слогах переднеязычного ü в словах с гласными заднего ряда: γürban вм. γurban "три", büsud, büsu, иногда büsi вм. busud и busu "другие".

Своеобразно употреблялся и суффикс множ. ч. (класс.: = nuγud / = nügüd), который в древних текстах независимо от принадлежности гласных предшествующего слова к переднему или заднему ряду писался преимущественно в форме =nuγud: ...bodisdv=un olon töröl =nuγud... [ТД 56, F 52 v] "... многочисленные перерождения Бодхисатвы"; ... ǰaγur=a berke čol=nuγud=i tuγuluγad... [Cl., 1362, c. 64] "...по пути пересекая трудные пустыни...".

В начале слов не различалось написание а и е, т.е. вместо одного зубчика для е писали два как для а: апе вм. епе "этот", ačige вм. ečige "отец", amüne вм. emüne "перед", ayimün вм. eyimün "такие" и т.п.

В самых ранних памятниках уйгуро-монгольского письма не проводилось различия в написании d и t в середине слова. Однако окончание дательно-местного падежа (в раздельном написании) всегда было = tur независимо от конечной основы слова: bükü=tür (=tür вм.=dür) [УМҮДБ, с. 59]. Позднейшие правила предписывали писать =tur, =tu после твердых согласных, =dur, =du после гласных или мягких согласных [Mongol=un uyiγurcin bičig. UB., 1965, c. 69].

В большинстве случаев не выдерживались какие-либо правила употребления знаков диакритики: точки отсутствовали перед знаком [γ] в предвокальном положении, но с другой стороны, употреблялись перед зубчиком, обозначающим [n] в позиции перед согласными или в конце слова, что в корне противоречило более поздним правилам употребления этих знаков.

Не соблюдались правила гармонии гласных, в результате часть слова могла быть написана с мягким рядом гласных, а другая с твердым: dörbeduγar вм. dörbedüger [НС, 27б: 6а] "четвертый".

Падежные окончания, лично-притяжательные частицы, показатели множественного числа часто писались с основой слова, тогда как в классическом монгольском они пишутся, как правило, отдельно, например: ertenečе [УМҮДБ, с. 69] вм. erte=eče " издавна",bičigmani [УМҮДБ, с. 50] вм.bičig mani "письмо мое": aqanar degüner [УМҮДБ, с. 70] вм. aqa nar degü ner "старшие и младшие (братья)".

В описываемых памятниках употреблялись древние архаичные формы написания многих слов, например, bičin (уйг.форма), монг.: bečin "обезьяна", köreg "картина" вм. более поздней korog "id";

menggü более поздняя форма mönggü "серебро"; ilčin вм.elčin "гонец, посланник", ödür вм.edür "день".

Отсутствовала закономерность в употреблении суфф. =iγa/=ige: например, в тексте НС он часто чередовался с =iya/=iye: emige= [2 а] emiye= [16 б; 29 а; 33 а]; kičige= [7 б; 33 а] kičye=[28 б].

Это относится и к суффиксу класс. =siγa/=sige, который употреблялся в форме на =siya/=siye; ср. sayisiγa= [Cl., 1338, с. 53] "одобрять" от sayin "хороший" +=siγa и sayisiya= [Cl., 1362, с. 63] "id".

В лексике древних текстов употреблялось немало слов, исчезнувших впоследствии из языка или сохранившихся в ином написании, например: türün или tür=ün [Cl., 1362, с. 63,66] "в начале". Ср. в класс. монг. türügü "недавно", 'прежде", "раньше"; не зарегистрирован в словарях глагол udu= "руководить, вести за собой": kög daγun qoyar=iyar udubasu... [НС, 12 б] "когда они руководили (ими) посредством гармонии и музыки (звуков)" (Об этом глаголе и производном от него существительном udum см. Cl., 1346, примеч. 155; Rachewiłts, 1982, примеч. 49). Только в монгольских памятниках XIV в. употреблялось словосочетание bii tas "стела" < кит. pei "стела" + тюрк. tas "камень" с регулярным изменением š > s.

Слово narbai "обширный, просторный" сохранилось в форме narmai "id". Не зарегистрированы в современных словарях такие слова, как südkü= "помогать", südkülü= "заставить оказывать помощь" [Cl., 1362, примеч. 66]. Только в китайско-монгольских надписях использовался глагол wungsigla= "пожаловать почетный титул" (супруге, родителям и прародителям в знак почитания). В.Кливс считает, что этот глагол образован от основы wungsing=, которая может быть и китайским термином feng-tsêngu, обозначающим почетный титул того же значения [Cl., 1335; Cl., 1362, примеч. 68].

Только в древних текстах встречается слово söge [Cl.,1335, примеч. 49] "холод". Ср. в "Сокровенном сказании": jü'en [§ 230]. В китайско-монгольских надписях употребляется слово jidte [Cl.,1335, примеч. 86] с приблизительным значением "в присутствии".

Кроме лексикографических особенностей язык древних памятников характерен наличием суффиксов и грамматических форм, неизвестных или крайне редко употребляемых в текстах более поздних веков. Так, из монголоведной литературы известно, что в старописьменном монгольском языке страдательный залог с суффиксом =da употреблялся от весьма немногих односложных глагольных основ типа ol=da= "быть найденным" от ol= "находить" или γar=ta="быть превзойденным" от γar= "превзойти (в спорте)" [Санжеев, 1964, с. 78]. Однако древний пассив на =da употреблялся вместо более позднего =γda и в ряде многосложных глагольных основ, в том числе и в сочетании с суффиксом побудительного залога, например, jayaγadaγsabar

[Cl., 1362, с. 62] "быть предопределенным судьбой"- деепричастие на = γsabar от ǰayaγada= - древний пассив на =da от глагола ǰayaγa= "предопределять": törögülde= [Cl., 1362, с. 65] "быть рожденным" - пассив на =da от каузатива на =γul/=gül глагола =törö= "рождать"; oralaγulda= [Cl., 1362, с. 29] "досл. позволять быть удерживаемым на службе" - пассив на =da от каузатива на =γul глагола orala=, образованного от имени существительного ora "место", "штат (служебный)"; surγaγulda= [HC, 12 a] "заставить быть просвященным" - пассив на =da от каузатива на =γul глагола surγa= "обучать"; bayiγulda= [Cl., 1362, с. 62] "быть воздвигнутым"- пассив на =da от каузатива на =γul глагола bayi= "быть, находиться"; orusiγulda= [HC, 6 a] "быть установленным" - пассив на =da от каузатива на =γul глагола orusi= "находиться, располагаться".

В глагольной системе зафиксирована древняя форма nomen imperfecti на =γai/=gei (в "Сокровенном сказании": ='ai/='ei) вместо более поздней на =γa/=ge, например, Iduγ qud öber=ün tüsimel=iyer=iyen iregei=üdügüi üiles=i urida böged uqaǰu...[Cl., 1362, с. 62] "Идук худ со своими чиновниками понял заранее события, которые еще не произошли"; ...ǰoqiyan egüskeǰü daγusuγai üdugüi=e [Cl,. 1362, с. 62] "...когда, начав сочинять, еще не закончил..."; gü'ün=ne ber öktei'ei üdükui ökin aǰu'u [Ск.ск., § 7] "Это была еще не просватанная (не отданная человеку) девушка"; Dungčang balagasu abu'ai [Ск.ск., § 247] "Взяли город Дун чан"; ср.: basa ber nasun=dur kürege edügüi amu [ТД 33, F 19 v]"...и также еще не достигли совершеннолетия".

Только в древних текстах зафиксированы некоторые глагольные формы, указывающие на согласование сказуемого с подлежащим или с другими членами предложения по родовому (точнее половому) признаку. Наибольшее количество примеров с такими глагольными формами содержится в тексте "Сокровенного сказания". Это прежде всего форма на =bi как вариант Präteritum perfecti на =ba / =be и =ligi / =li'i как варианты Präsens perfecti на =luγa / =lu'a / =lu'e, употреблявшиеся нередко (но весьма нерегулярно) при наличии в предложении подлежащего или дополнения, выраженного именами женского пола.

Имеются такие примеры и в памятниках уйгуро-монгольской письменности. Так, в надписи 1335 г. зафиксированы предложения, которые различаются употреблением разных форм Präteritum imperfecti в зависимости от половой принадлежности лиц, в пользу которых совершается действие. Это формы на =ǰigi/=čigi для женского пола и =ǰuγu - для мужского. Ср. примеры: gergei inu Gang si da sing qoo gün wusin ner=e ogčigi [Cl., 1335, с. 74] "Его супруге Ганг ши [Им-

ператор] пожаловал титул шинг хоо гун вушин"; mön kü urida yosuγar... ner=e ber wungsinglaγsan aǰuγu, gergei Ong si=da... ner=e ber wungsinglaǰigi [Cl., 1335, с. 74] "Точно так же, как и прежде даровал [отцу] титул...; Супруге его Онг ши даровал титул...". (Подробнее об этом в разделе "О категории рода").

Для ранних доклассических текстов характерно было употребление глагольной основы buli=, развившейся впоследствии в buliγa= > класс. монг. buliya= "брать, отнимать", например: tegünčilen ebečin ǰobalang ber amitan=u öngge čirai=yi buliǰu singtaraγul=un bui [ТД 24, F 5 v] "Точно также болезнь и страдания отнимают и разрушают красоту (цвет) лица живых существ".

В древнем монгольском языке существовала глагольная форма Präsens perfecti на =laγa / =lege наряду с утвердившейся позже =luγa / =lüge, поэтому служебный глагол bölüge нередко писался как bölege [Cl., 1346, прмеч. 237]. В письме Аргун хана Николасу IV имеется словоформа böleyi [УМУДБ, с. 47], где суффиксом является =leyi. Ср. в "Сокровенном сказании": büligi [§ 155].

К редким глагольным формам надо отнести и форму слитного деепричастия от архаичного глагола a= "быть, существовать"- an: ugaǰu an bui [НС, 33 б] "понимают".

В словаре Houa ii iu [с.33] зафиксированы еще тринадцать форм от глагольной основы a= за исключением формы an. Это: a'ai, abai, abasu, aǰu, aǰu'u, amu, aqu, aqui=tur, aqun, aqsan / aγsan, asuqai / asuγai, atala, atuqai / atuγai.

Суффикс множ.ч. =s , присоединяясь к атрибутивным и адвербиальным основам, выполнял и словообразовательную функцию, при этом производное могло употребляться и в значении единств.числа. Ср. примеры: ...uridus=un kegür=tür bayiγuldaqu bii ǰas=un ayalγus=i ǰoqiyatuγai kemegsen=dür... [Cl,. 1362, с. 63] "...когда мне приказали сочинить текст (звуки) стелы, которая должна быть установлена на могиле предка..." - uridus "предки" (в данном контексте - в значении "предок" в знак уважения к личности) образовано от uridu "прежде, в прошлом". Ср. qoyidus [НС, 2 б, 28 а] "потомки", "будущие поколения": при qoyidu "следующий, будущий, грядуший, последующий"; degedüs "предки", "знать" от degedü "высший, верховный", употреблялось и в значении "император": ...köbegün inu Sargesdeb degedüs=e ene metü soyurqaγdaγad... [Cl., 1338, с. 55] "...сын его Саргэсдэб был таким образом облагодетельствован Императором".

Адвербальные прилагательные tendeki "находящийся там" <tende "там", degereki "находящийся наверху" degere "вверх", "наверху", "на" принимали суффикс множ.ч. =n в случаях согласования в числе с определяемым (такое согласование в современном языке отсутст-

вует), например: tendekin irgen imayi masi kündülün aǰuγu [Cl.,1335, с.72] "...люди, находящиеся там, очень почитали его"; ...delekei degerekin irgen [НС, 11 б], "...народы вселенной". Показателем множ. числа на =n оформлялись при согласовании с определяемым указательные местоимения eyim "эдакий", teyim "такой": eyimün teyimün tangγudud=i [Ск.ск., § 265] "эдаких таких тангутов", а суффиксом =d - вопросительные местоимения yaγu(n) "что?" - yaγud "мн.ч.", ken "кто?" - ked "мн.ч.".

По словам В.Кливса, в монгольских документах, находящихся в Тегеране, отмечено предложение: yaγud ked=i anu bilǰu tataǰu bui abtuγai [Cl., 1335, примеч. 107] "Не позволяй им осуществлять их намерения путем грабежа и захвата". В контексте местоимения yaγud и ked употреблены в значении "чего-кого". Ср. в "Сокровенном сказании": ede ya'ut haran teyin hüldeǰü ayisai ke'en [§ 195] "Что это за люди там бегут (приближаются)?"; ket ber de'ü=ner kö'üt ta ber [§ 254] "кто вы, младшие сыновья?".

Среди личных местоимений особый интерес представляет местоимение 3-го л. ед. ч. В современном монгольском языке оно сохранилось лишь в форме родительного падежа, которая употребляется в качестве лично-притяжательной частицы. Однако в древних текстах сохранились почти все его падежные формы, а именно: вин. п. imayi, дат.-мест. imada / imadur, орудн. п. ima'ar, исх. п. imadaca, соед.п. imaluγa (Подробнее в разделе "Местоимения").

Если в классическом языке местоимения anu, inu (реже ni) употреблялись уже только в роли притяжательных частиц со значением "их", "ее", "его" и только в постпозиции по отношению к соответствующему слову, то в древних текстах они могли находиться и в препозиции, как и любое другое местоимение: anu ordu dotora [Cl., 1338, с. 54] "в их дворце"; anu balaγasun=u γadana baγuγsan aǰuγu [Cl., 1338, с. 54] "Похоронили за пределами их города"; inu metüs=i čī'ün=tur ilebei [Ск.ск., § 156] "Подобных ему (мы) примеряли к тележной оси".

Наряду с инклюзивной формой местоимения множ.ч. bida(n) /bide(n) "мы" в древнем языке широко использовалась и эксклюзивная форма ba, которая ныне нигде, за исключением дагурского ба, больше не употребляется [Санжеев, 1953, с.148; Тодаева, 1986. с. 53].

В надписи 1338 г. трижды встречается словоформа mod (в современном языке "дерево") в значении множ. числа, например:... üčügen mod=i quγur egüdkü. Yeke mod=i niruγun talγ=a bolγaqui=a ǰaγaγaγsan metü [Cl., 1338, с. 56] "...[это] подобно решению: маленькие деревья сделать хурами (смычковый музыкальный инструмент - МО), большие деревья сделать балками и подпорками".

В словарях О.Ковалевского и К.Голстунского зафиксированы словоформы mot / mod, которые они считают формой множ.ч. от modun "дерево" [Ковалевский 1844-1849 т.III; К.Голстунский, 1938, т.III] . Однако нам представляется более вероятным мнение В.Кливса, который mod рассматривает как форму множ. ч. на =d от незарегистрированной для ед.ч. основы mo(n) [Cl., 1338, примеч. 152]. В "Сокровенном сказании" [§ 223] употреблено слово moči в значении "плотник", "столяр" (в современном языке в аналогичном значении модоч). Слово moči в значении "столяр" до сих пор бытует в монгорском языке [Тодаева, 1973, с. 346], что предопределяет существование в древности формы mo(n) в значении "дерево".

В языке памятников XIII-XIV вв. употреблялись древние грамматические формы, характерные только для доклассического языка и неизвестные по более поздним литературным источникам, например: ümedü [Cl., 1362, с. 62; HIII, с.1, 109] "северный" от üme= "север"+ =dü; ümegsi [Cl., 1335, примеч.III] "в северном направлении, к северу" из ume=+=gsi. Основа üme= в значении "север" сейчас не употребляется. Ср. в современном языке умар "север" < umar=a, что восходит к ümer=e с переходом гласного мягкого ряда в твердый.

В ряде случаев отмечено образование отглагольных имен действия с суффиксом = γulsun/='ulsun; manaγulsun [Cl., 1338, с. 59] "стража"; kebte'ülsüt [Ск.ск., § 224] мн.ч. от kebte'ülsün "королевская стража": čaqdu'ulsun [Ск.ск., § 170] "стражник", qara'ulsun [Ск.ск., § 170] "караул, дозор". Некоторые из этих словоформ существуют и в современном языке, но с усеченным суффиксом =γul: qaraγul "дозор, стража".

Нигде кроме надписи 1338 г. не зарегистрировано существительное nemesün от neme= "дополнять, добавлять" +=sün. Это слово синонимично известным в монгольском языке словоформам nemegesün и nemeri "добавка" [Cl., 1338, примеч.90].

Словоформа naimdaγu "общительный, любезный, учтивый", не отмеченная в словарях, состоит из nai "дружба", "дружелюбие" + суф.=mdaγu, который по значению соответствует известному суффиксу =mtaγai / =mtegei. В классическом и современном монгольских языках словоформе naimdaγu соответствует nayiraγu (найрагуу) с тем же значением. Не зарегистрирована в словарях и словоформа kündülemdegü, состоящая из kündüle= - отыменный глагол от kündü "тяжелый" +=mdegü [Cl., 1335, примеч. 177].

Примером древней монгольской терминологии является выражение ayan ayala= [Cl, 1362, с. 32] "проводить военную кампанию". Ср. в "Сокровенном сказании": aya ayalaqui=tur [§ 249] "когда отправимся в военный поход". Сочетание: ayan deger=e yabu= [Cl.,1346, с. 70] "идти в военный поход" интересно тем, что здесь употреблен

послелог degeг=e, исходное значение которого "верх", "вверх", "наверху" > "на", "над". Это выражение сравнивается В.Кливсом с aba de'ere bö'et... [Ск.ск., § 190] "будучи на охоте".

Следует отметить и словосочетание: yeke oг=a saγuγad...[Cl., 1362; 1335; 1338] "сел на высокое (почетное) место (т.е. занял престол)". Б.Я.Владимирцов считал oг=a формой дательно-местного падежа от oг [Владимирцов, 1929, с. 317]. В.Кливс же, основываясь на том, что в древнем языке это слово встречается в виде oг=a / ora oro, а Н.Поппе приводит пример: ora bariba [Поппе, 1938, с. 269] "занял место", считает oг=a не формой детально-местного падежа, а основой слова. Ср.: orantu [Поппе, 1938, с. 269] "имеющий место", суффикс совместного падежа =tu присоединен к основе oran. Кроме того в "Сокровенном сказании" имеется пример: Yeke oro=ban beye=tür činu čučuju... [§ 272] "уступая тебе свое великое место (т.е. престол)", где oro не может быть формой дательно-местного падежа. В словаре HIII [с.1] зарегистрировано: yeke oro barilduqu "бороться за престол", что, по мнению В.Кливса [Cl., 1335, примеч.17], также свидетельствует, что ora / oro представляет собой основу слова, а не его падежную форму.

ГРАММАТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

В древних текстах выявлены те же самые части речи (классы слов), что и в классическом и современном монгольском языках, а именно: 1) имена существительные, 2) имена прилагательные, 3) местоимения, числительные, 5) глагол (его причастные и деепричастные формы), 6) наречия, 7) послелоги, 8) союзы, 9) частицы.

ИМЕННЫЕ ФОРМЫ

Существительные

О категории рода. Как известно, в алтайских языках, в том числе и в монгольских, категория грамматического рода отсутствует. Тем не менее многие исследователи этих языков пытались обнаружить хотя бы некоторые следы или остатки этой категории [Владимирцов, 1925, с. 31-34; П.Пеллио, 1932, с. 51; Г.Дёрфер, 1955, с. 219-267; Одзава Сигэо, 1955, с. 106; Санжеев, 1956, с. 74].

Ученые исходили из того, что в древности для выражения категории рода использовались некоторые словообразовательные суффиксы для различения женского и мужского полов живых существ. Так, Б.Я.Владимирцов в своей статье [1925, с. 31-34] описал случаи различения женского пола при употреблении словообразовательных суффиксов (=гчін, =джін, =хан, =гуі), а также использование в этих целях гармонии гласных (аха "старший", "старший брат", экэ "старшая", "матушка") и считал эти явления следами былого выражения категории женского рода. Отметим, что в системе терминов 12-летнего животного цикла монголы различают года по пяти элементам (дерево, огонь, земля, железо, вода) и пяти цветам (синий, красный, желтый, белый, черный). При этом цветовая гамма подразделяется по отношению к мужскому и женскому роду (точнее полу) путем использования для женского пола указанный Б.Я.Владимирцовым суффикс

=гчин: хөх "синий" - хөхөгчин "синяя", улаан "красный" - улаагчин "красная" и т.д.

П.Пеллио также приводил ряд имен, обозначающих, с одной стороны, женские имена: сутай "императрица", хутугтай "святая", а с другой, мужские: суту "император", хутугту "святой", рассматривая их формы, как остатки грамматического рода [P.Pelliot, 1932, с. 51].

Для обозначения лиц и имен женского пола в древнем языке употреблялся и суффикс =ǰin: Buyanǰin [Cl., 1362, с. 66] "Буянжин" (женс. имя) < buyan "добродетель", "благотворительность"; urïyangqaǰin [Ск.ск., § 38] "уранхайка", "из рода урянхай". Ср.: urïyangqadai [Ск.ск., § 12] "урянхаец"; Mongqolǰin go=a [Ск.ск., § 3] "Монголжин-гуа" (женск. имя) < mongqol "монгол", "монгольский"; Barquǰin qo=a [Ск.ск., § 8] "Баргужин-гуа" (женск.имя) < barqun - название рода. Ср.: Barqudai mergen [Ск.ск., § 8] "Баргудай мэргэн" (мужск.имя). Кроме того посредством этого суффикса обозначаются названия самок животных по возрастному признаку. Производящими основами в таких случаях служат имена числительные или их корни: qunaǰin [Ск.ск., § 195] "трехлетняя" (о самке животных) <qunan "трехлетний" (о самце животных). Ср.: qu=r=ban "три", qu=čin "тридцать". В класс. монг.: dönеǰin "четырехлетняя" < dönen "четырехлетний". Ср.: dö=r=ben "четыре", dö=čin "сорок".

В тексте "Сокровенного сказания" имеется пример на употребление суффикса =ǰin с местоимением в качестве определения к лицу женского пола: ya'uǰin "какая?", "чья?" <ya'un "какой?", "чей?", "что?": eme=yi barǰu ya'uǰin gü'ün či ke'en... [Ск.ск., § 38] "Захватив женщину, сказал: «Ты чья? (какая?)»".

В нескольких женских именах содержится суффикс -lun: Temülün neretei ökin törebi [Ск.ск., § 60] "родилась девочка по имени Тэмулун"; Temülün < temür "железо", ср.: Temür - мужск.имя; Nomolun eke=dečе töregsen büle'e [Ск.ск., § 46] "Родилась от матушки Номулун" - Nomolun < nomon "крот(?)".

Однако, по справедливому замечанию Г.Д.Санжеева, "все эти случаи нельзя рассматривать как свидетельство наличия в монгольском языке категории грамматического рода. Приведенные выше суффиксы и явления гармонии гласных используются только в сфере словообразования для различения имен, обозначающих живых существ по полу" [Санжеев, 1956, с. 74].

Исследование древних монгольских текстов, и в первую очередь, "Сокровенного сказания" выявило и некоторые грамматические формы глаголов (в основном изъявительные формы прошедшего времени), которые как бы подтверждали наличие грамматического рода в монгольском языке самого раннего периода.

П.Пеллио первым высказал предположение, что в глагольных суффиксах прошедшего времени изъявительного наклонения: =ba и =bi, зарегистрированных им в тексте "Сокровенного сказания", возможно, содержатся следы грамматического рода [P.Pelliot, 1932, с. 51].

Г.Дёрфер, исследовавший синтаксис "Сокровенного сказания", также описал отмеченные им случаи согласования в роде, причем автор привлек сюда и другие, кроме изъявительных, глагольные формы, в частности причастные. По его мнению, форма на =qu употреблялась для мужского рода, а на =qui - для женского. Кроме того он отметил и факты согласования по роду сочетаний с прилагательными на =tu/=tü для мужского рода, на =tai/=tei - для женского. При этом подчеркивалось, что глагол может иметь форму женского рода не только когда подлежащее выражено именем женского пола, но и когда дополнение или лицо, в пользу которого совершается действие, являются лицом женского пола [Dörfer, 1955, с. 219-267].

Японский монголовед Одзава Сигэо, также подвергший анализу глагольные формы в тексте "Сокровенного сказания" в те же пятидесятые годы, пришел к выводу, что в системе глагольных форм данного памятника обнаруживаются явные признаки грамматического рода. Он отнес это прежде всего к изъявительной форме прошедшего времени на =bi как варианта формы на =ba / =be, а также к формам на =lige / =li'e как вариантов форм на =lu'a / =lü'e.

Одзава Сигэо также считал, что формы на =bi, =ligi/=li'i являются формами женского рода и что они употребляются не только тогда, когда подлежащее выражено именем, обозначающим лицо женского пола, но и тогда, когда действие глагола связано с лицами этого пола [Одзава Сигэо, 1955, с. 1-19].

К подобным формам принадлежат и глагольные формы на =ǰi'ai / =ǰigi / =čigi как варианты Präteritum imperfekti на =ǰu'ui / =ǰu'u, равным образом указывающие иногда на принадлежность действующих лиц к женскому полу. Приведем некоторые примеры: Temülün neretei niken ökin törebi [Ск.ск., § 80] "Родилась девочка по имени Тэмулун"; atala Alan qo'a eke inu ügei bolbi [Ск.ск., § 22] "Тем временем мать их Алангуа скончалась"; Temüǰin=ǐ büküi=yi ügei ese uqabi. Qoyinaca bosu'at irebi bi ke'ebi [Ск.ск., § 100] "Тэмуджин дома или нет, я не знаю, я приехала с северной (задней) юрты, - сказала она"; Yisügen qadun egeči=yen üǰe'et... mün ö'esün dōro sa'ubi [Ск.ск., § 155] "Есугэн-хатун, увидев свою старшую сестру..., тотчас сама села ниже".

Однако форма на =bi в этом тексте употреблялась и тогда, когда подлежащее в предложении было выражено именем мужского пола или именем, не выражающим принадлежность к какому-либо полу, например: qahan nidün=yen ne'eǰü usun guyuǰu u'uǰu ya'un bolbi

ke'en [Ск.ск., § 272] "...хан открыл глаза и попросил воды, напившись, спросил: «Что случилось?»"; tendeče ügülerün Temüǰin ger=tür buyu='ü ger keǰi'e buyu ke'ebi [Ск.ск., § 100] "Потом [солдаты] сказали: «Тэмуджин дома? Где [его] юрта?» "; čerig=ün bidanu ǰasal sülbergüi bolbi [Ск.ск., § 194] "Ослабел порядок (строй) наших войск".

С другой стороны, и при подлежащем, выраженном именем женского пола, употреблялась форма на =ba / =be; čotan öki=yen hüdeǰü ...Sengür qoroqan=a büküi=dür gürgeǰü ireba [Ск.ск., § 94] "[Мать ее] Цотан, сопровождая свою дочь, доехала до реки Сэнгур"; Hö'elün-üǰin eme... kö'üd=iyen... üdür söni qo'olai teǰieba [Ск.ск., § 74] "Матушка Оэлун уджин... днем и ночью вскармливала своих сыновей"; Börte-üǰin nilbüsün aldaba [Ск.ск., § 245] "Бортэ-уджин заплакала (уронила слезу)".

Отсутствовала какая-либо закономерность и последовательность и при употреблении других глагольных форм. С одной стороны, можно привести примеры на использование разных глагольных форм Präteritum imperfecti в зависимости от половой принадлежности действующего лица или того, в пользу кого это действие совершается. Ср. примеры: Činggis qahan=nu huǰa'ur... Börte činö aǰu'u [Ск.ск., § 1] "Предком Чингис-хана... был Бортэ-чоно"; gergei inu Qo'ai Maral aǰi'ai [Ск.ск., § 1] "Супругой его была Гуа Марал"; ...mön kü uridu yosuγar... nereber wungsinglaγsan aǰuγu... gergei Ong=ši=da... nereber wungsinglaǰigi [C1.,1335, с. 74] "...[Он] точно так же, как и прежде, даровал [отцу] титул... Супруге Онг ши [также] посмертно даровал титул..."; gergei inu Gang=ši=da sing goo gün wusin nere ögčigi [C1., 1335, с. 29] "Супруге его Ганг ши [он] дал титул шинг хоо гун вушин"; qayirantai gergei inu beyeben arigun=a saqiǰu saqun aǰigai [Cl., 1338, с. 21] "Его любимая супруга держала себя в строгости (чистоте)"; Gong Taiγiu=da inǰe bolγan ögčigi [Cl., 1335, с. 75] "...отдал в качестве приданого Гонг Тайгиу" (действие совершается в пользу женщины).

Употреблялись и варианты Präsens perfecti в зависимости от половой принадлежности действующего лица: =la'ai, =liyi и =ligi, =li'i, =lu'a (<=luγa). Ср. примеры: ...mönggün ölegei tanatu könǰile inu Činggis qahan tende abula'ai [Ск.ск., § 133] "...серебряную колыбель и перламутровое покрывало забрал там Чингис-хан"; gergei inu Börte=üǰin=ü eke Čotan neretei buliyi [Ск.ск., § 94] "Мать его супруги Бортэ-уджин звали Цотан"; egeči Yisüi neretei nadača de'ere qan gü'ün=e ǰokiqui aǰi'ai=ǰe sayyi güregen güregelen büligi [Ск.ск., § 155] "Моя старшая сестра Есуй лучше меня и больше подходит хану, она недавно вышла замуж".

Однако во многих случаях и при наличии в предложении действующих лиц, выраженных именами женского пола, согласование между глаголом-сказуемым и подлежащим или дополнением отсутствовало, т.е. употреблялись обычные глагольные формы. Например: ...erten=ü Hö'elün eke=yi Čiledü=dača buliǰu abtala'ai [Ск.ск., § 102]; "[Эти трое меркитов] отобрали прежде у Чилэду матушку Оэлун"; ...öki guyusu ke'en ayisulu'a [Ск.ск., § 62] "...[Я] еду сватать (просить) девушку".

Одзава Сигэо [1955, с. 106], Дёрфер [1955, с. 239], Баяр [1993, с. 250] считают, что суффикс =tu / =tü использовался в качестве показателя мужского рода, а =tai / =tei - женского.

Действительно, примеры такого согласования определения с определением имеются как в "Сокровенном сказании", так и в более поздних литературных памятниках. Ср. примеры: Čilger bi qutuqtai sutai üǰin=i quriyaǰu iregü bolun... [Ск.ск., § 111] "Я, Чилэгэр, отобрал у него премудрую святую госпожу..."; и oǰeitü qutuqtu anda minu büle'e [Ск.ск., § 200] "...это был [ты] мой благословенный святой побратим"; Sayin aldar nere yeketei Alan-qo'a neretei... ökin aǰu'u [Ск.ск., § 7] "...[это] оказалась девушка по имени Алан-гуа с прекрасной репутацией" и ...Torbi taš neretü elči [Ск.ск., § 190] "...посол по имени Торби-таш"; Santa mati neretü tngri=yin köbegün... [ТД 31, F 15 v] "...сын Неба по имени Санта Мати" и Susati neretei ökin=ü sibegčin Dari neretei ükuǰü... [ТД 50, F 41 v] "Служанка по имени Дари, [служившая] у девушки по имени Сусати, умерла...". Как видим, во всех приведенных примерах присутствует оппозиция: женский пол - суф. =tai, мужской пол - суф. =tu. И как правило, это относится к слову nere "имя". Словоформа neretei почти всегда связана с лицами женского пола, а neretü - мужского. Но иногда neretei употреблялась и с именами, обозначающими лиц мужского пола: Qačin=nu ko'ün Noyagidai neretei büle'e [Ск.ск., § 46] "Сына Хачина звали (был с именем) Ноягидай"; Qada'an neretei ere=yi minu... [Ск.ск., § 146] "...моего мужа по имени Хадаан".

Что же касается других (кроме neretei /neretü) лексем, то никакой закономерности в употреблении форм на =tai и =tu не прослеживается, т.е. и при наличии в предложении имен женского пола определение к нему имело форму на =tu вместо =tai : ..niken hula'an de'eltü eme gü'un [Ск.ск., § 146] "...одна женщина в красном дэли", ačitu eke činu buyu bi [ТД 47, F 37 v] "Я ведь благодетельная мать твоя...". Примерами не подтверждается и высказанное Дёрфером мнение, что с категорией рода связано употребление форм причастия будущего времени, а именно, что его форма на =qu имеет отношение к мужскому роду, а на =qui - к женскому. Однако обе эти формы в памятниках XIII-XIV вв. употреблялись независимо от родовой (половой) принадлежности действующих в предложении лиц.

И если в одних случаях форма на =qui как бы участвовала в таком "согласовании", находясь в препозиции к именам женского пола, т.е. выступая в качестве определения к ним, например, kөbegün=i oyisiyaqui ökid... [ТД 28, F 11 r] "...девушки, одобряющие (обращающие внимание на) юношей", то в других случаях она имела отношение к именам мужского пола: ...tergen=dür=iyen ireküi=lü'e... [Ск.ск., § 55] "...когда [он] подъехал к своей телеге...". Ср. также примеры: ...getülgeküi čaγ inu edüge bolju amui [ТД 23, F 4 v] "...сейчас настало время переправы": ...noqan=u bidan=u qučaqui dawun mawui bolbi [Ск.ск., § 189] "Собаки наши стали тревожно лаять (досл.: лающий голос собак...)".

С другой стороны, и форма на =qu, предполагающая наличие в предложении лиц, выраженных именами мужского пола, употреблялись и тогда, когда это были имена женского пола: eme gü'ün... yeke dawu'ar qayilan uyilan bayiqu=yi... [Ск.ск., § 146] "...то, что женщина громко плакала...".

Отдавая должное всем исследователям, зафиксировавшим особенности употребления некоторых глагольных форм и суффиксов в зависимости от половой принадлежности действующих лиц - членов предложения, мы все же не склонны считать справедливым утверждение, что "отныне можно считать установленным несомненный факт наличия в древнемонгольском языке категории грамматического рода" [Санжеев, 1956, с. 74].

Во-первых, при бесспорном употреблении в ряде случаев различных глагольных форм в зависимости от наличия в предложении действующих лиц мужского или женского пола, это не была закономерная и последовательно выражаемая система, а лишь ее отдельные проявления. Во-вторых, если исходить из понятия рода как лексико-грамматической категории, то о наличии ее в языке можно утверждать лишь в том случае, если имеются все признаки, указывающие на способность имен существительных сочетаться с теми или иными формами согласуемых слов [Ахманова, 1966, с. 389].

В конкретном случае, касающемся монгольских языков, речь может идти об употреблении особых форм глагола-сказуемого, когда имя - подлежащее или, если принять более широкое толкование, то и другие члены предложения - различные дополнения, выражены именами женского пола. Однако такой закономерности в языке текстов XIII-XIV вв. уже не прослеживается. Употребление разных глагольных форм или некоторых суффиксов в зависимости от наличия в предложении имен мужского или женского пола встречалось не так уж часто (в данной работе мы привели большую часть таких примеров). В основном же и при наличии в предложении имен, обозначающих принадлежность к женскому полу, использовались обычные и для всех других имен глагольные формы.

Поэтому все выявленные учеными отдельные факты "согласования" по роду лишь допускают возможность существования грамматической категории рода в более древнем языке или диалекте, легшем в основу письменного монгольского языка, по которым у нас, к сожалению, отсутствуют достоверные источники. Возможно, что это был и период какого-то внешнего влияния. Мы же можем лишь констатировать, что в самых ранних доклассических текстах и прежде всего в тексте "Сокровенного сказания" иногда употреблялись некоторые глагольные формы или именные суффиксы, указывающие на принадлежность действующих лиц в предложении к женскому полу.

Множественное число.

Отсутствие в монгольских языках грамматической категории рода, а следовательно и согласования в роде, числе и падеже, накладывает своеобразие и на категорию множественного числа в этих языках.

Объекты чаще мыслятся как собирательные, т.е. как определенное единство во множестве или как понятия, не мыслимые в единственном числе: qoni(n) "овца", "овцы", nidün "глаз", "глаза", ebes=ün "трава", "травы", "сено".

Представление о собирательном значении отдельных органов, частей тела и т. п. настолько привычно и устойчиво, что когда надо обозначить единичность такого предмета, употребляют особые слова: örögele (в современном языке - өрөөсөн) "один из пары", "симметричная половина чего-то": örögele nidün "один глаз", т.е. половина парного единства, например: Bün-bökö Belgütei=yi örö'ele qar=iyar banǰu örö'ele köl=iyer töyitcü unaqaǰu... [Ск.ск., § 140] "Бури-боко схватил Бэлгутэй'я одной рукой и свалил одной ногой". Для выражения понятия "одноглазый" вообще употреблялось сочетание γaγča (qaqča) nidütü "имеющий только один (единственный) глаз"; Duwa soqor manglai dumda qaqča nidütü [Ск.ск., § 4] "Дува-сохор имел во лбу единственный глаз".

Кроме того действует своеобразное правило согласования с числовыми показателями: если перед именем стоит любой числовой определитель, то определяемое не нуждается в показателе множественности. Такое согласование было названо С.А.Козиным "логическим" в отличие от европейского формального.

Эти правила в большей степени свойственны современному языку, тогда как в древнем существовала развитая система показателей множественного числа и употреблялись они намного чаще по

сравнению с современным языком, т.е. в своем развитии "монгольский (язык) от согласования формального шел к согласованию логическому" [Козин, 1946, с. 122].

В древних текстах имело место формальное согласование определяемого с определителем и не только с количественным, но и качественным: dörben kö'üd "четыре сына " - kö'üd множ.ч. от kö'ün "сын", sayid ökid "прекрасные девушки" (определение и определяемое во множ. числе).

Система показателей множественного числа в древних текстах была представлена в основном теми же показателями, что и в современном языке, хотя в последнем множественное число имен употребляется значительно реже и с определенными ограничениями.

В текстах XIII-XIV вв. существовали следующие показатели множ. числа: =d /=t, =ud /=üd, =γud / =güd, =nuγud / =nügüd, =s, =n, =nar, =tan. Самым продуктивным из них был =d/=t, присоединившийся к основам на:

1) =n - реже =l, которые при этом утрачиваются: qan "хан", gad - мн.ч.; qatun "госпожа", "ханша" - qatud мн.ч. ökin "девушка", "дочь" - ökid мн.ч.; odun "звезда" - odud мн.ч.; tüsimel "чиновник" - tüsimed мн.ч.;

2) =sun, также выпадающий при присоединении показателя множ.ч.: balaγasun "город" balaγad мн.ч.; noγusun "утка" - noγud мн.ч.; qubčasun "одежда" - qubčad мн.ч. Этот тип образования множ. ч. не характерен для современного языка. Во-первых, в современном языке подобные имена сохраняют в своей основе начальный элемент суффикса =sun - =s, во-вторых, к этому =s наращиваются уже иные показатели множ.ч., главным образом =ууд / =ҮҮд. В древних текстах в форме множ.ч. употреблялась и причастная форма на =γsan/=gsen, при этом конечный =n также утрачивался: boluγsan "ставший" - boluγsad "ставшие"; iregsen "пришедший" - iregsed "пришедшие", "те, кто пришел". Эта форма употреблялась и при согласовании определения и определяемого в числе;

3) =r, при этом также выпадающий: uyiγur "уйгур" - uyiγud мн.ч.; naγur "озеро" - naγud мн.ч.; γaǰar "земля" - γaǰad мн.ч.; nökür "друг" - nökŭd мн.ч. В современном языке к именам на =r (за исключением слова nökür) присоединяется суффикс =ууд / =ҮҮд.;

4) реже суффикс =d / =t наращивался к основам на гласные: qota "город" - qotad мн.ч.; nuke "яма" - nuked мн.ч.; ǰaya =a "судьба" - ǰayaγad мн.ч.

Суффикс =ud /=üd присоединялся к основам на согласные =γ / =g, =ng, =m: uruγ "родня", "сородич" - uruγud мн.ч.; čerig "войско", "воин" čerigüd мн.ч.; ǰobalang "страдание"- ǰobalangud мн.ч.; ǰam "путь",

"дорога" - jamud мн.ч.; jarim "некоторый" -jarimud мн.ч. После прочих согласных употреблялся суффикс =nuγud: töröl "рождение"- töröl=nuγud мн.ч.: ötögüs "старейшина" - ötögüs=nuγud мн.ч.; cöl "пустыня" - cöl=nuγud мн.ч.; yaksas "демон" - yaksas=nuγud мн.ч. Суффикс =γud отмечен в словах на =γči: qaraγči "черный" - qaraγčiγud мн.ч.

К древнейшим принадлежит и суффикс =s. Употреблялся он после основ на гласные и дифтонги: aγula "гора" - aγulas мн.ч.: boγda "святой" - boγdas мн.ч.; čoγča "груда (камней)" - čoγčas мн.ч.; metü "подобный" - metüs мн.ч.; noqai "собака" - noqas мн.ч..; ayalγu "звук, возглас", "произношение" - ayalγus мн.ч.; üge "слово" - üges мн.ч.

Суффикс =s, присоединяясь к адвербиальным прилагательным, переводил их в разряд имен существительных, т.е. выполнял субстантивирующую функцию: qouidu "последующий, будуший" - qoyidus "потомки"; uridu "предыдущий" - uridus "предки".

В древних текстах после основ на гласные, а также суффиксов =či, =γči / =gči, =qui / =küi, =u, =ui, =i употреблялся показатель множ.ч. =n: teyimü "такой" - teyimün мн.ч.; qudaldači "купец" - qudaldačin мн.ч.; maγu / maγui "плохой" - maγun мн.ч.; kedüi "сколько?" - kedün мн.ч.; ayimu "такой, здакий" - ayimun мн.ч. (орфография текста); üjemerči "предсказатель, провидец" - üjemerčin мн.ч.; borbi "пяточное сухожилие" - borbin мн.ч.

Причастная форма на =qun / =kün также является формой множ.ч. на =n от формы ед.ч. на =qui / =küi: dergedegün bükün irgen [ТД 48, F 38 v] "Люди, находящиеся рядом".

Однако значение множественности в именах с суффиксом =n уже в самых древних текстах стало ослабевать. Южномонгольский ученый Чойжонгжав (Čoyijongjab), исследовавший употребление показателя множ.ч. =n в тексте "Сокровенного сказания" [Čoyijongjab, 1990, с. 14-33], пришел к выводу, что значение множественности в именах с этим суффиксом не столь очевидно, как с другими суффиксами. Хотя суффикс =n и являлся показателем множественного числа, эта его функция в значительной мере ослабла, особенно в именах существительных, тогда как в некоторых формах имен прилагательных (=tu и =tai) и в причастных формах (=qu, =qui) функция =n как показателя множественности сохранилась.

Ослабление данной функции суффикса =n происходило неравномерно. Наряду с формами на =n стали появляться и формы на =d. Так, например, в словоформе elčin - мн.ч. от elči "гонец, посланник" появилось и значение единичности. В тексте "Сокровенного сказания" употреблялись формы dayin-dayid-dayisun "враг, враги"; "война", qubčan-qubčad-qubčasun "одежда", "одежды", jiqan - jiqad-jiqasun "рыба", "рыбы", в которых формы на =n и =d представляют собой уже ед.

и мн.ч., тогда как форма на =sun, а иногда также на =n - формы ед. числа. При этом автор статьи полагает, что =n - это старая, а =sun новая форма ед.ч.,что в таких случаях, как dayin, qubčan, ǰiqan и др. =n в "Сокровенном сказании" уже утратил функцию показателя множественности [Čoyǰongǰab, 1990, с. 31-33].

Утрату значения множественного числа суффиксом =n можно проследить и на материале других текстов XIII-XIV вв., например, в Hsiao ching, где имена во множественном числе на =n чередовались с формами на =d.: ср. üǰemerčin [HC, 37 a] мн.ч. от üǰemerči "предсказатель, провидец", но sibegegčid [HC, 14 б] мн.ч. от sibegegči - sibegegečin "служанка", т.е. суффикс =n в XIII-XIV вв. утрачивал свое древнее значение показателя множественности, которое переходило к суффиксу =d, ставшему впоследствии одним из самых распространенных и продуктивных как в доклассическом, так и современном языках.

Суффикс =nar имеет ограниченную сферу употребления, так как служит преимущественно для обозначения множества лиц, состоящих в родственных отношениях, и живых существ в собирательном значении: aqa nar "старшие братья" - aqa "старший брат"; degü ner "младшие братья (сестры)" - degü "младший"; ačinar "внуки" - ači "внук"; bodisdv nar "бодхисатвы" - bodisdv "бодхисатва"; tngri ner "божества" - tngri "божество, небожитель"; naqaču nar "родные по матери, дядья".

Как писал Г.И.Рамстедт, монгольское имя nar "совокупность", которому в якутском соответствует пāг "вместе с", "совместность", "уже на очень раннем этапе развития являлось конечным членом в составных именах, особенно там, где речь шла об одушевленных лицах, например, aqa nar - aqanar "старшие братья", de'ü ner - degüner "младшие братья", eke ner "матери, женщины" и т.д. [Рамстедт, 1957, с. 59-60].

Об именном происхождении nar можно судить и по производному от него прилагательному: монг., бур. нармай [МРС, с. 264; БМРС, с. 339] "обширный, просторный", калм. нарма [КРС, с.368] уст. 1) "все, все"; 2) "обширный, пространный". Г.И.Рамстедт приводит пример из Kaln., Wb, с. 272: narmai ulus "государство в целом, narmai nutug "вся родина", а также сочетание nar ugɛ "без повторения, раз навсегда, полностью" [Рамстедт, 1957, с. 60].

Суффикс =tan определяется в монголоведной литературе как образующий имена с собирательным значением (наименование социальных групп людей и видов животных). Его происхождение и значение подвергались неоднократному обсуждению в различных исследованиях. Признавая за ним общее значение собирательной множественности, ученые расходятся, однако, в вопросе о его истоках. Одни полагают, что это форма множ.ч. на =n от имен на =tai

[Haenisch, 1950, с. 5-6; Н.Поппе, 1937, с. 112], другие, что =tan является "цельным и неразложимым" [Санжеев, 1953, с. 134; Бертагаев, 1964, с. 106].

Древние тексты свидетельствуют, что =tan первоначально действительно мог существовать как единый и неделимый суффикс, обозначающий некогда племенную принадлежность лиц, а впоследствии совокупность лиц и других живых существ, обладающих каким-то общим для них признаком, например, dörben oboqtan bolju... [Ск.ск., § 11] "образовался род дэрбэтов..." при oboq "род, племя", Temujin=tan [Ск.ск., § 99] "Тэмуджинцы (тэмуджиновские), т.е. Тэмуджин и все его братья, вся семья".

Считая =tan показателем множественного числа, Г.И.Рамстедт тем не менее не исключал возможности сопоставить этот суффикс с исконным кит.-кор. словом tiŋ, teŋ "группа, класс, звание" [Рамстедт, 1957, с. 59]. Мы в своей работе [1984, с. 58-60] приводили аналогичный суффикс, бытующий в нивхском языке: =тан, =ран, =дан с собирательным значением, полностью совпадающий в этом плане с монгольским =tan и восходящий к слову "домочадцы", "совокупность членов того или иного объединения людей" [Панфилов, 1973, с. 3-12]. Хотя нивхский язык и не принадлежит к алтайской семье языков, тем более к монгольским, в структуре его предложения много общего со строем монгольских языков. У нас нет доказательств заимствованного характера монгольского =tan, но аналогичное явление может иметь место и в разносистемных языках.

Обозначая коллективную совокупность или общее свойство, присущее живым существам, =tan в современном монгольском языке является весьма продуктивным суффиксом в сфере образования имен именно со значением множественности, совокупности лиц, занимающихся определенной деятельностью, или живых существ (животных, птиц), обладающих каким-либо общим для них качеством или свойством: хөрөнгө "имущество, средства, достояние,капитал"-хөрөнгөтөн; "капиталисты, буржуазия", жигүүр "крыло, крылья" - жигүүртэн "пернатые; птицы"; язгуур "происхождение, родовитость" - язгууртан "аристократия, знать"; яс "кость", "скелет" - перен.: "род, национальность" - ястан "народность".

Как видно из приведенных примеров, =тан здесь не словоизменительный, а словообразовательный формант.

Но =tan < =tai, где =n суффикс множ.числа, употреблялся как обычный показатель множественности при обозначении лиц, обладающих каким-то предметом или качеством: ...arslan, bars terigüten [ТД 59, F 55 r] "...с головами львов и тигров" (при terigü "голова", terigütei "с головой").

Нередко этот =tan употреблялся с определительными словами при согласовании в числе определения с определяемым: seċen biligten küčüten kөbegüd [ТД 62, F 58 r] "...умные, талантливые и сильные юноши"; ...Nandi Nandibali nereten ökid [ТД 51, F 44 v] "...девушки по имени (именам) Нанди и Нандибали"; öngge daγun sayitan sibaγuqad [ТД 52, F 46 r] "...прекрасные по оперению (цвету) и голосу птички". Ср. употребление =tai / =tei при единственном числе действующих лиц: Qacin=nu kө'ün Noyagidai neretei büle'e [Ск.ск., § 46] "Сына Хачина звали Ноягидай (досл.: с именем)".

Такое далеко не однозначное употребление суффикса =tan дает, думается, основание считать, что перед нами два разных как по своему происхождению, так и по значению суффикса.

Один =tan - это неразложимый суффикс, изначально обозначающий какую-то общность людей, их принадлежность к общему роду, племени. В современном языке он относится к словообразовательным суффиксам и образует имена существительные со значением признака, содержащегося в производящей основе.

Другой =tan - это форма множ.ч. суффикса =tai, который был продуктивным элементом с адъективным значением и который в современном языке стал одним из активных суффиксов образования имен прилагательных.

Кроме вышеперечисленных суффиксов множ.ч. Н.Поппе приводит примеры употребления в древности тюркского суффикса =lar / =ler с монгольскими именами и глаголами: kelegċiler "рассказывающие"- kelegċi "рассказывающий"; dөlleri "шубы" (аккузатив) - dөl "шуба"; ǰürüken ügeiler "трусливые" - ǰürüken ügei "трус"; abalabalar "охотились" - abalaba "охотился" [Поппе, 1938, с. 70].

К особенностям употребления множественного числа в древних текстах по сравнению с современным языком относятся следующие:

1) часто форму множ. ч. получали имена, которые в современном языке либо вообще употребляются только в ед. ч.: γхэр "крупный рогатый скот", либо имеют уже другие показатели множественности: например: orod и орнууд "места", "страны"; nuγad / noγod и нугасууд "утки"; qad и хануud "ханы". Словоформы kөd "ноги" и γad "руки" в современном языке во множ.ч. не употребляются;

2) множественным числом оформлялось определяемое при наличии количественного определения, т.е. существовало (хотя и не регулярно) согласование имен в числе: doloγan ǰaγud [ТД 44, F 34 r] "семьсот", ср. в современном языке: долоон зуун "id "; ǰirγuγan kөbegüd [Cl., 1362, с. 66] "шесть сыновей"; ǰirγuγan od [ТД 48, F 38 v] "шесть лет"; arban ökid [ТД 50, F 42 v] "десять дочерей", dөrben qaγalγas [ТД 30, F 14 v] "четыре двери"; doluγan nasutan [Cl., 1335, с. 72] "[было] семь лет";

3) существовало согласование в числе других видов определений с определяемым, включая определения, выраженные причастными формами: sayid üiles [Cl., 1338, с. 54] "хорошие (добрые) дела"; ...ǰüg=iyer küčü ögügsed sayid aran [Cl., 1335, с. 71]"...хорошие люди, служившие (отдававшие силу) наилучшим образом"; ...uridu boγdas qad=un orusiγuldaγsad qubčad [HC, 6 a] "...облачения, установленные прежде мудрыми правителями".

Такое согласование в современном языке также отсутствует.

4) В предложении с однонородными членами каждый из них (в отличие от современного языка, где это крайне редкое явление) мог быть оформлен показателем множ.ч.: ...morid üked gonid aduγun=a ǰeber büküiber [Cl., 1338, с. 53] "...будучи искусным [в присмотре] за табунами коней, крупного рогатого скота, овец"; önicid belbesüd [HC, 14 a] "сироты и вдовы".

5) К особенностям употребления множ.числа в древнем языке следует отнести и то, что его показатели употреблялись практически со всеми частями речи, т.е. кроме имен существительных, прилагательных, причастий, во множ. числе могли быть:

а/ числительные, если в препозиции к ним находилось другое числительное больше единицы: qoyar tümet ċeri'üt [Ск.ск., § 108] "две тьмы (два по десять тысяч) солдат"; tümet < tümen "десять тысяч"; ...altan mönggün ayaqa saba yisün yisüt nu'ut ökit yisün yisüt agtas teme'et yisün yisüt eldeb=iyer yisün yisüt ǰisüleǰü a'uǰaqui=tur... [Ск.ск., § 267] "...для встречи приготовили [подарки]: золотой и серебряной посуды девять на девять, юношей и девушек девять на девять, коней и верблюдов девять на девять, всякого девять на девять";

б/ местоимения, согласуемые в числе с предшествующим или с последующим словом: tede ya'ut olon qonit [Ск.ск., § 195] "это что за многочисленные овцы? (досл.: те, что много овцы)"; ket ber de'ü ner kö'ut ta ber [Ск.ск., § 254] "Кто вы младшие сыновья?" - (ket = мн.ч. от ken "кто?");

в/ некоторые наречия и имена со значением места и времени: ...edüged=tür ende nigen nigen amitan görögesün=ü arasun modun=u durusun terigüten emüsčü... [ТД 38, F 19 v] "... и сейчас, когда [вы] здесь надели [вместо одежды] шкуры животных и диких зверей, кору деревьев и тому подобное..."; edüged мн.ч. < edüge "сейчас, теперь" имело в древности, видимо, более именной характер, так как кроме показателя мн.ч. оно еще в данном примере оформлено суффиксом дательно-местного падежа; edö'e iregü caq bolba qorumut güliče ke'eba [Ск.ск., § 31] "Сейчас настало время придти. Подожди немного (секунды)" - qorumut мн.ч. < gorum "секунда"; qadanadus minqad=un noyad=aca minu kisiktü de'ere bui=ǰe [Ск.ск., § 228] "Моя гвардия лучше

ведь тысяч иноземных князей - тысячников "- qadanadus мн.ч. < qadanadu "вне, снаружи";

г/ некоторые послелоги, как правило согласующиеся в числе с управляемым словом: ede čigot narat metüs de'ü=ner=i činu eyin oyisulaldumui [Ск.ск., § 245] "Так уничтожают твоих младших братьев, подобных лесным соснам" - metüs мн.ч. от metü "подобно, одинаково с" согласуется с формой мн.ч. narat "сосны";

д/ к специфике древней категории числа следует отнести и тот факт, что в ней присутствует не только грамматический аспект, но и элементы лексичности, что выражается в том, что некоторые суффиксы: =s, =d, присоединяясь к именам со значением признака, переводили их в разряд существительных, т.е. выполняли и словообразующую функцию, например: sayin "хороший", sayid мн.ч., но и "вельможа" (в современном языке "министр"), uridu "прежний", "предыдущий", "прежде" - uridus "предки"; qoyidu "будущий, последущий"- qoyidus "потомки".

Падежи и их основное значение

Падежей в текстах XIII-XIV вв. девять: именительный, родительный, винительный, дательно-местный, местный, исходный, орудный, совместный, соединительный.

Именительный падеж. Принято считать, что этот падеж совпадает с основой слова. В большинстве случаев это действительно так, ибо различия между основой и именительным падежом проявляются только в именах с так называемым неустойчивым конечным =n. Это прежде всего имена, обозначающие названия животных, растений, некоторых предметов и явлений природы, которые имеют две основы: полную с =n и усеченную без =n, например, morin - mori "конь", qonin - qoni "овца", modun - modu "дерево", čilaγun - čilaγu камень", salkin - salki "ветер" и др. [1]

Наличие двух основ у подобных слов проявляется только в системе словоизменения, когда одни падежи образуются от полных основ, а другие от усеченных.

Что касается древних текстов, то именительный падеж в них, так же, как и в классическом и прочих монгольских языках и

---

[1] Принцип выделения двух основ и их значения подробно исследованы Г.Д.Санжеевым (1953, с.140-158) и монгольским ученым-языковедом Ш.Лувсанванданом (1961, с.5-20; 1965, с.25-29; 1968, с.36-37).

диалектах, кроме современного монгольского (халхаского) языка совпадает по форме с первой, или полной, основой имен, которые оканчиваются на неустойчивый конечный =n, например, ösküleng urtu modun urγubasu ele oi=dur uǰaγur inu gün=e ündüsüleyü [Cl., 1362, c. 68] "Если сильно растущее высокое дерево растет в лесу, корни его располагаются глубоко в земле"; naran singge'esü tarqaba [Ск.ск., § 81] "когда солнце зашло, разошлись"; qonin belčidü orčiba [MA, c. 302] "овцы пошли на пастбище". В ряде других падежей этот конечный =n утрачивается (см. ниже).

Основы же с устойчивым конечным =n (наименование людей: emegen "старуха", ebügen "старик", noyan "князь, господин"; названия качеств и признаков предметов: ulaγan "красный", öčüken "маленький" и т.п.) сохраняют этот согласный во всех падежных формах.

Основной функцией именительного падежа в предложении является выражение подлежащего: Činggis qaγan... altan beyeber ... ayalan yabuγsan [Cl., 1362, c. 62] "Чингис-хан лично (золотой персоной) отправился в поход"; qari=yin eǰed qariban... töröber asaran bögetele... [HC, 14 a] "Когда хозяева владений правили своими владениями...". Кроме того этот падеж выступает в предложении и в качестве именной части сказуемого: Oron... Bis Baliγ=a nuntuγ=tu uǰaγur=tan=u uruγ aǰuγu [Cl., 1362, c. 63] "Орон... был потомок людей знатного происхождения, которые изначально располагались лагерем в Биш Балыке"; bey=e belder usun mariyan boǰu..: [HC, 2 a] "наши тела представляют [собой] воду и плоть (есть волосы и плоть); emes malun eǰe(n) [MA, c. 154] "женщины-хозяева скота".

Родительный падеж. В древнемонгольском он представлен теми же формантами, что и в классическом. Показателями его были =u/=ü - после основ на =n : nabčin=u "листьев", üsün=ü "волос"; после всех прочих согласных =un/=ün; uridus=un "предков", γal=un "огня", ger=ün "юрты"; после основ на гласные употреблялся =yin: er=e=yin "мужчины, мужа", tngri=yin "неба".

В именах, оканчивающихся на согласный =n, нередко вместо обычного =u / =ü употреблялся формант =nu / =nü, т.е. в падежном суффиксе как бы повторялся конечный основы. Так, наряду с qan=u писали и qan=nu "хана". Ср. примеры: To'oril qan=nu ügülegsen üges=i... [Ск.ск. § 105] "...слова, сказанные Тоорил-ханом" и Qutula gan=u kö'ün [Ск.ск., § 122] "сын Хутула-хана".

Явление это наблюдается и в других падежных формах, когда их показатели присоединялись к основам, оканчивающимся на согласный =n. Этот факт чаще всего имеет место в тексте "Сокровенного сказания" и связан, вероятно, с влиянием разговорной речи, когда конечный =n имени существительного произносился слитно с

падежным формантом, образуя единое звуковое поле. В результате употреблялись две формы с абсолютно одинаковым значением.

Кроме перечисленных формантов в древних текстах (как и в более поздних, классических) имена в родительном падеже имели показатель =i, совпадающий с таковым винительного падежа, что является свидетельством генетической связи между этими падежами, например: modun=i (вм. modun=u - МО) gesigüd [ТД 45, 35 v] "ветки дерева"; tergen=i (вм. tergen=ü - МО) ci'ü [Ск.ск., § 124] "ось телеги".

Аналогичное употребление показателя =i в родительном падеже отмечено Ц.Б.Цыдендамбаевым в рукописных хрониках добайкальских (или западных) бурят, где "имена с конечным согласным принимают в родительном падеже большей частью аффикс =i " [Цыдендамбаев, 1972, с. 345].

Родительный падеж отличается большим разнообразием своих синтаксических значений: это почти единственный из всех падежей, осуществляющий широкую грамматическую связь между именами и выступающий в функции различного рода определений. Самая распространенная функция этого падежа - обозначение принадлежности в самом широком смысле этого слова, которая реализуется как приименное определение в определительной группе имен существительных, например: ...bars=un aman=aca toniĭu... [CI., 1335, с. 76] "...спасая от пасти тигра..."; ...uridus=un sür sünesün... [НС, 33 а] "...величественные души предков..."; uruγ=un uruγ inu [CI., 1338, с. 56] "потомок потомков"; uyiγud=un qan [CI., 1362, с. 62] "хан уйгуров"; qabur=un terigün sara [УМҮДБ, с. 38] "первый месяц весны"; kumün=ü γar [ТД 23, F 4 v] "рука человека"; Činggis qaγan=u er=e=yi ülü ĭoboγan... [CI., 1362, с. 63] "Не принуждая мужей Чингис-хана...".

Родительным падежом передавались различные определительные сочетания, частные определительные значения, характеризующие определяемое с различных точек зрения, например, местонахождения, времени, цели, назначения и т.п., например, qari=yin ejed [НС, 4 б] "правители вассальных княжеств"; dörben eteged=ün ulus... [НС, 15 б] "государства четырех сторон света"; arban jüg=ün burqan=nuγud [ТД 21, F 2 v] "будды десяти сторон"; morin=u qaγan boluγsan=dur... [ТД 22, F 4 r] "когда ты стал королем [среди] коней..."; tariyan=n ongγod [НС, 5 б] "онгоны (духи-покровители) пашен"; qubi sara=yin arban dörben=e [CI., 1362, с. 65] "четырнадцатого числа предопределенного [судьбой] месяца"; ...irgen=ü ečige eke boluyu [НС, 27 а] "...станет родителем (отцом-матерью) [для] народа".

Этим падежом оформлялось и имя - реальный исполнитель действия в причастно-определительных и залоговых конструкциях: To'oril qan=nu ügülegsen üges=i. .[Ск.ск., § 105] "...слова, сказанные Тоорил-ханом"; uridu boγdas qad=un yabuγulduγsad aγali=tu yabudal=aca busu

boibusu...[НС, 6 б] "...если их деяния иные, чем добродетельные дела, совершенные прежними мудрыми ханами".

Родительным падежом управляло и большинство послелогов: uridus=uγan[2] ner=e aldar=i γutuγaγdaqui=ača emiyekü=yin tula buyu [НС, 33 а] "Так как опасался, что будут опозорены имена и честь его предков"; gün čegel=ün dergede yabuqu metü... [НС, 6 а] "...словно идти по краю (рядом с) глубокого оврага"; linqu=a čečeg=iyer čimegtü naγur=un dotor=a... [ТД 21, F 2 r] "...среди пруда, украшенного лотосами"; ken=ü tulada... [ТД 23, F 4 r] "для кого?"; tngri γaǰar=un ǰaγura... [НС] "...между небом и землей"; dörben dalai=yin dotoγun... [НС, 17 б] "...среди четырех морей"; ...amun künesün elbeg=tü tula... [Cl., 1362, с. 64] "так как зерна [проса] и провизии было в изобилии". Мы перечислили лишь наиболее часто употребляемые значения этого падежа, хотя ими не исчерпываются все его семантическое многообразие.

Винительный падеж. Показателем этого падежа служит =i после основ на согласные и =yi после гласных: bii tas=un ayalγus=i ǰoqiyaγulbai [Cl., 76, 1362, с. 62] "Заставил составить текст (звуки) стелы"; bii tas=un bičig=i ǰoqiyatuγai [Cl., 1338, с. 54] "Пусть составит текст (написание) стелы"; uridus=un anu ner=e=yi... [Cl., 1362, с. 67]. "...имена его предков"; bulγ=a=yi burćiγsan=u qoyina... [Cl., 1362, с. 64] "...после подавления восстания".

После основ на =n употреблялся иногда =ni; Ong qan=ni ire'ülü'et... [Ск.ск., § 142] "привели Ван-хана...".

За исключением сложных предложений, в которых винительным падежом оформляется субъект действия в причастных и деепричастных конструкциях, - это падеж прямого дополнения, например: olan tüsimel=i qomulaqu=un tula... [Cl., 1362, с. 67] "...для того, чтобы заставить многих чиновников воодушевиться желанием [подражать ему...]"; eden=i bütügen čidabasu... [НС, 3 а] "...если смогут осуществить эти [две вещи] ..."; egünečе busu mör=i erisügei kemen... [ТД 44, F 34 r] "[Я] найду путь, отличающийся от этого".

В монголоведной литературе неоднократно отмечалось отсутствие закономерности в оформлении показателем винительного падежа прямого дополнения [Бобровников, 1849, с. 241-244; Орловская, 1961, с. 22-24: 1984, с. 25].

Об этом свидетельствуют и самые древние монгольские тексты. Влияние так называемой категории "определенности-неопределенности" на употребление винительного падежа не прослеживается, так как и при совершенно определенных объектах действия показатель винительного падежа мог отсутствовать, например: on buri eyimü üiles

[2] uridus=uγan - очень редкая притяжательная форма родительного падежа вместо обычной =yuγan

kedün=te ba bütegen ajuγu [Cl., 1338, c. 55] "Он обычно выполнял такие дела даже по несколько раз каждый год", ...nereben qoyidus=a aldarsiγuluya [НС, 28 а] "...имя свое прославишь у потомков" (если бы присутствовал показатель винительного падежа, притяжательная частица со значением "свое" имела бы форму =yuγan). С другой стороны, неопределенные предметы-объекты получали падежное оформление: monn=i abču ireǰü ögtügei nadur kemebesü... [ТД 34, F 21 v] "...когда сказал: «Иди и приведи мне коня...»"; ǰobalang=ud=i ülü talγan... [Cl., 1362, c. 64] "не считаясь с лишениями...". Ср. примеры, где при одной и той же ситуации присутствует разное оформление прямого дополнения: če'ügen čila'un=i čewülün (čewürün) če'el usun=i nitulun abai=ǰe ta [Ск.ск., § 209] "светлый камень вдребезги разбивая, ключевую воду расплескивая, идете вы" и če'ügen čilawun dobtulǰu öksü [Ск.ск., § 147] "светлый камень вдребезги разобью". Ср.также пример, где предмет - прямое дополнение принадлежит конкретному лицу, но тем не менее оно не оформлено показателем винительного падежа: Belgütei=yin mürü müt=gü čabčiba [Ск.ск., § 136] "А также разрубил плечо Бэлгутэй'я". В предложении: Činggis qan=i surtaγul irge dauliǰu baγuǰu ulus=un noyad=i... quriγsan=dur... [УМУДБ, с. 4] "Когда Чингис-хан, взяв в плен сартульский народ, ... собрал [монгольских] князей..." субъект зависимой части имеет показатель винительного падежа, тогда как прямое дополнение (irge), которое в смысловом отношении должно было бы иметь этот показатель, употреблено в своей основе.

В древних текстах, как и в более поздних (классических и современных) падежным окончанием не оформлялись имена в сочетаниях, где имя и глагол образуют единый смысловой комплекс: idegen idekü [ТД 49, F 41 r] "питаться, есть, поедать пищу "; kücü ögükü [Cl., 1335, c. 71-72] "служить (отдавать силу)". Но падежное оформление было обязательным, если в качестве прямого дополнения употреблялись другие, субстантивированные, части речи: ečige eke=yin sayin=i mandulabasu... [НС, 2 б] "...когда прославляют доброту (хорошее) своих родителей"; ...basa uǰaγur abču oduγsad ǰrlγ ba yaγu ked=i bügüde=yi qariγuluǰuγu [Cl., 1335, c. 73] "...вернул также права и все вещи - все тем, кто первоначально владел ими".

В монголоведении уже высказывалось мнение о генетической связи винительного и родительного падежей [Санжеев, 1953, с. 163, 195; Бертагаев,1964, с. 42]. В баоаньском, дунсяйском, монгорском, в языке желтых уйгуров, в некоторых говорах бурятского языка винительный и родительный падежи имеют один и тот же показатель [Санжеев, 1953, с. 163-195; Бертагаев, 1964, с. 42; Тодаева, 1964, с. 26; Тенишев, Тодаева, 1966, с. 53-54]. И как мы уже отмечали, не

случайно наименование деятеля в причастных конструкциях может оформляться как винительным, так и родительным падежами [Орловская, 1984, с.24].

Совмещение формантов винительного и родительного падежей распространено и в тюркских языках [Северотян, 1948, с. 93]. Непоследовательность в употреблении показателей этих двух падежей является, по-видимому, следствием более позднего расчленения их формантов.

В самых ранних монгольских грамматических сочинениях винительный падеж не отмечался [Т.Пагва, 1957, с. 15]. Можно предположить, что древние грамматисты замечали употребление одного показателя для двух значений и поэтому винительный падеж специально не выделяли. К тому же по форме этот падеж часто совпадал с именительным, не имеюшим особого показателя.

Наличие в монгольских языках относительно строгого порядка слов в предложении: "определение всегда предшествует определяемому" дает возможность строить определительные сочетания простым соположением имен isegei γutul "войлочные сапоги" ("войлок-сапог"). Вероятно, в далеком прошлом и объектные отношения тоже выражались только постановкой прямого дополнения перед глаголом-сказуемым, при этом имя и глагол образовывали как бы единый комплекс, не требующий показателя для имен по типу сочетаний ger baηqu "ставить юрту", idegeη idekü "есть пищу, питаться", usun abqu "приносить воду" и т.п.

Необходимость обозначать объект особой формой возникла тогда, когда он стал занимать дистантное положение по отношению к своему глаголу. Тогда появился падежный показатель, употребляющийся сначала по мере необходимости во избежание смешения субъекта и объекта, а позже и тогда, когда объектная и субъектная функции слова не вызывали сомнения. Этим и вызвано отсутствие закономерности в употреблении винительного падежа, особенно в языке древних текстов.

Первоначально это был один показатель для двух падежных значений: винительного и родительного, сохранившийся до сих пор в большинстве монгольских языков. В монгольском же (халхаском) произошло его расчленение на два самостоятельных форманта. Но какое-то время они еще четко не разграничивались и заменяли друг друга, о чем свидетельствуют факты не только доклассического, но и классического языка. Отметим, что тогда примеров с неоформленным винительным падежом было значительно больше, чем в современном.

Возвращаясь к генезису винительного и родительного падежей, провомерно предположить, что "в древнем протомонгольском языке... отсутствовала падежная система", а все современные падежные

значения передавались чистой основой, о чем свидетельствуют и факты, когда значения многих падежей, особенно винительного и родительного, передаются чистой основой [Бертагаев, 1964, с. 41-42]. Повидимому, формы родительного и винительного падежей относятся к наиболее древним, в основе которых лежат лично-указательное местоимение *i и его разновидность притяжательно-указательное inu - показатель принадлежности 3-го лица. А "все многочисленные алломорфы этих двух падежей в современных языках представляют собой дальнейшие фонетические изменения..., возникшие в результате ассимиляции, чередования и выпадения отдельных звуков" [Бертагаев, 1964, с. 44]. Отметим, что значение винительного падежа в тюркских языках также возводится к местоименному аффиксу принадлежности [Кононов, 1980, с. 151; Кузнецов, 1994, с. 226].

Первоначально совмещение разных значений объекта и поссесива можно, вероятно, объяснить тем, что родительным падежом в древности принадлежность выражалась без какого-либо оттенка объектности, а винительным - принадлежность с оттенком объектной принадлежности, которая в отдельных монгольских языках (халхаском, бурятском, калмыцком) вытеснила значение принадлежности в нем, и винительный падеж в них окончательно обособился от родительного.

Что касается именных основ на =n , то показатель винительного падежа в анализируемых нами текстах присоединялся как к полным (с =n), так и к усеченным (без =n) основам, т.е. этот "неустойчивый характер" стал проявляться прежде всего в именах, выполняющих функцию прямого дополнения. Ср. bi morin unu'at ... [Ск.ск., § 145] "Я оседлал коня..." и niken mori unuba [Ск.ск., § 99] "Оседлал коня".

Местный падеж. Формантом этого падежа служил =a / =e, который присоединялся к основам на согласные: =d, =γ , =l, =n, =r, =s и гласный дифтонгов [Орловская, 1984, с. 33]. В древних текстах писался как раздельно, так и слитно со словом: irgen=e "народу", aγuya < aγui=a "повсеместно". После имен, оканчивающихся на =n иногда употреблялось =na. Ср. Qaldun Burqan=a [Ск.ск., § 103] и Qaldun Burqan=na [Ск.ск., § 112] "на Бурхан-Халдуне"; Onan müren=ne [Ск.ск., § 54] "на реке Онон" и Čui müren=e [Ск.ск., § 152] "на реке Чуй".

Посредством местного падежа передавались косвенные дополнения и обстоятельственные значения (цель, причина, место, время). В этом плане они соответствуют значениям дательно-местного падежа на =dur, =da. Это:

1) лицо, в пользу которого совершается действие: Sayin ner=e qoyidus =a aldarsiγuluγad ... [НС, 2 б] "Доброе имя прославив для потомков..."; amitan=a tusayin tula... [ТД 63, F 59 v] "ради пользы живых существ"; ...degedüs=e Oron=u čing ünen=iyer küčü öggügsen

ǰerge=yi uqabasü... [Cl., 1362, c. 63] "...если осознать способ, которым Орон чистосердечно служил Императору ...";

2) реальный исполнитель действия (действующее лицо) при страдательном залоге: ...bügüden=e saγulaγdan bui [ТД 24, F 5 v] "презираем всеми..."; egün=e tegün=e kündülen aγsan ber... [ТД 24, F 5 v] "...[Тот, кто был] почитаем этим и тем"; tan=a uqaγdaqu bui [Cl., 1362, c. 65] "понимаются вами"; ene ǰarliq kesikten=e sonosqatuγai [Ск.ск., § 278] "Этот указ пусть будет услышан стражей ";

3) место действия: uyiγud=un γaǰar=a büküi=dür...[Cl., 1362, c. 63] "...когда находился в уйгурских землях..."; tere čaq=tur Yesügei baqatur Onan müren=ne sibawulan yabuqui=tur... [Ск.ск., § 54] " В то время Есугэй=батар занимался ловлей птиц на реке Онон ...";

4) направление действия: oi=dur uǰaγur inu gün=e ündüsüleyü [Cl., 1362, c. 68] "В лесу корни их уходят в глубину"; kitad=un Altan qahan=a a(b)ču otqui=tur...[Ск.ск., § 53] "...отправился к китайскому Алтан-хану";

5) время действия: ...arban dörben=e ebedčin kürteǰü...[Cl., 1362, c. 65] "...занемог четырнадцатого числа"; ...arban naimduγar on ǰirγuγan sara=yin arban dörben=e...[Cl., 1362, c. 66] "...четырнадцатого числа шестого месяца восемьнадцатого года ";

6) цель действия: tendeče bodisdv usun=ača γarču saγugui=a setkiǰü... [ТД 52, F 44 v] "Потом Бодхисатва намеревался, выйдя из воды, сесть ...";

7) образа действия: temdegtei=e kučü öggügsen=ü siltaγabar ...darqan ner=e ber öggügsen aǰuγu [Cl., 1362, c. 64] "По причине того, что [он] замечательно служил, [ему] дали звание дархан"; ...sayin ner=e inu olan=a temdegtei=e uqaγdaγsabar...[Cl., 1362, c. 67] "...доброе имя его было наилучшим образом воспринято многими ";

8) местным падежом (так же, как и дательно-местным) управлял послелог kürtele от глагола kür= "достигать, доходить": ...örün=eče dörün=e kürtele emün=eče ümer=e kürtele...[HC, 34 a] "...[возрадовались] с запада до востока и с юга до севера"; anda quda uruγ bariγduγsan=ča eǰiy=e kürtele... [Cl., 1362, c. 62] "...с того времени, как назвались побратимами, и до настоящего времени"; Ср.:eǰiye gürtele [H III, c. 53] "до настоящего времени ".

Местный падеж широко использовался и в классическом монгольском, но в современном языке его употребление ограничено локативным значением, где он присоединяется к основам на =н тайзнаа "на сцене"; баруунаа "к западу" [Орловская, 1984, с. 36-37].

В древних текстах зафиксированы случаи употребления местного падежа с глаголом aγulǰaqu "встречаться", который в современном языке управляет совместным падежом, например: qoyina iduγ qud

degeг=e aγulǰan γarču irebesü... [Cl.,1362, c. 64] "Потом, когда идуг худ пришел на встречу с Императором..." Burqan Činggis qahan=a a'ulǰara ireba [Ск.ск., § 267] "Бурхан прибыл встретиться с Чингис-ханом". Ср. перевод этого предложения на современный язык: Бурхан, Чингис-хантай уулзахаар ирэв [МНТ, с. 237] "id"; нөхөдтэйгөө уулзах [МРС, с. 467] "встретиться с друзьями ".

Дательно-местный падеж. В отличие от классического языка, в котором этот падеж представлен всеми известными в монгольских языках разновидностями форм (=dur / =dür, =tur / =tür, =du / =dü, =da / =de, =ta / =te) [Орловская, 1984, с. 37] в древних текстах он имел только два форманта: =dur / =tur и =da / =ta.

Учитывая отсутствие =du / =tu в самых ранних текстах, мы считаем, что эта усеченная форма от =dur / =tur, появившаяся в письменном языке, скорее всего, под влиянием разговорной речи.

Что же касается древнего =da / =ta, то вероятнее всего, он появился в монгольском языке из древнетюркских, в которых существовал полифункциональный местно-исходный падеж на =da / =de [Насилов В.М.,1955, с. 104-110; Тенишев, 1970, с. 25-26]. С этим, на наш взгляд, связано и наличие в доклассическом и классическом языке "двойной" дательно-местно-исходной формы от =da / =ta (=dača / =tača) и невозможность образования ее от =dur / =tur и =du / =tu. [Подробнее об этом: Орловская, 1984, с. 37-39].

Функции дательно-местного падежа во многом общие с местным. Он также обозначает:

1) место действия: ...qariǰu qarsi=dur=iyan orobai [ТД 26, F 8 v] "...повернув назад, [они] вошли в свой дворец"; saγurin=daγan saγu [НС 2 a] "...сядь на свое место";

2) направление действия: tang'ut irgen=tür Činggis=qahan... ayalaǰu... [Ск.ск., § 145] "Чингис-хан отправился в поход на тангутов; bi dan=tur uruqu duratu büle'e [Ск.ск., § 145] "Я намеревался идти к вам";

3) адресат действия: uridus=taγan čing ünen kündülemdegü sedkil=iyer taqibasu...[НС, 33 a] "Если с почтением и чистосердечными помыслами относиться к своим предкам..."; tegüber kümün ečige eke=düriyen čiqulalaqu kemebesü...[НС, 18 a] "Если человек относится с почтением к своим родителям..."; Simnu=da ögülerün [ТД 62, F 58 r] "Когда сказал Шимну ...";

4) время действия: yeke mongγol ulus=un caγ =tur... [Cl., 1338, с. 53] "во времена Великой монгольской империи..."; čerigüd=iyen boltaldur ileǰü ...[УМҮДБ, с. 38] "...пришлю свои войска в обусловленный срок"; ...qorin qoyaduγar on dörben sara=dur... [Cl., 1362, с. 62] "...в четвертом месяце двадцать второго года ...";

5) реальный исполнитель действия в залоговых конструкциях: simaγul sona=da idegdebesü ber... [ТД 48, F 39 v] "Хотя был искусан комарами и осами..."; tngri=de ibegdejü... [УМҮДБ, с. 71] "находясь под покровительством Неба ...";

6) как и местным падежом дательно-местным управлял глагол aγulǰaqu "встречаться": Činggis qahan=tur a'ulǰaba [Ск.ск., § 238] "...встретился с Чингис-ханом"; kirgisud=un noyat... Joči=da a'ulǰaba [Ск.ск., § 239] "Киргизские князья... встретились с Дзочи". Ср. это предложение в переводе на современный язык: хэргисийн ноёд... Зучитай уулзав [МНТ, с. 206] "id", где этот глагол управляет совместным падежом;

7) с дательно-местным падежом употреблялся и послелог kürtele "до", "вплоть до"; dörben dalai=dur kürtele...[НС, 4 а] "...до четырех морей"; ...qan kümün=eče olan irgen=dür kürtele...[НС, 10 а] "...от монарха (хана) до массы людей ...".

Исходный падеж. Этот падеж образуется посредством формантов =ča / =če и =ača / =eče. В совокупности с безличным притяжанием показатель имел форму =ačaγan / ečegen..

Форма на =ča уже в древности вытеснялась формами на =ača и =dača. Так например, в "Сокровенном сказании" из более чем трехсот раз употребления исходного падежа только шесть раз встретилась форма на =ča, а в Hsiao ching использовались только =ača и =dača. В древних текстах употреблялась также форма на =nača после основ на =n и =uača, присоединяемая к основам на гласные.

Основными значениями этого падежа были:

1) исходный момент, место или пункт отправления: uǰuγur=ča uǰuγur=tur kürtele... [Cl., 1362, с. 67] "от начала (от основания) до конца..." beler=če uiγud=un qan inu Bis Baliγ=a orusin saγun aǰuγu [Cl., 1362, с. 67] "С древности уйгурский хан проживал в Баш-Балыке"; Temüǰin, Qasar, Belgütei qurban Tooril qan=nača qariǰu... [Ск.ск., § 105] "Тэмуджин, Хасар и Бэлгутэй вернулись от Тоорил-хана..."; Burqan-Qaldun =nača bawuǰu... [Ск.ск., § 102] "...спустились с [горы] Бурхан-халдун"; ...manglai=ača saγu=dača kölesün γarqui inu...[ТД 46, F 36 r] "...со лба и подмышек стекал пот" (как видим, в этом предложении употреблены разные формы исходного падежа в одном и том же значении); Singsi saγurin=ačaγan ǰay[ilaǰu] ügülerün... [НС, 1 б] "Шингши, встав со своего места, сказал ...";

2) действующее лицо при страдательном залоге: qaγan=ča... Si ning ong ner=e soyurqaγdaγsan Indu [Cl., 1362, с. 68] "Инду, которому хан пожаловал (пожалованный от хана) титул Ши нинг онг ";

3) лицо или предмет как источник действия: ... Čiu güng neretü kümün=eče bolǰuqui [НС, 17 а] "...это пошло (исходило) от человека

по имени Чиу гунг"; imada=ča jirγuγan kөbegüd törögsen [Cl.,1362, c. 66] "От нее родились шесть сыновей"; hodon=nača olon qaltun bui [Ск.ск., § 193] "От звезд загорелось очень много огней";

4) предмет или явление, как объекты избавления или расставания "...qaγan ečige činu γasiγun jobalang=iyar... amin=ačaγan ber qaγačaγad... [ТД 33, F 20 v] "...хан-отец расстался с жизнью в результате горьких страданий "; bayajiqu noyalaqu qoyar=iyar beyes=ečegen es=e ele anggijiraγulbasu... [НС, 5 б] "...если [они] не заставят себя избавиться от богатства и власти (досл.: избавиться от своих тел)"; gereljü jasaγ=ča beyes=iyen saqiquibar [Cl., 1362, c. 68] "Тогда как, будучи в замешательстве (боясь), [они] охраняли себя от закона" [3];

5) предмет, как объект приложения действия: ...adalidqabasu masi küčütü kümün masi küčü öčügüken kümün=i qoγolai=ača barlju gedergü siqaqui metü... [ТД 46, F 36 v] "...если сравнить, то это было подобно тому, как если бы очень сильный человек схватил за горло совсем слабосильного и повалил его навзничь";

6) значение "кроме" с послелогом ulam: neyite taqiqui=ača ulam... [НС, 17 б] "кроме общего поклонения...";

7) в сравнительных конструкциях исходным падежом обозначается лицо или предмет, с которым сравниваются другие: yeke boluγad uγaγan bilig mu busud=tača neng deger=e bolju... [Cl., 1335, c. 72] "Когда он вырос, ум его и таланты стали значительно выше, чем у других..."; bürin=eče door=a bolbasu samaγu üile ülü egüsgegdekü [НС, 22 б] "Хотя и находятся ниже всех, смутных дел не допустят"; qamuγ amitan=u dotur=a kümün=eče degedü ügei [НС, 16 б] "среди всех живых существ нет выше человека", ...olan=ča dotun=a soyurqaγdaγsan ajuγu [Cl., 1362, c. 62] "...был любим [Чингис-ханом] более других"; Temüjin=neče niken nasun yeke harbantai ajuγu [Ск.ск., § 66] "[Ей] было десять лет, на год старше Тэмуджина";

8) исходный падеж употреблялся с глаголом čoči= "бояться" и его производными, например: kö'ü minu noqai=yača čočimtawu büle'e [Ск.ск., § 66] "Сын мой боится собак".

Двойной дательно-местно исходный падеж на =dača/=deče передавал те же самые значения, что и простой исходный (об этом подробнее в разделе "двойные падежи").

Орудный падеж. Формантами этого падежа служили =bar, =γar после основ на гласные и =iyar после согласных. Наряду с ними в древнем языке употреблялся и =iγar: uruγiγar [УМУДБ, с. 22], ср. в

[3] Глагол gerel= в значении "приходить в замешательство, теряться; бояться" употреблен в "Сокровенном сказании": Činggis qahan gereljü ... [§ 245] "Чингис-хан пришел в замешательство [растерялся]...".

классическом монг. uruγiyar "родственником, через родственника". Все показатели имели как совместное, так и раздельное написание. Основные значения орудного падежа:

1) предмет или лицо как орудие или средство действия: γar=iyar köl=iyer dörben yeke dalai=yi qudququi [ТД 29, F 12 v] "Руками и ногами приводил в движение четыре великих моря"; ildun arγabar saγiγčin aran=i önggeregülǰü ... [Cl., 1335, с. 73] "Обманом и мечом убил человека, который был хранителем..."; qudaldučid=i kičiyenggüi=ber aburaγad... [ТД 22, F 4 r] "Посредством усердия освободил купцов..."; uridus=taγan čing ünen kündülendegü sedkil=iyer taqibasu... [НС, 33 a] "Если [он] чтит своих предков самым искренним и почтительным образом..."; elčin=iyer öčǰü iler=ün [УМУДБ, с. 37] "Отправил через посла".

2) лицо, вместе с которым совершается действие: ulus=iyar =iyan boǰu γaγča ǰoriγ=iyar qoton bekilen sitügeleldün bükü=dür... [Cl., 1362, с. 64] "И когда, будучи со всем своим народом, [он] устоял с единственным намерением защитить город..."; tngri=yin köbegün olan mingγan tngri nököd=iyer=iyen... ireǰü ... [ТД 24, F 6 v] "Сын божества пришел с многими тысячами своих спутников-богов";

3) лица и предметы как объекты действия: ...ödür=tür γurban qusiγun aduγusun=u miqabar tabiγlabasu ber ači ügei taqimdaγu kemegdeyü [НС, 23 a] "Если даже ежедневно приносить в жертву мясо (мясом) трех видов животных, это будет почитание без заслуг..."; eldeb čečeg =iyer čimegtü ... [ТД 45, F 35 r] "...украшенный различными цветами"; ger=ün dotur=a gegegen gerel=iyer dügürbei [ТД 29, F 12 v] "Дом внутри наполнился ярким светом"; qoyitus uruγ inu ede üges=iyer yabun čidabasu... [Cl., 1335, с. 76] "Если его последующие поколения будут следовать этим словам...";

4) орудный падеж как источник действия: ečige köbegün=i taγalaqu aburi kemebesü tngri=yin ǰayaγabar buyu [НС, 19 a] "Что касается характера почитания отцом сына, то [это] определяется судьбой Неба"; möngke tngri=yin ibegeliber yeke mongγol ulus=un qan=i narbai=yi nigedkegülün ǰayaγadaγsabar... [Cl., 1362, с. 62] "Под покровительством вечного Неба хану Великой Монголии было предопределено объединить все [народы]";

5) орудный образа действия: bodisdv čing usqal aγali=bar sonusqui=a sayiqan daγubar ögüler=ün [ТД 63, F 59 r] "Бодхисатва сказал прекрасным для слуха голосом и твердым, [но] кротким видом (характером)"; ...küčün ügei=iyer unabasu ber basa bosču sabilan saγubai [ТД 48, F 39 r] "Хотя он и упал обессиленный, но снова встал и сел, скрестив ноги"; emüne inu ireǰü ǰögelen üge=ber arγadan ögüler=ün [ТД 48, F 39 v] "Подошел к нему и сказал лукаво нежными словами";

...kičigel qataγulǰil=iyar... küčü öggügseber... [Cl., 1362, c. 67] "...служил старанием и усердием"; tngri=yin köbegün... kümün untaqui čaγ =tur ireǰü duradqan silüg=iyer öčirün [ТД 24, F 6 v] "Сын божества пришел..., когда люди спали, и почтительно произнес стихами";

6) причина действия: ebedčin=iyer ügei bolǰuγu [Cl., 1362, c. 66] "Скончалась от болезни"; ebedčin=i anaγuluγsan kemebesü bügüde ene köbegün=ü küčüber bolbai [Cl., 1335, c. 73] "Что касается излечения болезни, то это было благодаря силы этого юноши"; ...nasu ürgülǰü sayin üile üiledküi ber [Cl., 1335, c. 72] "...в результате того, что всегда и постоянно делал добрые дела";

7) место, пространство передвижения: tendeče doloduγar edür =tür bodisdv... dorona=du qaγalγ=a=bar γarču... [ТД 25, F 8 r] "После того на седьмой день Бодхисатва... вышел через восточные ворота..."; ümedü qaγalγ =a bar γarču odqui tergegür=tür... [ТД 28, F 10 r] "...на дороге, которая проходила через северные ворота...";

8) субъект или реальный исполнитель действия в залоговых конструкциях: noyad=iyar öčigülbesü ... [Cl., 1362, c. 63] "...когда заставил князей поставить в известность [Императора]"; noyad=iyar bičigülǰü ... [Cl., 1362, c. 64] "...заставил написать чиновников";

9) цель действия: ...γaγča ǰoriγ=iyar qoton bekilen... [Cl.,1362, c. 64] "...с единственной целью защитить город...".

Орудный падеж (вместо совместного) употреблялся с глаголом aγulǰaqu "встречаться"; Muqali Buqa qoyar kö'üd=iyer=iyen a'ulǰaǰu... [Ск.ск., § 137] "Мухали и Буха встретились со своими сыновьями".

Совместный падеж. Его формантами были =tai и =tu (реже - мн.ч. =tan). Этот падеж появился значительно позже других [Орловская, 1984, с. 48], о чем свидетельствует и его сравнительно редкое употребление как в древних, так и в более поздних, классических, текстах. Само название падежа указывает на его значение совместности действия с кем (чем)-либо или обладание каким-либо предметом: ...yeke emege inu Zii oboγtai... ner=e ögteǰügüi [Cl., 1335, c. 42] "...его прабабушка, которая была из рода (с родом) Zii..., была пожалована титулом...".

Мнение Г.И.Рамстедта, что суффикс =tai < =tu + адъективный =ai [Рамстедт, 1957, с. 205] подтверждается одними и теми же значениями имен на =tai и =tu . Ср.: Dari neretei [ТД 50, F 41 v] "по имени Дари" и ebüge inu Bai Sang neretü [Cl., 1335, c. 72] "Его деда звали (был с именем) Бай Санг; delgeregsen linqu=a=yin nabčin=dur adali nidü=tü či [ТД 31, F 17 r] "Ты с глазами, подобными листьям распустившегося лотоса"; и noqai ni'urtai... [Ск.ск., § 188] "с собачьей мордой...".

Суффикс =tan как закономерное множ. число употреблялся при согласовании имен в числе: qaγalγ=a tutum=dur maq=a nagni=yin küčüten tabuγad sakilγ=ud ǰalaγus=i... tusiǰu ǰesügül=ün sakiγulbai [ТД 30, F 14 v] "У каждой двери поставили для охраны по пять сотен säkya - юношей, наделенных силой чемпионов"; terge saran niγur=tan delgeregsen lingu=a nidüten [ТД 45, F 35 v] "Имели лица как полная луна, имели глаза [как] распустившийся лотос".

Соединительный падеж. Формант соединительного падежа =luγa / =lüge зафиксирован в древнем и классическом монгольском языке, в ордосском, ойратском и некоторых других диалектах, но он отсутствует в халхаском и бурятских диалектах [Санжеев, 1953, с. 174].

Основное значение этого падежа комитативное. Он обозначает:

1) лицо или предмет, вместе с которым осуществляется действие: Örügtemür=lüge qamtu... [Cl., 1346, с. 69] "...вместе с Оруктэмуром"; basa ber Yasidari=luγ=a qamtu büküi=dür... [ТД 29, F 11 v] "...снова, когда он был вместе с Яшидари";

2) лицо или предмет, находяшиеся в каких-либо отношениях с другими: öber=ečegen erdem=tü sayid=luγa aqa degü barildu... [Cl., 1362, с. 65] "Станьте побратимами с теми, кто более талантлив (образован) и лучше, чем вы"; noytan tülegen=lüge učirabasu γal ber söneyü [ТД 62, F 57 v] "Даже огонь гаснет, если соединится с сырыми дровами"; kümün tngri kiged γurban maγui ǰayaγan=luγ=a ülü medekü mungqaγ=iyar tabun töröl=dür öčiyü [ТД 23, F 5 r] "Люди и боги с тремя злыми судьбами из-за отсутствия знаний вращаются в пяти перерождениях";

3) соединительный падеж, обозначающий уподобление одного лица (предмета) другому: teyin ber bügesü tngri=lüge nigen=e qamuγ yirtinčü=dekin=ü üliger ger=e inu či kü ülügübüi [ТД 64, F 60 r] "Если это так, [то] не являешься ли ты свидетельством и примером для всех живущих в мире, включая богов (вместе с богами)";

4) лицо, как объект совершеннго или предполагаемого совместного действия: tegüber degedüs dorudus=luγa sedkil daγalduγad itegeldün čidaǰuγui [HC, 35 a] "Поэтому высшие смогли объединить свои чувства с низшими и полагаться друг на друга"; Čanak=lüge kelelüy=a kemen... [ТД 38, F 27 r] "Давайте поговорим с Чанака"; čimaluγ=a qamtudču ǰiryay=a kemen irebei bida [ТД 64, F 61 r] "Мы пришли, чтобы объединившись с тобой, порадоваться"; tegüber erdemten=lüge ülü meljen: teyin ečige minu ese odbasu sayin...[ТД 59, F 55 r] "Поэтому, отец мой, лучше не идти таким образом и не отказываться [иметь дело] с теми, кто наделен достоинством".

В наших текстах в единственном случае зафиксирован так называемый падеж предела с показателем =čaγa / =čege: tegüber kümün ečige eke=düriyen čiqulalaqu kemebesü ebüdügčege nilq=a öčüken=eče boluyu [НС, 18 a] "Поэтому почитание человека к своим родителям начинается с самого детства, когда [ребенок] еще ростом до их колен".

Двойные падежные формы. Что касается двойных падежных форм и разного их толкования в монголоведении, то мы уже писали об этом в: [Орловская, 1984(1), с. 363-372; Орловская, 1984(2), с. 50-55]. Мы исходим из того, что в ряде случаев первый из двух падежных показателей в словоформе не превращается в словообразовательную морфему, а сохраняет свое падежное значение, тем самым подтверждая существование в монгольских языках двойных падежных форм.

Самой распространенной из них была как в древних текстах, так и в более поздних - классических, дательно-местно-исходная форма на =dača / =deče. Первый компонент этой формы =da / =de в монгольских языках имел локативное значение, тогда как в древнетюркских (откуда по нашему мнению он был заимствован) это был полифункциональный местно-исходный падеж, выражавший как локативное, так и аблативное значения [Насилов В.М., 1960, с. 29; Тенишев, 1970, с. 25 -26].

В монгольском же языке для передачи чисто аблативного значения показатель =da / =de требовал уточнения путем присоединения к нему суффикса исходного падежа =ča / =če. За формантом же =da / =de сохранилось локативное значение. Процесс этот происходил постепенно, поэтому в письменных памятниках, начиная с самых древних, долгое время использовались две формы: двойная дательно-местно-исходная и простая исходная для передачи одних и тех же значений. Ср. примеры: qaγan=dečegen üge ügei odbasu... [ТД 29, F 12 v] "...если [я] удалюсь без слов от моего отца-хана" и qaγan=ča... ner=e soyurqaγdaγsan [Cl., 1362, с. 68] "Ханом (от хана) был пожалован титул..."; imada=ča jirγuγan köbegüd törögsen [Cl., 1362, с. 66] "От нее родилось шесть сыновей"; Bodončar=un a/b/lin eme=deče töreksen... [Ск.ск., § 43] "Родился от первой жены Бодончара"; и Barqujin-qo=a=ča töreksen Alan=qo=a neretei ökin tere [Ск.ск., § 8] "То была девушка по имени Алан-гуа, родившаяся от Баргуджин-гуа".

Кроме этой двойной формы употреблялись и другие: это совместный и винительный (примеры нами были зафиксированы в тексте "Алтан тобчи"):"...degüner kegüked=tei=yi... alabai [АТФ, 4769] "...убил младших братьев с детьми" и совместный с родительным: amun künesün elbeg=tü=yin tula... [Cl., 1362, с. 64] "...так зерна [проса] было в изобилии" - elbeg "изобилие" - elbeg=tü "с изобилием", родительным падежом управляет послелог tula "так как".

Однако мы не отрицаем и того факта, что в монгольских языках, в том числе и в его самых ранних (доклассических текстах) изменение имен по падежам имеет не только грамматическое, но и лексико-грамматическое значение [Цыдендамбаев, 1972, с. 354]. Это особенно касается совместного падежа, часто выполняющего определительную функцию, например: či busu nereteyi Hö'elün taki nereyidüyü=ǰe [Ск. ск., § 55] "Ты ведь назовешь [женщину] с другим именем снова Оэлун". В словоформе nereteyi - два падежных форманта: =i показатель винительного падежа - прямое дополнение и =tey < =tei форма совместного падежа, выступающая в определительной функции, но не переводящая при этом имя существительное nere в разряд прилагательных. Ср. также: bodisdv ögülerün ötelekü nom=tu=yi ǰalaγu ebedkü nom=tu=yi elegür kemen ükükü nom=tu=yi amidu kemen: sedkigsen qabiy=a inu ali bui [ТД 27, F 9 v] "Бодхисатва сказал: «Какая польза думать, что тот, кто находится под законом старения (тот, кто с законом) - молод, кто находится под законом разрушения - здоров, кто находится под законом смерти - жив» ".

В некоторых случаях "лексичность" преобладает над "грамматичностью". Винительный падеж, присоединяясь к именам, обозначающим признак, субстантивирует их: sayin "хороший" - sayin=i [Ск.ск., § 219] "нечто хорошее", "доброта"; qara qurdun=iyan unuba [Ск.ск., § 106] "Оседлал своего быстрого [коня]".

Родительный падеж, выражающий в широком смысле слова притяжательность, в сочетании с суффиксом =(q)ai/=(k)ei образует притяжательные имена: bi Temüǰin=ü=(k)ei [Ск.ск., § 100] "Я тэмуджиновская (т.е. принадлежу к семье Тэмуджина)".

Прилагательные

В древних текстах выявлены два разряда прилагательных: качественные и относительные. Качественные, которые обозначают цвет, размер и ряд других признаков, представлены как непроизводными: ulaγan < ula'an "красный", sira "желтый", sine "новый", soqur "слепой", qalǰan "лысый', так и производными: yadanggi "слабый, маломощный" <yada= "не мочь, не уметь", "не быть в состоянии", qaranggui "темный", "черный", qarambai "грязный, запачканный, замызганный", <qara "черный".

Этот разряд прилагательных способен иметь показатели степеней качества и формы интенсива или ослабленного качества: mawuqan [Ск.ск., § 193] "плохонький, неважненький" <mawu "плохой";

čö'eken [Ск.ск., § 193] "совсем малочисленный" < čö'en "мало; малочисленный"; hulāmtur [MA, с. 62, 87] "красноватый" <hulā (n) "красный"; yekemed [Cl., 1362, с. 66] "самый старший" <yeke "большой; старший";

Чрезмерная насыщенность качества передавалась посредством редупликации с усечением повторяющейся основы. Редуцированный элемент удвоения сотоит из первого слога основы с присоединением к нему согласного =b: hub hulān [MA, с. 186] "совершенно красный"; qab qara [ТД 48, F 38 v] "совершенно черный; черный-пречерный".

Высшая степень проявления признака передавалась формой интенсива: masi yeke tusa [Ск.ск., § 134] "очень большая польза"; ср. qamuγ=un möngke [АТФ, 3943] "самый вечный".

Качественные прилагательные участвуют в образовании сравнительных конструкций для обозначения качественного различия однородного признака, присущего двум или более предметам. При этом имя существительное (или иная часть речи), с которым сравнивается качество или свойство какого-либо предмета, ставится в форме исходного падежа, а имя прилагательное остается без изменения: kümün=eče degedü [HC, 16 б] "выше (лучше) человека"; öber=eče dorudus üčüged=i buu basumǰilan... [Cl., 1362, с. 65] "...не пренебрегайте теми, кто ниже и меньше вас (себя)".

Относительные прилагательные образуются от именных, глагольных, реже - наречных основ, посредством суффиксации. Наиболее известными с древних времен были суффиксы: =du / =tu: doronadu [ТД 28, F 8 r] "восточный" < dorona "восток"; adatu [Cl., 1362, с. 62] "опасный; злой" <ada "злой дух"; amtatu [HC, 36 a] "вкусный" < amta "вкус"; amidu [Cl., 1362, с. 52; HC, 36 a] "живой" < ami "жизнь"; =deki / =ki: degereki [HC, 26 б] "находящийся наверху" < degere "верх; наверху"; yirtinčüdeki [ТД 52, F 45 v] "распространенный во вселенной" < yirtinčü "вселенная; мир; свет".

Употребительными в древних текстах были суффиксы: =liγ / =liq: qalqanliγ [Cl., 1362, с. 63] "защищенный" < qalqa(n) "щит, покрышка"; tngerlig [ТД 30, F 15 r] "божественный" < tngri "небо", "божество"; qanliγ [HC, 28 a] "ханский, уподобляющийся хану" < qan "хан"; =γar: darbaγar [ТД 59, F 55 v] "толстогубый; большеротый" < darba= ~darbai= "широко раскрываться; быть большеротым"; =γu: γaǰiγu [Cl.,1362, с. 67] зд.: "неверные, вероломные" < γaǰi= "отклоняться, искривляться"; =maγ / =meq: amaramaγ [ТД 52, F 45 v] "желанный; успокоительный" < amara= "отдыхать, успокаиваться"; =mal / =mel: arčimal [ТД 21, F 2 r] "очищенный, отшлифованный" <arči= "очищать"; =maγai / =megei: dadmaγai [Cl., 1362, с. 67] "привычный, имеющий навык" < dad= "привыкать"; =mdaγu / =mdeqü: taqimdaγu [HC, 2 a]

"почитающий, способный почитать" < taqi= "уважать, почитать"; joqimdaγu [НС, 33 б] "соответствующий, пригодный" < joqi= "соответствовать"; =msar / =mser: uqamsar [Ск.ск., § 240] "непонятливый" < uqa= "понимать, разуметь"; ölüsümser [Ск.ск., § 56] "не голодающий, не испытывающий голода" < ölüs= "голодать, быть голодным". Суффикс =msar / =mser примечателен тем, что в классическом языке изменилось его отрицательное значение, и производные с ним прилагательные стали обозначать наличие положительного качества. Для передачи же отрицательного значения с прилагательным стало употребляться слово-отрицание ügei "не,нет". Ср. класс. монг.: uqamsar ügei, халх.: ухамсаргүй "недогадливый, непонятливый, несообразительный".

Объяснение этому явлению дал японский ученый М.Хасимото, который рассматривает этот суффикс как составной, состоящий из =m, образуещего отглагольные имена: класс. монг.: toqum "потник" < toqu "седлать,накладывать потник" + = sar/=ser, который сопоставляется с отрицательным суффиксом =ser в тюркских языках (например, чувашском). Поэтому в древних монгольских текстах =msar имел изначально отрицательное значение, которое со временем было утрачено в связи с тем, что общим для монгольских языков становилось отрицание ügei [Hasimoto Masuru,1964, c. 421-426][4].

Вместо притяжательных прилагательных в монгольских языках, в том числе и в языке древних текстов, употребляются имена существительные в форме родительного падежа: morin=u se' ül [Ск.ск.,§ 129] "конский хвост"; qonin=u se' ül [Ск.ск., § 180] "овечий хвост".

В монгольских языках отсутствуют прилагательные, обозначающие вещества или материал, из которых состоит или сделан предмет, поэтому предметные определения выражаются сочетением двух стоящих рядом имен существительных, например: temür telege [Ск. ск., § 199; 236] "железная телега (железо-телега)"; terme ger [Ск.ск., § 265] "юрта, [покрытая] тибетским сукном (тибетское сукно-юрта)".

Функциональной особенностью прилагательных является их атрибутивное употребление. В предложениях они выступают прежде всего в качестве определений к именам существительным. Сочетание прилагательного с существительным происходит без каких-либо морфологически выраженных форм. Определительные отношения выражаются только порядком слов: определение всегда стоит перед определяемым.

---

[4] О том, что суффикс =ser употреблялся в монгольском языке в отрицательном значении свидетельствует и словоформа keüser, халх. хүүсэр "бездетный (о женщине)", "бесплодный (о животных)", которая членится на keü = "сын, мальчик, дитя" + =ser.

Однако в древних текстах существовало (хотя уже и непоследовательно употребляемое) согласование определения с определяемым в числе, например: biligten küčüten köbegüd [ТД 62, F 58 r] "талантливые и сильные юноши"; sayitan sibaγuqad [ТД 52, F 46 r] "прекрасные птички"; sayid aran [Ci., 1335, c. 71] "добрые (хорошие) люди".

Хотя предикативная функция для прилагательных не характерна, однако в коммукативных целях, в ярко выраженной эмоциональной речи они могли занимать и позицию сказуемого, например: ǰarlm=ud anu degel ügei ničügün [ТД 31, F 17 r] "Некоторые из них [были] без одежды - нагие"; mongqol=un aqtas turuqat [Ск.ск., § 194] "Монгольские кони отощали (тощие)"; adu'un bidan=u turuqat bui [Ск.ск., § 168] "Табуны наши отощали (тощие есть)".

В контексте качественные прилагательные могут субстантивироваться, обозначая при этом отвлеченные понятия качества или признака. В таких случаях они оформляются падежными показателями, например: bilig=ün nidün=iyer mungqaγ=un qarangγui=yi geylgülsügei bi [ТД 31, F 16 v] "Я хочу осветить мрак (темноту) невежества глазами разума (интеллекта)" - при qarangγui "темный. мрачный"; eldeb ǰigerkemsig=i üǰeǰü ögüier=ün [ТД 32, F 17 v] "Увидев всякие мерзости, сказал..." - при ǰigerkemsig "мерзкий, отвратительный, омерзительный".

В данном разделе мы привели лишь некоторые суффиксы, образующие имена прилагательные, и дали их краткую синтаксическую характеристику, что подтверждает тот факт, что в древнем монгольском языке этот класс слов был уже вполне сложившейся самостоятельной частью речи с присущими только ему лексическими, морфологическими и синтаксическими критериями.

Местоимения

Монгольские местоимения - это наиболее древний и практически мало изменившийся слой в исконной лексике языка. Несмотря на то, что исследование этого класса слов в монголоведении посвящена обширная литература (кроме разделов во всех грамматиках и других трудах имеются и специальные исследования: Цыдендамбаев, 1951; Дамдинсурэн Ц., 1973; Дарбеева, 1970; Дамдинсурэн Ц., 1980; Төмөртогоо Д., 1990; Аюуш Т. Б., 1995), спорного в происхождении и эволюции местоимений (особенно личных) еще не мало.

Местоимения делятся на несколько групп, каждая из которых характеризуется своими семасиологическими и функциональными особенностями.

Личные местоимения:

ед.ч.		мн.ч.	
1-ое л. bi	"я"	ba, bide	"мы"
2-ое л. či	"ты"	ta	"вы"
3-е л. *i	"он", "она", "оно"	*a	"они"

Личное местоимение 1-го л. ед.ч. bi зарегисрировано во всех монгольских языках и во всех письменных памятниках. Эта основа восходит к периоду праалтайского языка и, возможно, имело форму *bin < *min с тем же грамматическим значением [Рамстедт, 1957, с. 69; Д.Төмөртогоо, 1990, с. 8-9]

Подтвеждение гипотезы, что bi < *bin < *min ученые видят в том, что "основой личного местоимения 1-го л. ед.ч. в древнетюркском и современном якутском является форма =min. Форма же =min, унаследованная с протоалтайского языка в ходе исторического развития, превратилась в =bin в результате известного чередования согласных m и b, а впоследствии превратилась с выпадением конечного =n в bi [Д.Төмөртогоо, 1990, с. 9].

Основа =min в письменных памятниках сохранилась только в родительном падеже. Во всех остальных косвенных падежах основами служат: nam= (винительный, орудный, соединительный) и na= (дательно-местный, исходный, редко - соединительный).

Предполагается, что основа nam= появилась в результате метатезы согласных n и m: nim < *min с последующей регрессивносной аккомодацией гласного следующего слога: nim > nam= [nimača > nam=ača].

Что же касается форм дательно-местного падежа nadur и исходного nadača, то процесс эволюции, возможно, происходил так: nadur < nandur < *namdur < *nimdur < *mindur. Впоследствии =d оказался в косвенной основе nad=, в результате чего исходный падеж имеет форму nadača, а соединительный nadalā [MA, с. 244] [Д.Төмөртогоо, 1990, с. 10].

В связи с предложенным толкованием происхождения личного местоимения 1-го л. ед. ч. bi и его основ в косвенных падежах, отметим, что это не единственная, хотя и допустимая гипотеза .

Г. Д. Санжеев, например, исследуя это местоимение и его косвенные основы во всех монгольских языках, иначе рассматривал и членил эти основы на морфемы, генезис которых он считал для себя не совсем ясным. При этом основы родительного падежа он считал результатом фонетического развития самого местоимения или, наоборот, более архаичным вариантом последнего [Санжеев, 1953, с.146].

Из личных местоимений особый интерес вызывают два местоимения 1-го л. мн.ч. ba и bide.

Первое из них, местоимение ba , в классическом и современных монгольских языках, за исключением дагурского bā, отсутствует [Санжеев, 1953, с. 148; Тодаева, 1986, с. 53]. В древнем же, доклассическом, языке оно употреблялось довольно часто, в подтверждение чего приведем ряд примеров из разных текстов: edüge ba odču qariγul=un čidaq=uu kemen asaγbasu... [ТД 38, F 27 r] "...если мы сейчас отправимся, возможно ли вернуть [его]?"; tegüber ba üiledügsen sayi üiles=i anu ǰergeber ügüleged... [С1., 1335, с. 77] "Поэтому мы рассказали попорядку о добрых делах, которые [они] осуществили..."; ...qoyitus ba... Qorum=a saγuγu balaγa[sun orosiǰuulǰuγu [Cl., 1346, с. 70] "...мы потомки основали столицу в Хоруме"; Qorči ireǰü ügülerün Bodončar boγdo=yin bariǰu abugsan eme=deče töregsen ba Jamuq=a=lu'a ke'eli niketen keke qaqčatan büle'ei [Ск.ск., § 121] "Придя, Хорчи сказал: « Мы с Джамухой происходим от жены, которую взял себе священный предок Бодончар, мы из одного чрева и крепко связаны »"; ba Hö'elün eke=yin kö'ün=i aqa=yi alaǰu de'ü=yi te/b/čiǰü öksügei ke'eǰü'üi [Ск.ск., § 166] "Мы [вас] сыновей Оэлун-эке старших перебьем, младших изведем"; kö'üd=ün aqa Joči ba qoyar bui=ǰe [Ск.ск., § 255] "Ведь мы с Джочи старшие из сыновей".

Уже к концу XIV в. местоимение ba стало вытесняться формой bida(n) ~ bide(n) и вскоре было ею окончательно заменено. В тексте "Сокровенного сказания" и других памятниках XIII-XIV вв. они употреблялись параллельно.

О происхождении этих двух местоимений также существуют разные точки зрения. Разделяя мнение В.Л.Котвича, что в алтайских языках формы множ. числа личных местоимений образованы средствами внутренней флексии, путем изменения гласного в основе местоимения ед.числа [W.Kotwicz, 1936, с. 13-14], Г.Д.Санжеев считал, что монгольское ba также появилось в результате использования в семантических целях чередования гласных: bi > ba [Санжеев, 1953, с. 150]. Г.И.Рамстедт [1957, с. 70] и вслед за ним Д.Төмөртогоо [1990, с. 11] полагают, что ba < *ban < *man в результате известного всем алтайским языкам диссимиляции согласных m > b.

Нет единого мнения и об этимологии и происхождении местоимения bida(n) ~ bide(n) . Г.И.Рамстедт считал, что именительный падеж ba "мы" вышел из употребления, уступив место форме bida ("мы" < *bi-ta "я и мы") [Рамстедт, 1957, с. 71]. Ц.Б.Цыдендамбаев также полагал, что местоимение первого лица множ.числа образовано путем слияния его формы ед.ч. с местоимением 2-го л. ед.ч., т.е., что bida ~ bide < bi "я" + ta "вы" с переходом t >d [Цыдендамбаев, 1951, с. 12; 1979, с. 15-22].

С таким объяснением был в корне не согласен Г.Д.Санжеев, разделявший существующее в алтайской литературе мнение, что формы множ.числа личных местоимений образованы не в результате комбинаций личных же местоимений (я+ты), а от основ соответствующих местоимений ед.числа посредством наращения показателей множественности. Что касается монгольского языка, то Г.Д.Санжеев отметив, что bida ~ bide < bi+da, где последняя представляет собой морфему со значением множественности, которая присутствует и в составе указательных местоимений множ.ч. ede "эти" и tede "те", пришел к выводу, что данные современного монгольского языкознания пока не дают прочной основы для того или иного решения затронутой проблемы [Санжеев, 1953, с. 148].

Отметим, что в древнем языке все падежные формы, кроме номинатива, образовывались от основы bidan=. В "Сокровенном сказании" имеется только один случай употребления формы bida= в дательно-местном падеже: bida=tur [§ 118], но: местный п.: bidan=a [§§ 199, 203, 248 и др.]; исходный п.: bidan=ača [§§ 118, 131, 179 и др.]; винительный п.: bidan=i [§§ 149, 161, 165 и др.]; соединительный п.; bidan=lu [§ 193], bidan=lu'a [§§ 232, 275]; дательно-местный п.: bidan=tur [§§ 85, 149, 165 и др.]; родительный п. bidan=u [§§ 18, 104, 110 и др.] .

Морфема =dan / =den присутствует и в падежных формах указательных местоимений ede "эти" и tede "те": вин.п. eden=i [§ 72]; teden=i [§ 149]; мест.п. teden=e [§ 245]; дат.-мест.п.: teden=tür [§§ 142, 170] .

Если предположить, что =dan в bidan - морфема, выражающая значение множественности [Д.Төмөртогоо, 1990, с. 12], то возникает вопрос, почему в номинативе употреблялись только bida ~ bide и ede, tede.

Известно, что в монгольских языках имена на =n подразделяются на две .группы: 1) слова с устойчивым конечным =n , который не исчезает при словоизменении и 2) слова с так называемым неустойчивым =n, которые имеют две основы: полную с =n и усеченную без =n, проявляющую себя только в системе словоизменения, когда в ряде падежей (в современном языке - это именительный, орудный, совместный) этот =n исчезает.

Вряд ли в морфеме =dan этот =n был неустойчивым. Но даже и в случае его "неустойчивого характера" в номинативе должна бы присутствовать его полная форма. Тогда как мы имеем обратное явление - номинатив bida, а во всех прочих падежах основа bidan=. В связи с этим нам представляется, что исходной была все же морфема =da, поэтому и номинативной формой была bida, а не bidan, равно как и ede, tede, а не eden, teden. Возможно, =n в bidan стало появляться при словоизменении по аналогии с местоимением ta "вы", в котором =n также появляется во всех других, кроме номинатива, падежных формах: вин.п.: tan=i , мест.п.: tan=a , дат.-мест. п: tan=dur, соед. п.: tan=luγa, род.п.: tan=u [5].

Интерес представляет и местоимение 3-го л. Среди современных монгольских языков и их диалектов только дагурский язык (его цицакарский и бутхаский говоры) сохраняет полную парадигму его склонения [Тодаева, 1960, с. 60-61; 1986, с. 53; Дарбеева, 1970, с. 113 - 117]. В классическом и современном монгольском языке сохранились только рудименты этого местоимения в форме родительного падежа inu и anu. Что же касется текстов XIII-XIV вв., то там это местоимение представлено почти всеми его падежными формами, а именно: вин.п.: imayi, дат.-местн.п.: imadur / imada, орудн.п.: ima'ar, соед.п.: imaluγa, дат.-местн.исх.п. :imadaĉa .

Приведем некоторые примеры: ...imayi ečige /me/tü kündelen ajuγu [Cl., 1338, с. 53] "...его почитали как отца"; imada=ĉa ǰirγuγan köbegüd töregsen ajuγu [Cl., 1362, с. 66] "От нее родились шесть сыновей"; ...ali ber üiles=i imaluγ=a eyetüldün ajuγu [Cl., 1335, с. 72] "...обсуждал с ним любые дела"; imada ángq=a urida... ner=e soyurqaǰu öggüged... [Cl., 1362, с. 65] "Прежде пожаловал ему звание...".

Сохранившиеся в классическом монгольском языке формы родительного падежа личного местоимения 3-го л. ед. и мн.ч. inu, anu (реже - ni) употребляются как графические варианты одной и той же притяжательной частицы 3-го л. со значением "ее", "его", "их", при этом употребление inu и anu уже не зависит ни от числа, ни от сингармонического ряда предшествующего слова, и они всегда используются только постпозиционно.

Однако в древних текстах эти частицы употреблялись и в препозиции, т.е. как и любое другое личное местоимение, например: anu

---

[5] В современном монгольском языке имена, исторически не имеющие в исходе своей основы согласного =n , стали приобретать его по аналогии с именами на =n .При этом =n стал выполнять в некоторых словах и смыслоразличительную функцию, т е. несет определенную семантическую нагрузку. Ср.: цаг "время, период, час; часы" - род. п. цагийн ажил " работа на час", но цагны ажил "работа над часами"; хоёр "два", хоёрт ирнэ "приду [приеду] в два часа", но хоёронд ирнэ "приду [приеду] второго числа".

ordu dotor=a...[Cl., 1338, c. 54] "в их дворце..."; ...anu baɣasun=u ɣadana baɣuɣsan aǰuɣu [Cl., 1338, c. 54] "...похоронили за пределами их города"; anu uruɣ bidan=tur ire'esü ... [Ск.ск., § 165] "..если к нам прибудет их родня"; inu metüs=i či'ün=tür ülibel [Ск.ск., § 156] "Подобных ему [мы] примеряли к тележной оси".

В тексте "Сокровенного сказания" нередко употреблялась и форма винительного падежа ani, например: ani teyin butaraqdaǰu Ong qan Ergüne huru'u Jamuqa=yi nekebe [Ск.ск., § 144] "Когда их так разгромили, Ван-хан преследовал Джамуху вниз [по реке] Эргунь". Ср. перевод этого предложения на современный монгольский язык: Тэднийг тэгж бутрахад Ван хан Эргүнэ рүү Жамухыг нэхэв [МНТ, § 144] "id"- местоимение ani заменено здесь указательным тэд в вин. падеже; ǰiči ani daruǰu kidu'at Buqar Semisgab Udarar balaɣasun=tur ani ülü neyile'ülün daraǰu Šin-müren=e gürttele hüldeǰü yabuqdarun [Ск.ск.,§ 257] "Кроме того, разгромив их и уничтожив, им не позволили соединиться в городах Бухара, Сэмисгаб и Отрар и гнали до [реки] Шин-мурэн". В переводе на современный язык ani в этом предложении также заменено винительным падежом местоимения тэд - тэднийг [МНТ, § 257].

Наряду с этим inu и anu регулярно употреблялись и постпозиционно в качестве местоименных притяжательных частиц, например: bi ɣaɣča kö'ün inu bi Bo'orči neretü bui [Ск.ск., § 90] "Я его единственный сын, меня зовут Боорчи"; ečige=če inu ulam köbegün inu Sergesgeb degedüs=e ene metü terigüten soyurqaɣdaɣad... [Cl., 1338, c. 55] "Из-за своего отца сын его Саргэсгэб был таким образом облагодетельствован Императором...".

Таблица личных местоимений

им. пад.	bi "я"	či "ты"	*i "он"	ba; bida(n) / bide(n) "мы"	ta "вы"	*a "они"
род. п.	minu mini	činu čini	inu ini	manu bidan=u	tanai tanu	anu
вин. п.	namayi nama	čimayi	imayi	man=i, mani bidan=i	tan=i	ani
местн.п.				man=a bidan=a	tan=a	
дат. - местн.п.	nada nadur	čimada čimadur	imada imadur	man=dur man=tur bidan=dur bida=tur bidan=tur	tan=dur	andur
исх. п.	nadača	čimača čimadača	imadača	manača man=ača bidan=ača	tanača	
орудн. п.	nama'ar		ima'ar	mana'ar		
соед. п.	nama=l'ua nama=luγa	čima=l'ua čima=luγa	imaluγ=a	man=l'ua bidan=l'ua bidan=lu	tan=l'ua	

Указательные местоимения. К указательным местоимениям относятся следующие: ene "этот", tere "тот", ede "эти", tede "те". Их значения и структура уже исследованы в трудах В.Л.Котвича, Г.И.Рамстедта, Г.Д.Санжеева, Ц.Б.Цыдендамбаева и др. Этот разряд местоимений определяет предметы, указывая на их близость или отдаленность, присутствие или отсутствие здесь. Г.И.Рамстедт относил их к древнейшим и предлагал их структурное членение на en=e и ter=e, где =e считал дейктическим элементом [Рамстедт, 1957, с. 74]. Но Г.Д.Санжеев членил их иначе на e=ne и te=re (для ед.ч.) и e=de , te=de (для множ.ч.), считая, что форма множ.ч. в этих местоимениях образовалась с тем же элементом =de , что и личное местоимение 1-го л. множ.ч. bi=da ~ bi=de "мы" при bi "я" [Санжеев, 1953, с. 153].

Эти местоимения изменяются по падежам, из которых в древних текстах зафиксированы следующие словоформы:

им. п.	ene "этот"	tere "тот"	ede "эти"	tede "те"
род.п.	egünü e'ünü	tegün=ü te'ünü	eden=ü	teden=ü
вин.п.	egün=i e'ün=i	tegün=i te'ün=i	eden=i	teden=i
местн.п.		tegün=e		teden=e
дат.-местн.п.		tegün=dür te'ün=tür		tedentür tedendür
исх.п.	egüneče e'üneče	tegün=eče te'ün=eče		tedeneče
орудн.п.	egüber e'über	tegüber te'über	ede'er	tedeniyer tede'er
соед.п		tünle terenlē		tedenlē

Как видно из таблицы, основой косвенных падежей этих местоимений служат egün= и tegün=, которые членятся на e=gün и te=gün [Санжеев, 1953, с. 154]. При этом происхождение элемента =gün оставалось неясным. Однако данные по ранее мало исследованным монгольским языкам дали возможность сделать новые наблюдения и выводы относительно структуры и значения элемента =gün. Б.Х.Тодаева на материале исследованных ею баоаньского, дагурского и дунсянского языков пришла к заключению, что местоимение ene первоначально использовалось только как указательное местоимение ед.ч., т.е. не употреблялось в значении личного местоимения 3-го л., и поэтому все его косвенные падежи в этих языках сохраняют его без какого-либо изменения в качестве своей основы. Это стало возможным, по мнению Б.Х.Тодаевой, благодаря наличию в этих языках личного местоимения 3-го л., присутствие которого не требовало дополнительного элемента =gün в роли усилителя - уточнителя форм 3-го л. [Тодаева, 1964, с. 51-52]. В связи с этим можно предположить, что элемент =gün появился в тех монгольских языках, в которых исчезло местоимение 3-го л., в качестве элемента-уточнителя значения указательного местоимения ene , лишенного значения лица. Ср.: ene nom "эта книга", ene kümün "этот человек". Следовательно, чтобы придать указательному местоимению соотнесенность с лицом, требовался дополнительный классификатор, при наличии которого эти местоимения в косвенных падежах приобретали бы значение лица, например: nigen tngri=yin köbegün tegün=i üǰeǰü ... [ТД 46, F 36 v] "Сын божества увидел его..."; tegün=e mörgümüi [ТД 62, F 58 r] "Поклоняются ему"; ed'öe e'ün=i ker kikün bida [Ск.ск.,

§ 152] "Но как сейчас мы поступим с ним (досл.: его)?"; te'ün=tür Ačiq-širun ügülerün [Ск.ск.,§ 174] "Ачиг-ширун сказал ему...".

Г.Д.Санжеев оставлял открытым вопрос о происхождении и значении =gün , но тем не менее высказал предположение, что посредством этого элемента в древних монгольских диалектах производилась какая-то субстантивация ранних местоимений [?] e= и te=, в результате чего образовались egün, tegün и yaγun [Санжеев, 1953, с. 155].

Б.Х.Тодаева полагает, что элемент =gün восходит к некоему слову со значением "сам", "человек", превратившись со временем в формальную грамматическую морфему. С точки зрения семантики и употребления косвенных основ egün/tegün это предложение вполне реально. Тем более, что Б.Х.Тодаева делает в связи с этим любопытное примечание, что у калмыцких женщин существовал обычай, по которому запрещалось произносить имя мужа, и они называли его словами бий / beye "тело", "сам", "человек" и күн [kümün] "человек" [Тодаева, 1964, с. 53]. Представляется вполне правомерным считать, что элемент =gün восходит к kün < kümün "человек": e= <[ene] +kümün > kün/ /gün=egün; te= < [tere]+kümün >kün/ /gün=tegün.

Отметим, что в современном монгольском языке имеются случаи необязательного употребления косвенной основы указанных местоимений перед послелогом, когда речь идет о неодушевленных предметах: энэ тухай вм.: /т/ γγний тухай "об этом" и "о нем".

Множественное число местоимений ene и tere: ede(n), tede(n) употреблялись в формах edeger / ede'er и tedeger / tede'er: edeger üiles=i irgen=i jasabasu... [НС, 20 б] "Если [он сможет] руководить этими делами и людьми..."; bida tede'er=i ke'eba [Ск.ск., § 174] "Мы потеряли их". Элемент ger / ber В.Л.Котвич относил к окончанию творительного (орудного) падежа, который первоначально имел значение совместности (комитатив) и только с течением времени утратил это значение [Котвич, 1962, с. 315]. Этот же формант входит в состав таких местоимений, как bügüdeger и bulta=bar "все, все целиком, полностью" при bügüde и bultu "все".

К разряду указательных местоимений относятся также eyimü "такой, как этот" - eyimün мн.ч., например: eyimü törü Čiu güng neretü kümün=eče boljuγui [НС, 17 а] "Такой порядок пошел от человека по имени Чиу гунг"; teyimü "такой, такие, как тот" -tayimün мн.ч.: teyimü teyimü gü'ün teyimü morintu büle'e [Ск.ск., § 30] "Был такой-то и такой-то человек с такой-то лошадью"; eyimün teyimün tang'udud=i čeri'üt gü'ün=e bariqsa'ar oluqsa'ar abutqun ke'en jarliq bolba [Ск.ск., § 265] "Издал указ: «Солдаты пусть таких эдаких тангутов захватят и берут добычу»"; teyimün arad kedün ber noyalaqu ner=e olbasu... [НС, 20 а] "Такие люди какое бы назначение для правления (управления) ни

получили..."; Ögedei eyimün üges ügüleǰü bö'esü bolu=ǰe [Ск.ск., § 255] "Если Огэдэй говорит такие слова, [так] и было".

Аналогичные значения имеют местоимения teyin "так, такой", eyin "эдак, эдакий": teyin busu üge=yi... [НС, 20 а] "Не такие слова..."; eyin kibesü... [НС,36 а] "Если сделать так..."; yakin teyin kildümüi [Ск.ск., § 76] "Почему вы так ссоритесь? "; eyin kigdeba [Ск.ск., § 73] "Был так ранен".

В роли указательных местоимений выступают также edü / edüi / edün "столько", "эдак", tedüi "так", "столько", mün / müt "этот", "эти", например: edui basa... To'oril qan=nu ügülegsen üges=i Jamug=a=da ügüleǰü... [Ск.ск., § 105] "Так снова передал Джамухе слова, сказанные Тоорил-ханом..."; bolǰal=un čimar edüi ügüleldüǰü ... [Ск.ск., § 108] "Так оговаривал нарушение срока..."; Jamuq=a=dača edün irgen ireba [Ск.ск., § 130]. "От Джамухи прибыло столько народа"; irgen=ü töb uǰaγur anu edüi kü buyu [НС, 38 а] "Таков главный обычай людей"; Yisügei tedüi ger=tür=iyen a/b/čiraba [Ск.ск., § 56] "Так Есугэй привел [ее] к себе в дом"; tede čeri'üt tedüi qataraba [Ск.ск., § 101] "Те солдаты так бежали".

Местоимение mön/mün "этот, тот (самый)" повидимому, только в XIII-XIV вв. имело форму множ.ч. - müt: ср. примеры Bodončar mün aǰu'u [Ск.ск., § 32] "[Это] был тот самый Бодончар"; Bodončar yabuǰu basa mün gü üge ügülebe [Ск.ск., § 34] "Бодончар подъехал и сказал те самые слова"; mün mün mör=iyer qarin bedereǰü ... [Ск.ск., § 82] "Вернувшись искали по тем же самым следам..."; mön Indu... [Cl., 1362, c. 65] "Тот самый Инду..."; mön Ataibuq=a [Cl., 1362, c. 64] "Тот самый Атайбуха"; müt anu de'ere ǰada bolǰu... [Ск.ск., § 143] "На них тех самых пустили стрелы"; müt Buyiruq qan Quduqa qoyar ǰada medekün aǰu'ui [Ск.ск., § 143] "Те самые Буирух-хан и Худуха знали о ненастье"; daruča müt čeri'üt... qurču ire'e/t/ [Ск.ск., § 101] "Их настигли те солдаты"; müt Sirgü'etü ebügen Alaq Naya'a kö'ü=lü=e ben ire'esü ... [Ск.ск., § 149] "Когда подъехали эти самые Ширгэту-овгон со своим сыном Алаг Наяа...".

Вопросительные местоимения. К ним относятся: ken - мн.ч.: ked ~ ket "кто?", yaγu(n) - мн.ч. yaγut "что?", yambar "какой?", ali "какой?", "который из них?", kedüi / kedün / kedüle "сколько?", ker / ker-kin "как?", например: ...irgen=ü joriγ daγan čidaγči ken]=e aqu [НС, 27 а] "Кто сможет следовать стремлениям народа?"; dergede ken bui ke'eǰü ... [Ск.ск., § 68] "Кто находится рядом?"; ke/t/ bui ke'en asaqu'asu... [Ск.ск., § 142] "Когда спросили: «Кто такие?»"; ket bui ke'en... [Ск.ск., § 170] "Спросили: «Кто такие?»"; taqimdaqu bolqui=ača deger=e basa yaγun]=e aqu [НС, 18 а] "Что может быть выше почитания?"; ene yaγun üge bolumu [НС, 29 а] "Что это за слова?"; ede ya'ut haran...

ke'en [Ск.ск., § 195] "Что это за люди?"; edü'e yambar ele setkil setkǰü... [Ск.ск., § 126] "Сейчас какие думы думаете...?"; yambar eye eyetüldüba [Ск.ск., § 154] "Какие дела обсуждали?"; aqta kedüi bö'esü... [Ск.ск., § 224] "Сколько коней...?"; tusa iheyel činu kedün ber aǰu'u= ǰe [Ск.ск., § 204] "Сколько же было твоей пользы и милости?".

В древних текстах широко использовалось вопросительное слово ker / kerkin "как?", "каким образом?", "почему?": ǰürkin=ne ker eyin kikden büle'ei [Ск.ск., § 136] "Почему джуркины так поступают?"; tayiči'ut aqa de'ü=ye'en qaši'u ker aburaqun [Ск.ск., § 76] "Как мы отомстим тайчиудам?" ; kerkin sayumui či [ТД 36, F 24 v] "Как ты будешь жить?"; ükidel=ün dumda... bayasquiang kerkin törömüi kemen... [ТД 31, F 17 r] "Как может возникнуть радость среди мертвых?".

Вопросительные местоимения с усилительными частицами ber, ba в отрицательных предложениях выступают в качестве неопределенных ali be ǰobalangud=i ese üǰebei [Cl., 1362, c.65] "Не видели никаких страданий"; ket ber de'ü ner kö'üt ta ber Bo'orči Muqali=tan eyin ese duratqaba [Ск.ск., § 254] "Вы, младшие сыновья Боорчи и Мухали, никто не вспомнил эти [слова]"; ken ber mayui ese kemegtebei [Cl., 1362, c. 68] "Никто не говорил о них плохое"; taqimdayu törü=yi buruγusiyabasu ečige eke=yügen yaγun=a ba ese toγaγsan=dur adali... [НС, 24 а] "Если [кто] осуждает законы почитания, то это подобно тому, что [они] не считаются ни с чем со своими родителями".

Обобщительные местоимения. К ним относятся местоимения:

1) указывающие на совокупность предметов или лиц: bügüde / bügüdeger "все", "все полностью": bügüde merkid=i... [Ск.ск., § 104] "всех меркитов..."; bügüde setkil=iyen amuqu büle'e bi ke'eba [Ск.ск., § 209] "Я сказал: «Вся душа моя отдыхала»"; bükü ǰüg=eče iregsen bügüdüger alaγaban qamtudqaǰu... [ТД 43, F 32 v] "Все те, кто пришел с разных сторон, скрестили свои руки..."; čöm "все": sayin=dur ülü ǰorin čöm ada=tu tülige=tü üile egüsgegčid... [НС, 20 а] "Все те, кто, не стремясь к доброму, затевает злые, разрушительные дела..."; qamuγ "все, весь" : qamuγ amitan=u dotur=a... [НС, 16 б] "Среди всех живых существ..."; qamuγ qari ulus... [НС, 14 а] "Все чужие народы..."; qamuq merkid=i... [Ск.ск., § 104] "Всех меркидов...";

2) указывающие на то, что предмет взят из ряда однородных, подобных ему: bükü / bükün "каждый", "всякий", "все": bi ede büküη kö'üd=ün aqaqan boluγsan boluǰu... [Ск.ск., § 275] "Я был старше каждого из этих сыновей..."; bükü ǰüg=eče... [ТД 43, F 32 v] "С каждой из сторон..."; büri/bürin "каждый": ödür büri üǰeldüǰü... [НС, 26 а] "Встречаясь [друг с другом] каждый день..."; manaγar büri maliysuqai üdür büri öčisügei [Ск.ск., § 103] "Каждое утро будем угощать, каждый день будем поклоняться ".

Возвратные местоимения. Как писал В.Л.Котвич, "Из трудного положения, создавшегося в связи с отсутствием возвратных местоимений, монголы вышли, использовав особую частицу ban/ben, yan / yen, iyan / iyen, а иногда γan / gen(='an, ='en), которая присоединяется к концу слова" [Котвич, 1962, с. 160]. Происхождение ее связано со словом beye "тело", "человек", "сам". Действительно слово beye в монгольских языках с давних времен используется в качестве возвратного местоимения со значением "сам", например: Hö'elün-üǰin... beye=ber (орудн.п. от beye) morilaǰu... [Ск.ск., § 73] "Оэлун-уджин отправилась сама (досл.: своим телом)"; basa Činggis qahan ügülerün bidan=u beye čerik ese qaru'asu kebte'ül bidan=ača anggida bu qartuqai ke'eba [Ск.ск., § 233] "Чингис-хан сказал: «Если мы сами (наши тела) не выступим войском, то кебтеулы без нас не должны выступать»".

Наряду с возвратно-притяжательными частицами (см. в разделе "Частицы") и словом beye имеется и возвратное местоимение öber= / ö'er=, öbesün / öe'sün < öber / ö'er +=sün со значением "сам", которое может употребляться в падежных формах, а также с безличным притяжанием: öber=ün köbegün [Cl., 1362, с. 65] "своих сыновей"; öber=eče doradus üčüged=i buu basumǰilan öber=ečegen erdem=tü sayid=luγ=a aq=a degü barildu [Cl., 1362, с. 65] "Не пренебрегай теми, кто ниже тебя, становись братьями с теми, кто более талантлив и лучше по сравнению с тобой (с собой)"; ...öber=iyen uγiγad arčiγad... [Cl., 1335, с. 72] "...сам мыл и чистил"; öbesüben bütügeyü ...öbesüben töbsigeridüyü [НС, 11 б] "Сами создаются..., сами разрушаются"; ödür ödür=eče öbesün nemegdeyü [НС, 18 а] "Изо дня в день сами увеличиваются"; öber=eče yekes=tür ba öčüked=tür... [НС, 32 а] "...тем, кто старше и моложе, чем сами (по сравнению с собой)"; ene üge=tür ö'erün beyeben či čaqlaba [Ск.ск., § 203] "Сам лично будешь постигать и исполнять эти слова"; ö'esüt qar köl gürge'esü... [Ск.ск., § 128] "Если своими руками и ногами прикоснетесь..." (ö'esüt - форма множ.ч. от ö'esün).

Выделительные местоимения. Эти местоимения указывают на предмет или лицо, отличающееся от других. К ним относятся: busu / busud "другой, другие"; busud irgen [УМУДБ, с. 49] "другие люди"; ... busu kümün=i könggeleküiben emigegdeküi [НС, 3 б] "...и другого человека будет почитать"; busud=i tan=u kere[k] ügei ke'en... Ск.ск., § 79] "Других твоих [братьев] не надо"; ö'ere "другой, иной "; ö'ere ni'ur ese jübčiksen [Ск.ск., § 210] "Иного характера...(лица) не выявлял"; ö'ere čerik bu yabutuqai [Ск.ск., § 233] "[Кроме нас] другое войско пусть не выступает"; nögege / nögüge, nökö'e "другой, иной"; nögüge inu qan kümün=e čing ünen=iyer kučü ögkü [НС, 2 б] ".Другой [вещью] является чистосердечное служение хану"; Jurčidai=yin nökö'e tusa inu ene bui=je [Ск.ск., § 208] "Это другая польза от Джурчидая"; ǰarim- "некоторые":

ǰarim kebte'ül čerik [Ск.ск., § 278] "Некоторые кебтеулы (стража, гвардия)". Контекстуально ǰarim может обозначать "половина": ǰarim ber=e γaǰar [ТД 25, F 7v] "Расстояние в полмили"; hon=u ǰarim amaralduyu [Ск.ск., § 118] "Половину года жили (отдыхали) вместе".

Притяжательные местоимения. К этому разряду относятся местоимения, образованные от формы родительного падежа указательных и вопросительных местоимений посредством суффиксов =qai / =kei (в "Ск.ск.":='ai/='ei) и указывающие на принадлежность кому или чему-либо, например: kenükei "чей?", "кого?" при ken "кто?", yaγunuqai "чей?" при yaγun "что?", tegünükei "его" при tegün=ü "его", manuqai "наш" при manu "наш": tede irgen Bodančar=i ken=ü=kei ba ya'un =u'ai be ke'en aəaqqu ügei [Ск.ск., § 29] "Те люди не спрашивали Бодончара чей он и кого [сын]"; te'ün=ü'ei bui=ǰe [Ск.ск., § 44] "Вероятно, его [сын]"; ede qurban kö'üt te'ün=ü'ei bui=ǰe ke'en... [Ск.ск., § 18] "Эти трое сыновей, должно быть, его"; Juldu man=u'ai bui= ǰe [Ск.ск., § 214] "Это ведь заслуга наших (нашенская)".

Числительные

Числительные в древних текстах представлены следующими разрядами:

количественные первого десятка:

1 - niken ~ nigen	6 - ǰirqo'an ~ ǰirwa'an ~ ǰirγuγan
2 - qoyar, ǰirin	7 - dolo'an ~ doluγan
3 - qurban, γurban	8 - naiman
4 - dörben	9 - yisün
5 - tabun	10 - harban ~ arban

Среди них обращает на себя внимание чередование глухих и звонких заднеязычных в числительных: niken [Ск.ск., § 5 и др.] и nigen [Cl., 1362, c. 67]; qurban [Ск.ск., §§ 5, 17 и мн. др.] и γurban [HC, 7 a; 10 б и др.], а также присутствие форм с неполным стяжением в числительных: ǰirqo'an [Ск.ск., 133 и др.], ǰirwa'an [Ск.ск., §§ 175, 191 и др.] ǰirγuγan [Cl., 1362, c. 66], а также форм harban [Ск.ск., §§ 53, 58 и др.] и arban [HC, 23 a; 24 a и др.; Cl., 1362, c. 65, 66], где начальный h был обычным в памятниках XIII в.

Кроме того в тексте "Сокровенного сказания" употреблялось архаичное числительное ǰirin "два", относившееся при этом к именам женского пола: ǰirin ökid=iyen [§ 208] "две свои дочери"; Örbei Soqatai ǰirin qatud... [Ск.ск., § 71] "две ханши Орбэй и Сохатай (досл.:

Орбэй и Сохатай две ханши)". (Из семнадцати случаев употребления ǰirin в этом тексте только в одном случае оно не относилось к женскому полу: ede ǰirin kesi'üt [§ 278] "эти две смены").

Корнем числительного ǰirin является ǰi=, который встречается в ряде слов, в том числе и в таком, как ǰiči со значением "другой", "снова", "особый", "кроме того". Следовательно, ǰiči принадлежоло к особому роду терминов со значением "второй раз" [Котвич, 1962, с. 138-139]. Что касается ǰirin, то его основу можно сопоставить с таким словом, как ǰirmüsün "беременная" < ǰirin (досл.: двойной) + müsün со значением краткости, ср. nigemüsün "в один раз, в один прием, сразу".

Корень ǰi= употреблялся и в терминах родства: ǰiči "правнук". Кроме того в "Сокровенном сказании" есть предложение: ǰiči qučі ügüleǰü... [§ 167] "сказав два-три раза...", где от этого корня образованы числительные посредством суффикса =či (Об этом см. также Котвич, 1962, с. 139).

Как известно, в монгольских языках роль соединительного союза "и" выполняло и выполняет числительное qoyar " два". В аналогичной функции употреблялось и ǰirin: Yisüi qadun Yisügen qadun ǰirin=ü dumda sa'uǰu... [Ск.ск., § 156] "он сидел между Йисуй-хатун и Йисуген-хатун".

Десятки представлены следующими словами: harban / arban "десять", qorin "двадцать", qučin / γučin "тридцать", döčin "сорок", tabin "пятьдесят", ǰiran "шестьдесят", dalan "семьдесят", nayan "восемьдесят", yeren "девяносто"; сотни обозначены как: ǰa'un, ǰawun, ǰaγun "сто"; тысячи: minqan, mingγan, mingan; десять тысяч - tümen.

Количественные числительные свыше десятков и сотен - сложные. Они образуются сочетанием соответствующих названий десятков или сотен с необходимой единицей: harban nigen / arban nigen "одиннадцать"; qorin qoyar "двадцать два" и т.д.

Порядковые числительные, в отличие от классического и современного языка, где они образуются посредством присоединения к соответствующим основам суффикса =duγar / =düger, в древних текстах представлены разными формами. Так, от числительного qurban / γurban "три" кроме его порядковой формы γurbaduγar употреблялись и формы: qutu'ar ~ quta'ar, γutuγar, γuduγar, γudaγar. От dörben "четыре" были формы: dörbedüger, dötu'er, dötüger. От tabun "пять" кроме tabduγar употреблялись: tabtuγar, tabtu'ar. От ǰirγuγan "шесть" - ǰirγuduγar, ǰirγuγaduγar, ǰirqoduar. От doluγan "семь" - doluduγar, dolo'du'ar. Для остальных числительных использовались обще-

известные формы: naimaduγar "восьмой", yesüdüger "девятый", arbaduγar "десятый".

Собирательные числительные образовывались от единиц первого десятка посредством суффикса ='ula /=γula /=güle.

В доклассических текстах отмечены следующие формы: qoya'ula [Ск.ск., § 244] "вдвоем"; qurba'ula [Ск.ск., § 54] "втроем"; dörbe'üle [Ск.ск., § 23] "вчетвером"; tabu'ula [Ск.ск., § 19] "впятером". В классическом языке, кроме перечисленных выше форм, зафиксирована еще yisügüle [АТ Ф, 4660] "вдевятером".

Разделительные числительные. Суффиксом для этого разряда числительных служил '=at/=γad/=ged: qori'at ~ qoriγad "по двадцать"; arbaγad "по десять"; от nigen "один" порядковой формой в тексте "Сокровенного сказания" была niǰi'el: niǰi'el müsüt [Ск.ск., § 19] "по одному прутику". Ср. в класс. монг. niǰ 'eged [АТ Ф, 166] "по одному".

Числительные множительные, или кратные, отвечают на вопрос "сколько раз?". Образуются они посредством суффикса =ta / =te: nikete [МА, с.253], niken=te [Ск.ск., § 56] "один раз, однократно": niken=te aru de'ere=yen o'orču niken=te ebüren de'ere o'orču niken=te uruqsida niken=te qoyinaqsida ker ele kiǰü odumui ke'et... [Ск.ск., § 56] "Один раз косы за спину, один раз на грудь, один раз наперед, один раз назад перекидывая, сказала: «Как же я отправлюсь?»"; qurban=ta "три раза, трижды": qurban=ta amuǰu ūǰu qahan ügülerün [Ск.ск., § 145] "Трижды отдыхая, отпив, хан сказал..."; harban qurban=ta qatqu[l]daǰu... [Ск.ск., § 58] "Сражались тринадцать раз"; yisün=te "девятикратно, девять раз": naran [ǰük] yisün=te sögö[t]čü... [Ск.ск., § 103] "Девятикратно (девять раз) поклонился в сторону солнца".

Впрочем этот разряд числительных правомерно рассматривать и как наречия, соотносительные с числительными, например, nikente имеет значение не только "один раз", "однократно", но и "уже", "однажды", "впервые": Yisūgei ba'atur anda minu baraqsan ulus minu niken=te abaraǰu ökba [Ск.ск., § 164] "Мой побратим Есугей-багатур уже однажды вернул мое утраченное государство"; niken=te ger=teče qarču... [Ск.ск., § 277] "Впервые выйдя из дома..."; ср.: olan=ta "многократно", čö'en=te "немного": Dai Sečen ügülerün olon=ta wū quyu'uǰu ökbesü de'eǰilekdegü cö'en=te wū quyu'uǰu ökbesü doromǰilaqdaqu [Ск.ск., § 66] "Дай Сэцэн сказал: «Когда многократно просят [дочь], бываешь уважаем, когда малократно просят отдать, бываешь унижаем»".

Дроби. Дробные числа выражаются особыми сочетаниями. Мы приводим их так, как они даны Н.Поппе в [МА]. В других наших источниках дробные числа не встречались: dolān qubi'āsa niken qubi [МА, с. 142] "одна седьмая" (досл.: "от семи частей одна часть");

dörben qubi'äsa niken qubi [MA, c. 144] "одна четверть"; γurban qubi'äsa niken qubi [MA, c. 180] "одна треть".

Глагольные формы

Глагольные формы представлены: 1) финитными формами (повелительно-желательными и изъявительными), 2) причастными, выполняющими кроме роли сказуемого и другие функции в предложении, 3) деепричастными, которые кроме роли срединных сказуемых участвуют также в выражении видо-временных и модальных значений, а также в создании различных аналитических глагольных форм.

Финитные глагольные формы

Повелительно-желательные формы в отличие от изъявительных, в которых представлены все временные рамки, обозначают действие, реализуемое либо в момент речи: yariy=a=ban ürgülǰilegül "продолжай свой рассказ", либо то, которое должно начаться после момента речи: aq=a degü barildu "станьте побратимами". Все эти формы предусматривают разные способы в достижении цели. Они выражают более или менее категорическое приказание, просьбу, пожелание, обращение к какому - либо лицу, а также намерение самого лица (лиц) совершить действие. Повелительно-желательные формы являются финитными глагольными формами и синтаксически функционируют как сказуемые законченного предложения. Общим для них является то, что они имеют одну и ту же препозиционную запретительную частицу, которая ставится перед соответствующей формой, когда надо выразить запрещение. В древних, доклассических, текстах такой частицей служила bu(u) "не".

Большинство повелительно-желательных форм соотносится с определенным лицом.

Повелительная форма 2-го лица ед. и мн.ч. всегда совпадает с основой слова и обозначает категорическое и настойчивое приказание (пожелание) совершить действие. Вопреки существующему мнению, что это форма 2-го л. ед.ч. [Бобровников, 1849, с. 130; Street, 1957, с. 15] она относится как к ед., так и к мн.ч. 2-го л.: ger=e minu či bol [ТД 64, F 60 r] "Ты стань моим свидетелем"; ta köbegüked... aqa degü barildu [Cl., 1362, с. 65] "Вы, сыночки, станьте побратимами"; ...saγurin=daγan saγu [HC, 2 a] "Сядь на свое место".

Негативная форма с отрицательной частицей bu(u) / bü(ü) "не": bodisdv ögüler=ün: teyin buu sedki Čanaka [ТД 36, F 24 v] "Ботхисатва сказал: «Не думай так, Чанака»"; quda kö'ü minu noqai=yača bu soči'ul ke'et... [Ск.ск., § 66] "Сват, не заставляй сына моего бояться собак".

Пропозитивная форма 1-го л. (форма на =su / =sü) обозначает намерение, желание, готовность совершить действие. Употреблялась, как правило, с 1-м л. ед.ч., редко с мн.ч.: bi [čima=dur] ögüleǰü ögsü [НС, 2 а] "Я скажу тебе"; ...nasuda deger=e üǰügülsü kemebesü ... [Cl., 1338, с. 53] "Когда всегда говорил: «Представлю [его] Императору...»"; tngri minu sonosun soyurqabasu: tere siltaγan=i boγol öčisü [ТД 38, F 27 v] "Если [вы], божество мое, соизволите выслушать, [я] раб расскажу о тех обстоятельствах"; Altan, Qučar, Sača beki bürün... Temüǰin=e ügüler=ün sayin aqta qatari'ulǰu a/b/čiraǰu ö/k/sü ba [Ск.ск., § 123] "Алтан, Хучар, Сача-бэхи и другие сказали Тэмуджину: «Мы пригоним и отдадим тебе прекрасных коней»"; oro'a qörö'esün abala'asu uturaǰu öksü ba [Ск.ск., § 123] "Когда мы будем охотиться на неуловимых антилоп, мы выгоним их [для тебя]".

В древних текстах наряду с формой =su / =sü употреблялась в том же значении форма на =suγai / =sügei.[6]

Как и предыдущая, она передавала намерение 1-го л.ед.и мн.ч. совершить какое-л. действие. Мы считаем, что это не особая желательная форма [Санжеев, 1963, с.108], а скорее всего исходная, в которой элемент =γai был факультативным, где =γ= служит интервокальным согласным, а =ai выполнял функцию эмфатического элемента. Примеры: bi urida mör ǰasan yabusuγai [ТД 31, F 15 v] "Я пойду вперед и приготовлю путь"; bi qaγalγ=a negesügei [ТД 31, F 16 r] "Я открою ворота"; Önggür Söyiketü-čerbi Qada'an-Daldurqan qurban ügülerün manaγar=un undān bü megüde'ülsügei üde=yin umdān bü osoldasuγai [Ск.ск., § 124] "Трое: Онгур, Суйкэту-чэрби и Хадаан-Далдурхан сказали: «Утреннее питье (яства) [мы] не испортим, вечерним питьем (яствами) не пренебрежем »".

Об идентичности значений форм на =su и =suγai свидетельствуют одни и те же примеры, но из разных текстов: ср.: qaqačaqsan ulus=i činu qamtutqaǰu öksü [Ск.ск., § 96] "Раздробленное государство твое [я] объединю" и это же предложение в том же параграфе в тексте "Алтан тобчи": qaγačaγsan ulus=i činu qamtudqaǰu ögsügei [АТ Ф, 722] "Раздробленное государство твое [я] объединю". Но и там же: qaγačaγsan ulus=i činu qamtudqaǰu ögsü [АТ Ф, 798] "id".

---

[6] Монгольский ученый Х.Лубсанбалдан считал, что =su / =sü - форма более древняя, которой в современном письменном языке соответствует форма =suγai / sügei [Х.Лубсанбалдан, 1961, с. 33].

Повелительно-пригласительная форма 1-го л. обоих чисел (форма на =y=a / =y=e) обозначает намерение, желание говорящего совершить действие самому, а также обращение ко второму лицу совершить действие, в котором принимает участие и тот, от кого исходит обращение: ...ǰergeber ügüley=e [Cl., 1362, с. 62] "...расскажу по порядку"; Dimisγi baquy=a kemebei [УМҮДБ, с. 38] "Сказал: «Остановимся-ка в Дамаске »"; edüge slüg=iyer maγtan ayalγulay=a [Cl., 1335, с. 77] "Сейчас восславлю стихами"; tegüber qoyaγula bolǰu eden=i uduriduy=a [ТД 42, F 32 r] "В таком случае давайте объединимся и поведем их"; čimaluγ=a qamtudču ǰirγay=a kemen irebei bida [ТД 64, F 61 r] "Мы пришли, чтобы объединившись с тобой, порадоваться". Ср. в "Сокровенном сказании": negüy=a ke'eǰü tendeče newübei [§ 195] "[Чингис-хан] сказал: «Откочуем-ка », - и они откочевали".

Повелительная форма 3-го л. (форма на =tugai / =tuγai / =tügei). Эта форма обозначает приказание, вежливую просьбу или разрешение совершить действие. В древних текстах она относилась не только к 3-му лицу (как это чаще всего описывается в грамматиках), но нередко и ко 2-му л. ед. и мн.ч. Ср. примеры: ǰrlγ il bulqa irgen=tür kürbesü busiretügüi[7] ayutuqai [УМҮДБ, с. 16] "Когда указ достигнет чужих народов, пусть убоятся", и Čanak=a edüge ču čaγ bolǰu amui: morin=i abču ireǰü ögtügei [ТД 34, F 21 v] "О, Чанака, уже наступает время, иди и приведи коня"; tngri minu a buu γasultuγai [ТД 30, F 14 r] "О, божество мое, не печалься"; ta Möngke qaγan tümen tümen nasultuγai [УМҮДБ, с. 21] "Вы, Мункэ-хаган, живите многие тысячи лет"; ...tegüber buu γasultuγai eke minu [ТД 47, F 37 v] "...поэтому не печалься, матушка"; Esenbuq=a=yi mongγolčilan orčiγuluγad bičigültügei [Cl., 1362, с. 63] "Эсэнбуха пусть переведет на монгольскрй язык ".

На тот факт, что эта форма и в классическом языке применялась в обращении ко 2-му лицу, причем не только для выражения просьбы или желания, но и категорического приказания, указывал и Г.Д.Сэнжеев [1963, с. 174].

Этой же формой выражается и пожелание к совершению действия безотносительно к какому-либо лицу. Обычно это касается издаваемых указов и приказаний: dotona bidan=u dergede yabuǰu surulčasu ke'eǰü bidan=tur irekün haran=i bu itqatuqai [Ск.ск., § 224] "Аратов, направляющихся к нам, желающих обучаться при нас, не задерживать"; bidan=u dergede yabuqun metüs=i oro'ultuqai [Ск.ск., § 224] "Впускать всех, кто хочет быть при нас".

---

[7] busiretügüi вм. büsiretügüi [см. УМҮДБ, с.18].

Повелительная форма 2-го л. мн.ч. (форма на =dqun / =dkün) обозначает требование или призыв совершить действие. В доклассических текстах это требование носило более категоричный характер по сравнению с классическими, где оно имеет различную степень категоричности - от требования безоговорочно совершить действие до более вежливой просьбы [Санжеев, 1963, с. 173; Орловская, 1984, с. 78]. Ср. примеры: ...qarïǰu buu iredkün [ТД 38, F 26 v] "не возвращайтесь"; maγuï üile buu böged üiledüdkün [С1., 1362, с. 65] "Не совершайте плохих дел" и : γaγča Belgütei=yi minu büü tebčidkün [АТ Ф, 546] "Только Бэлгутэй'я моего не лишайте [пожалуйста] жизни".

Но в древних текстах эта форма выражала в основном категоричность приказания: ta ber... čerigüd=iyen ǰasadqun [УМҮДБ, с. 58] "Выстройте свои войска!"; uridus=un sayin ner=e=yi buu γutuγadqun [Cl., 1362, с. 64] "Не обесчесте славные имена предков!"; ...küčü ögügsen=i ta köbegüd minu buu umartadqun [Cl., 1335, с. 73] "Вы, сыновья мои, не забывайте, что [он] служил [мне] !"; üǰemerčin otačin bügüdeger mangγal qaγalγ=a=ača maγad γarqu kemegsen yosuγar enn odudqun [ТД 38, F 26 v] "Отправляйтесь и ищите согласно сказанному прорицателями и лекарями, что [принц] определенно вышел из ворот Благословения!"; ...ulaq=a umda sigüsü ene ülü megüdegülen ögüdkün [УМҮДБ, с. 26] "...снабжайте полностью подводами, питьем и харчами!".

Форма на =dqun примечательна тем, что в более поздних текстах наряду с ней стала употребляться и форма на =qtun / =ktün, вытеснившая впоследствии первую.

О том, одна ли это или разные по происхождению формы, существуют разные суждения (подробнее об этом: Орловская, 1984, с. 78-80), но удовлетворительного объяснения о ее морфологической структуре пока нет. Нам ближе точка зрения M.Weiers'a [1969, с. 127], который считает, что здесь имеет место обычная метатеза =dqun > =qdun > =qtun > =γtun, поэтому =dqun была полностью заменена ее вариантом .

Впервые =qtun / =kdün наряду с =tqun / =tkün зафиксирована в "Сокровенном сказании", причем в одном и том же абзаце и в одном и том же глаголе с одинаковым значением: ...öǰeiten kebte'ül minu ötögüs kebte'ül ke'ekdün Ögöie čerbi=lu'e oroqsat dalan turqaq=i yekes turqu'ut ke'ekdün Arqay=yin ba'atud=i ötögüs ba'atud ke'etkün Yisün=te'e Bügide=ten qorčin=i yekes qorčin ke'etkün ke'en ǰarliq bolba [§ 230]: "...полагайтесь на мою добродетельную старую гвардию, полагайтесь на великих тархаудов, составляющих семьдесят надежных тархаудов верного Оэлэн-черби, полагайтесь на старейших богатырей, отборных, достойных похвалы богатырей Архай [Хасара], полагайтесь на великих харчинов Есутэй'я и Бухэдэй'я, - таков приказ".

Любопытно, что сама эта форма, относящаяся ко 2-му л. мн.ч., в "Сокровенном сказании" встретилась употребленной во мн.ч.: ktüt: ...qoyar ǰala'us bui ta üǰeldüktüt mono qoyina bü te[b]čildü[k]tüt ke'ba [§ 93] "...вы молоды, отныне и впредь дружите и не оставляйте друг друга ".

Форма опасения (форма на =γuǰai / =güǰei / ='uǰai / ='üǰei). Эта форма относится к различным лицам ед. и мн . чисел и обозначает опасение или предостережение относительно совершения нежелательного действия: gemsiyer=ün boluγuǰai bidan=tur kemen ögüleldüǰü bodisdv=i daγuldubai [ТД 44, F 34 v] "Как бы нам не раскаяться [в этом], - так переговариваясь, они последовали за Бодхисатвой"; ...üküksen amin ügei beye minu abču otču yeki'üǰei [Ск.ск., § 149] "...Как бы не пришлось [вам] иметь дело с моим мертвым безжизненным телом"; minu tula aqa de'ü=tür mawuqalin bolulča'uǰai [Ск. ск., § 131] "Как бы братья не перессорились из-за меня ".

Форма опасения отличается от всех других повелительно-желательных форм не только своим значением, но и тем, что перед первыми отрицательной частицей служит bu/buu "не", а перед ней - ülü "не", частица, которая употребляется перед другими глагольными формами, кроме повелительно-желательных, в том числе и перед причастными.

Возможно, это объясняется тем, что форма на =γuǰai, во всяком случае ее первый элемент =γu, связан по своему происхождению с суффиксом причастия будущего времени на =qu / =kü.

Следует отметить, что частица отрицания при этой форме - явление крайне редкое в связи со значением самой формы, ибо в таких случаях получается двойное отрицание: ...olon adu'un anu ǰoqsaǰu ülü'ü qočoru'uǰai, ordo ger inu e'üreǰü ülü'ü qočoru'uǰai, olon ulus anu ündür etüget=tür qorura ülü-ü qaru'uǰai [Ск.ск., § 190] "...как бы не (не) остались позади многочисленные табуны, как бы не (не) остались не погруженными юрты, как бы не (не) разбежался в леса народ".

Изъявительные глагольные формы.

В монгольских языках существует несколько временных глагольных форм, образующих прошедшее и непрошедшее (настоящее и будущее) времена. Форм, обладающих общим значением непрошедшего времени, несколько и различаются они временными и модальными оттенками в своем значении и употреблении. При этом временная локализация действия, обозначенного той или иной формой, уточняется обычно в контексте и в значительной мере зависит

от наличия в предложении различных обстоятельств времени и модальных частиц.

Формы непрошедшего (настоящего-будущего) времени

Форма на =yu / =yü, отсутствующая в современном языке, часто употреблялась в доклассических и классических текстах. Ей присуще модальное значение достоверности, убежденности в совершении или в необходимости совершения обозначенного в глагольной основе действия, поэтому она, как правило, использовалась в различного рода изречениях, поучениях, наставлениях, когда совершение того или иного действия не подлежало сомнению. В этом отношении особенно характерен текст Hsiao ching, являющийся каноном поведения человека, особенно в отношениях между детьми и родителями. Примечательно, что в этом тексте отсутствуют за редким исключением другие виды изъявительных форм (на =m / =mu / =mui), так как содержание текста требует именно формы на =yu, например: taqil taqibasu sür=tür anu kürteyü [HC, 15 a] "Если [кто] совершает жертвоприношение [им], [тогда] доходит до их душ"; ačitu eke činu buyu bi [ТД 47, F 37 v] "Я ведь твоя благодетельная мать"; tegüber ečige=yi inu kündülebesü köbegün inu bayasuyu aq=a=yi inu kündülebesü degü inu bayasuyu [HC, 25 a] "Поэтому когда почитают отца, радуются его сыновья, когда почитают старших братьев, радуются младшие братья"; sayin nereben qoyidus=a aldarsiγuluyu [HC, 28 a] "свои добрые имена [они] прославят для потомков ".

Действие, обозначенное этой формой, выражает так называемое расширенное настоящее, когда действие присуще лицу, предмету или явлению как таковым: ...teyimün arad... siliγu sayid=ta ülü degejilegdeyü [HC, 20 a] "...такие люди ... не почитаются уважаемыми и достойными; noyitan tülegen=lüge učirabasu γal ber söneyü [ТД 62, F 57 v] "Даже огонь гаснет, когда встречается с сырыми дровами".

Как и другие формы präsens imperfecti форма на =yu может обозначать и действие, относящееся к будущему времени: ...ene söni bodisdv ger=teče maγad γaruyu [ТД 31, F 15 r] "...этой ночью Бодхисатва определенно уйдет из дома"; qamuγ qatud nököd činu ber γaγča namayi ber ügei=e γarγayu [ТД 33, F 20 v] "Все твои женщины и друзья убьют одного меня"; tegün=i... qamuγ jüg jobkis=ača ülü oldayu [ТД 24, F 6 r] "Он не будет найден ни в каком из направлений".

В контексте действие, обозначенное этой формой, могло относиться и к прошедшему времени: ...Sengge aγ=a=yin ökin buyu [Cl.,

1338, с. 54] "...она была дочерью Сэнгэ-ага"; ср. в AT: erte tere čaγ=tur ǰambutiib=un kümün anu qubilǰu törüyü diyan=u idegen ideyü ǒber=ün bey=e=eče gerel badarayu ridi qubiɣan=iyar oγtarγui=bar yabuyu čaγlasi ügei nasatu buyu [AT Ф, 8] "В те далекие времена люди переродились, [они] питались пищей созерцания, излучали своими телами свет, благодаря чудесным превращениям ходили по небу, и годы их были бесконечны ".

Вариантами формы =yu были формы:

1) =u: ...eden=i bütügen čidabasu yabudal=iyan orusiγulqu=yin ečus inu ene bolu [HC, 3 a] "...если кто сможет эти [две вещи] осуществить, это и будет концом завершения их деяний"; ...qurban buqa ǰitgü'üǰü ayisu=ǰe [Ск.ск., § 195] "...заставил ведь тащить трех быков";

2) =yi: amin ele činu bü'esü oki qatu oluyi=ǰe či [Ск.ск., § 55] "Если останешься жив, жену ты наверняка найдешь"; köbegün=ü minu amin=i ǒggügči: ken ba ende buyiγu ele kemen [ТД 46, F 37 r] "Кто есть здесь [такой], кто может гарантировать жизнь моему сыну?" (buyiγu < buyi + вопросительная частица γu); edö'e basa dayisun=tur šigan dayisun müt gü boluyi [Ск.ск., § 136] "Сейчас снова возле врагов появился враг ";

3) =ai: ...ede ya'ut haran teyin hülde]ü ayisai [Ск.ск., § 195] "...что это за люди так гонятся?";

4) =i: γasalǰu uyilaγad üdegtei ǰ=e [HC, 37 a] "...это ведь сопровождается скорбью и плачем" (üdegtei < üdegdei < üdegde=-passiv от üde= "провожать" + =i); ger=tür=iyen qariǰu ayisi ke'ebi [Ск.ск., § 100] "Я возвращаюсь к себе домой, - сказала [она]"; üǰemerčin=iyer kegür=ün γaǰar sayin=i songγuǰu orosiγuldai ǰ=e [HC, 37 a] "Посредством провидцев (прорицателей) выбирается хорошее место для могилы и захоранивается" (orosiγuldai < orosiγulda= < - passiv на =da от orosiγul= "размещать; хоронить").

Как видим, все четыре разновидности Präsens Futurum на =yu / =u / =yi / =i употребляются в качестве финитных предикативных форм в одних и тех же значениях. Что касается форманта =y, то он, как можно заметить, проявляется в интервокальном положении, из чего можно сделать вывод, что это знак хиатуса между двумя гласными, глагольными суффиксами были =u и =i [Weiers, 1967, с.139]. А когда они следовали за гласными, появлялся интервокальный =y=. Ср. примеры: ayis=i и ayis=u, но ide=y=ü, olu=y=i bolγa=y=u (Об этом см. также Орловская, 1984, с. 83-87).

Форма на =m. Эта древняя форма в текстах XIII-XIV вв. обозначала действие, относящееся, в зависимости от контекста, к настоящему или будущему времени. Это могло быть и действие, совершающееся обычно, постоянно, регулярно, а также и соотносимое с моментом речи, например: tere ber ülü üǰegdem [ТД 40, F 29 v] "Они

[сейчас] не видимы"; kiliigsen=iyer modun qaγaram kemen [ТД 61, F 57 r] "деревья расщепляются в результате [от] взгляда на них"; čögeken idegen idegsen=iyer qutuγ=i olum [ТД 47, F 38 r] "Они достигают святости тем, что мало едят ".

Отметим, что в древних текстах форма на =m (в отличие от на =mu и =mui) употреблялась сравнительно редко, поэтому выявить отличия в оттенках значения по сравнению с двумя другими затруднительно.

Форма на =m впоследствии исчезла из письменного монгольского языка , сохранившись в первоначально "чистом" виде лишь в баоаньском и монгорском языках, где она стала употребляться как показатель будущего времени [Тодаева, 1964, с. 84].

Вероятно, в исконном значении этой формы присутствовала определенная модальность, в связи с чем мы не обнаружили примеров на употребление ее с модальной частицей]=e , тогда как две другие с ней употреблялись.

Форма на =mu / =mü обозначала действия, совершающиеся обычно, постоянно, часто, повседневно, а также в данный момент: tngri=yin mör kemebesü ümer=eče egüsüged tümen ǰüil ed=i törögülǰü manduγulumu [Cl., 1346, с. 70] "Что касается небесного пути, то появившись с севера, он порождает и развивает десятки тысяч веществ"; edügeki mongγol irgen bičig erdem es=e ber surbasu... erten=ü seċed sayid/un/ üile=dür toqiyaldun neyilemü [Cl., 1338, с. 54] "Хотя теперешний монгольский народ и не изучает [китайскую] классику [науку], ...он поступает в соответствии с деяниями мудрецов древности"; üdür buri man=tur ireǰü esükčileǰü odumu [Ск.ск., § 31] "Каждый день он приходит к нам, пьет кумыс и уходит"; Jamuqa nököt=te'en ügüleǰü'ü ken=ü kö'üt ene üdür uqulǰa alaǰu eyin idemü ke'eǰü'ü [Ск.ск., § 200] "Джамуха сказал своим друзьям: «Чьи это юноши, убив горного барана, так [сейчас] едят мясо?»".

Эта форма обозначала также действие настоящего времени, относящееся к моменту речи в прошлом. Это так называемое "историческое настоящее". Такое значение особенно характерно для диалогов и прямой речи: Temüǰin Hö'elün eke=de Jamuqa anda ügülemü a'ula=tur siqan bawuya... ke'en ügülemü [Ск.ск., § 118] "Тэмуджин сказал матушке Оэлун: «Побратим Джамуха и говорит: "Давайте остановимся у горы"»"; Činggis qahan üǰeǰü ügülerün ene ya'un bolumu [Ск.ск., § 145] "Чингис -хан, увидев, спросил: «Что случилось?»"; qar=tur minu ta'uba čaqan bawuba ele sayi üǰe'ülümü [Ск.ск., § 63] "[Во сне] сокол опустился на мою руку, что бы это обозначало (обозначает) ?".

Форма на =mu употреблялась и для передачи будущего времени: eyimü söni edüge qamiγ=a odumu [ТД 33, F 19 r] "Куда вы сейчас

пойдете в такую ночь?" . Модальная частица ǰ=e добавляла значению действия оттенок вероятности или доли определенности. В зависисмости от контекста действие могло относиться как к настоящему, так и к будущему времени: Diwubala ong imayi yeke ü/i/le Qadaγan čidamu ǰ=e kemen... [Cl., 1338, с. 53] "Дивубала онг сказал: «Он наверняка (определенно) сможет выполнить великие дела»"; hoi=yin irgen=ü yabudal Quduqa medemü=ǰe [Ск.ск., § 241] "Худага ведь знает поведение лесных народов".

Форма на =mui / =müi - третья форма настояще-будущего времени, употреблявшаяся в текстах XIII-XIV вв. По своему значению и употреблению она соответствует форме на =mu / =mü (возможно, представляя собой ее фонетический вариант) и обозначала как и предыдущая, действие в настоящем и будущем.

Действие настоящего времени относилось как к данному моменту, так и к повседневным событиям и состояниям: Köbegün=iyen tulada γasalamui bi [ТД 47, F 37 v] "Я горюю о своем любимом сыне "; ēdüge amitan=i getülgekü =yin tulada ükülügei rasiyan=i erin odumui [ТД 33, F 19 r] "Сейчас, чтобы спасти живые существа, [я] иду искать бессмертную rasiyan'y"; edöe noqan=u dawun idürekü qučal qučamui [Ск. ск., § 189] "Сейчас собаки тревожно лают"; silta'an ügei amin=tur qor ki'esü ülü ǰoqimui [Ск.ск., § 201] "не годится лишать жизни без причины".

Значение будущего времени выявляется из контекста: naiman=i Tayang qan činu abura iremüi [Ск.ск., § 190] "Найманский Таян-хан прибудет, чтобы захватить тебя"; ...ende nökör ügei qarin=u γaγčaγar kerkin saγumui či [ТД 36, F 24 v] "...как ты будешь жить здесь в уединенном месте без друзей ?"

После формы на =mui нередко употреблялась частица ǰ=a / ǰ=e, придающая высказыванию оттенок несомненности выполнения обозначенного действия или в целях особой экспрессии и выразительности: ünen bolumui ǰ=a kemen sedkimü bi [ТД 41, F 30 r] "Я думаю, что это ведь несомненно правда"; mon=a mon=a qoyina sayin ner=e tanu egüride aldarsiγdamui ǰ=e [Cl., 1362, с. 65] "Ваше славное имя обязательно прославится в настоящем и будущем"; yambar bida qoyar=un tuγuluγsan tere mör=i busud=tur tuγulγaju bolumui ǰ=a [ТД 42, F 31 v] "Тот путь, который мы преодолели вдвоем, можем ведь передать и другим".

Форма на =nam / =nem в наших текстах не выявлена. Но она зафиксирована в небольшом количестве в словаре "Мукаддимат ал Адаб", отражающем монгольскую речь XIII-XIV вв.: ǰalγinam [с. 200] "глотает"; mūlanam [с. 243] "хулит"; üiledünem [с. 376] "делает ".

Более известна эта форма в классическом и современном языке [Орловская, 1984, с. 92-93].

Что касается формы на =nai, то она зафиксирована нами в единственном случае, где ее значение соответствует значению других форм настояще-будущего времени: qabur namur taqir=un čaγ čaγ=tur duradunai ǰ=e [НС, 37 б] "Хотя жертвоприношения бывают весной и осенью, об умерших же вспоминают во все времена".

Форма на =t. Об этой форме уже неоднократно упоминалось в литературе. С.А.Козин определял ее как форму будущего времени изъявительного наклонения, возможно, с некоторым оттенком сомнения, так как чаще всего она употреблялась с частицей сомнения ǰ=a, хотя нам представляется, что употребление с данной формой этой частицы свидетельствует как раз об обратном, а именно, что сама форма модального оттенка не содержала. Она употреблялась только в ранних памятниках и полностью исчезла, повидимому, к XVII в.,так как уже практически не употреблялась в тексте летописи XVII в. "Алтан тобчи" Лувсанданзана, о чем свидетельствуют параллельные с "Сокровенным сказанием" места хроники, в которых использованная в "Сокровенном сказании" форма на =t, заменялась другими изъявительными и причастными формами [Орловская, 1984, с. 99].

Факт быстрого исчезновения этой формы из монгольского языка дал основание В.Л.Котвичу присоединиться к ранее высказанному С.А.Козиным мнению [Козин, 1939, с. 28-33], что она была заимствована из тюркских языков [Котвич, 1962, с. 272-276].

Существует и иная гипотеза. N.Poppe [1955, с. 262-263] и вслед за ним M.Weiers [1969, с. 137] рассматривают форму на =t как множ. число от отглагольной формы на =n. Но форма на =n - это деепричастная форма, а деепричастия, как известно, по числам не изменялись, поэтому более вероятным представляется заимствованный характер этой формы.

Некоторое количество примеров на употребление формы на =t зафиксировано в тексте "Сокровенного сказания", где глаголы на =t обозначают действие настоящего и будущего времени: deleme yekin ügület ta [§ 21] "почему вы говорите вздор?"; ba ulus irgen ülü temečet [§ 64] "мы не завоевываем страны и народы"; ...kei unuǰu yabut tede alalduqui üdür haran=u miqa idet tede [§ 195] "...оседлав ветер, мчатся они, в дни сражений людским мясом питаются они"; ...uru'u/t/ mangqut ke'ekdet [§ 195] "...[они] называются уруты и мангуты". С частицей ǰ=e действие обычно относилось к будущему времени: qamuq=un qat bolu'asu qaračus tende uqat=ǰe [§ 21] "когда они станут ханами над всеми, простой люд тогда узнает ведь"; basa mono qoyina Bedü'ün=i

uqat=je bida ke'ebe [§ 209] "после этого мы ведь узнаем (поймем), [каким станет] Бэдугун".

Формы прошедшего времени.

Прошедшее время выражалось тремя различными формами: =ba / =bai , =luγ=a / =lüge и =ǰuγui / =čuqui. (Две последние из них имели многие фонетические варианты: =lu'ai / =lü'e / =le'e и др.; =ǰu'ui / =ču'ui / =ǰi'ai / =ǰi'ei / =ǰigi / =čigi и др.; см.: M.Weiers, 1969, с. 155-159).

В отечественном и зарубежном монголоведении эти формы чаще всего называются как: перфектный презенс - форма на =luγ=a, перфектный претерит - форма на =ba / =bai и имперфектный претерит - форма на =ǰuγui / =čuqui. В некоторых современных зарубежных исследованиях они называются также как: past I (=ba / =bai), past II (=ǰuγui / =čuqui) и past III (=luγ=a) [Binnik R., 1990, с.47-53] или как direct (=luγ=a) и indirect (=ǰuγui / =čuqui) past [Svantesson, 1991, с.190-194].

Еще со времен Ал. Бобровникова ученые пытались установить основные отличия между этими формами и найти в них дополнительные временные или модальные оттенки.

Поиски различий между ними шли в направлении установления степени завершенности действия в рамках прошедшего времени или выявления их дополнительных модальных или видовых отличий. Но если форме на =ǰuγui/=čuqui, обозначающей давнее и вполне законченное действие, почти всеми исследователями приписывалось наличие особого модального оттенка неожиданности происшедшего в прошлом действия [Бобровников, 1849, с. 356; Котвич, 1902, с. 108; Поппе, 1937, с. 120; Санжеев, 1963, с. 190], что считалось главным ее отличием от двух других, то мнения относительно разницы в употреблении =ba и =luγ=a расходились, а порой были прямо противоположными. Так, Ал.Бобровников эту разницу видел в том, что перфектный презенс (=luγ=a) - достоверная форма, употребляемая "при изложениии такого обстоятельства, которое предполагается уже известным слушающему, или когда говорящий не рассказывает как новость, а только напоминает уже известное". А перфектный претерит он называл последовательной формой, которая обозначает такое действие, когда "говорящий рассказывает спокойно, смотрит на обстоятельства своего рассказа как на нить действий, последовательно и естественно одно за другим совершающихся, без особенных нечаянностей и как на события, равно не известные слушателю и

делающие на него равные впечатления" [Бобровников, 1849, с. 346; 350-356].

В.Л.Котвич считал, что =ba / =bai употребляются при рассказе о неизвестных (слушающим) событиях, совершающихся при этом вполне нормально и поэтому не представляющих собой ничего выдающегося: irebei или ireba "пришел (приходил)", а luγ=a - при рассказе о событиях, известных говорящему и слушающему... или о событиях общеизвестных, о которых, однако, по предположению говорящего, не знает слушающий: irelüge "[помнишь] приходил, пришел и приходит" [Котвич, 1902, с. 107-108].

Н.Поппе полагал, что формы на =ba и =luγ=a близки по значению. Но в отличие от =ba форма на =luγ=a "может выражать действие несколько более длительное и имеет оттенок достоверности или общеизвестности" [Поппе, 1937, с. 119].

С точки зрения Г.Д.Санжеева перфектный презенс (=luγ=a) обозначал действие преимущественно прошедшего времени, "законченность которого несомненна или подразумевается сама по себе" и обладал, как и имперфектный претерит (=jυγuï), модальными оттенками и что в древнем монгольском языке его основным значением было выражать действие, "безусловное совершение которого говорящий считает необходимым особо подчеркнуть". А перфектный претерит (=ba / =bai), лишенный в своем значении каких-либо дополнительных модальных и иных оттенков, обозначает "такое действие, которое закончилось в прошлом до момента речи или перед событием, составляющим предмет повествования, а равно действие, завершение которого в момент речи представляется несомненным, т.е. действие и настоящего времени, что наблюдается в живой речи, в контексте обстановки. Г.Д.Санжеев считал также, что "перфектный претерит в монгольских языках является одной из тех глагольных форм, которые за исторически обозримый период не подверглись каким-либо существенным семасиологическим и грамматическим изменениям, а поэтому во всех этих языках имеют более или менее одинаковое значение и аналогичное употребление" [Санжеев, 1963, с. 190-195].

Разногласия в оценках значения и употребления этих трех форм прослеживаются и в работах монгольских лингвистов вплоть до настоящего времени. Так, акад. Ш.Лувсанвандан в одной из своих ранних работ [Ш.Лувсанвалдан, 1951, с. 119] форму на =жээ / =чээ (имперфектный претерит) называл давно прошедшим временем (өнө өнгөрсөн цаг), форму на =лаа (перфектный презенс) как недавно прошедшее или неполностью завершенное (саяхан өнгөрсөн буюу гүйцэд биш өнгөрсөн), а на =в / =б (перфектный претерит) как недав-

но полностью закончившееся (саяхан гүйцэд өнгөрсөн цаг). В более поздней же своей монографии [Ш.Лувсанвандан, 1968, с. 73-74] автор дает этим формам уже несколько иное толкование, а именно форму на =жээ / =чээ определяет как заведомо известное (достоверное) прошедшее (мэдэгдэж өнгөрсөн цаг), форму на =лаа как прошедшее продолженное (өнгөрсөн үргэлжилсэн цаг), а на =в/=б как еще неизвестное прошедшее (мэдэгдээгүй өнгөрсөн цаг).

В коллективной грамматике современного монгольского языка [Орчин цагий монгол хэл зүй, 1966] автор раздела о глаголе Б.Базилхан форму на =жээ / =чээ называет прошедшим продолженным (өнгөрсөн үргэлжилсэн цагийн утгыг илрүүлнэ), т.е. так, как Ш.Лувсанванданом была названа форма на =лаа. Форму же на =лаа автор определяет как обозначающую недавно (сейчас) законченное (одоо өнгөрсөн цагийг илрүүлнэ), а на =в / =б как прошедшее законченное (өнгөрсөн төгссөн цагийн утгыг илрүүлнэ) [с. 149].

В сравнительно недавней также коллективной работе [Орчин цагийн монгол хэлний үг зүйн байгуулалт, 1987] автор раздела о глаголе Ж.Санжаа дает еще одно определение этим трем формам. Форма на =жээ / =чээ названа еще неизвестным прошедшим (мэдэгдээгүй өнгөрсөн цаг), т.е.так, как Ш.Лувсанвандан называл форму на =в / =б; форма на =лаа определена как обозначающая недавно прошедшее известное (заведомое) (мэдэгдэж сая өнгөрсөн цаг), а форма на =в / =б - как заведомо известное прошедшее время (мэдэгдэж өнгөрсөн цаг), близко связанное с моментом речи. Автор считает, что данная форма употребляется и для передачи последовательно протекавших в прошлом друг за другом действий [с. 165-166]. Эта форма определена как литературная, почти не употребляемая в разговорном языке, за исключением вопросительных и утвердительных предложений перед частицами уу / үү и даа. Тогда как форма на =лаа, обозначая недавно закончившееся действие, употребляется для передачи слушающему подробностей об уже известных событиях или тогда, когда говорящий в момент возбуждения заранее сообщает о действии, которое неизбежно произойдет в будущем [с. 167].

Монгольский лингвист Г.Бадан попытался проследить разницу в употреблении этих трех форм прошедшего времени, увязывая обозначаемые ими действия с присутствием или отсутствием говорящего при их совершении.

По мнению автора, форма на =ǰuγui / =čuqui отличается от двух других прежде всего содержанием в себе дополнительного значения "заглазности", т.е. она обозначает такое действие в прошлом, в осуществлении которого повествующий не принимал никакого участия, а

осведомлен о событиях с чужих слов или путем умозаключения, а две другие: =luγ=a и =ba "непосредственно связывают говорящего с действием" и тем самым как бы сближают время действия с моментом речи, что отсутствует в форме на =ǰuγui / =čuqui. Наиболее существенное отличие между формами на =лаа и =в / =б автор видит в том, в какой форме - устной или письменной речи они употребляются: =лаа более свойственна устной речи, а =в / =б - письменной, хотя это не носит строго регламентированного характера: =лаа может употребляться и в письменной, особенно "в связи со стремлением как можно точно и полно зафиксировать то, что [автор] говорит", а =в / =б - в устной речи, особенно в вопросительных предложениях и тогда, когда за сказуемым в форме на =в следует какая-л.частица или сопутствующий эмфатический элемент" [Г.Бадан, 1985, с. 79-80].

После краткого экскурса в историю изучения трех форм прошедшего времени разными исследователями, проследим как употреблялись эти формы в древних текстах.

Форма на =ba / =be (перфектный претерит) имела эмфатические варианты: =bai /=bei и =bi , последняя выступала в качестве показателя того, что действие связано с лицом женского пола (об этом в разделе "О категории рода").

Действия, обозначенные этой формой, относились к прошлому, при этом временная локализация этого прошлого по отношению к моменту речи выявлялась, как правило, из контекста.

Из ранних памятников эта форма была особенно распространена в тексте "Сокровенного сказания", который характерен тем, что многие события в прошлом излагаются так, будто повествующий сам был их свидетелем (что впрочем характерно и для других текстов).

Что касается временного значения, то форма на =ba обозначала:

1) действия, закончившиеся к моменту речи: tere hon qarba [Ск.ск., § 26] "так прошел тот год"; Qo'aqčin emegen ügülerün ger či oyira buyu Temüǰin=i büküy=yi ügei ese uqabi qoyinača bosu'at irebi bi ke'ebi [Ск.ск., § 100] "Старуха Хоагчин сказала: «Юрта поблизости есть. Там или нет Тэмуджин, не знаю. Я выехала с северной стороны»";

2) действие, заканчивающееся в момент речи: Monglik...Dei sečen=ne ügülerün... Temüǰin=i abura irebe ke'eǰü [Ск.ск., § 69] "Мунлик сказал Дэй-сэцэну: «Я приехал забрать Тэмуджина»"; bi edö'e irebe ke'et [Ск.ск., § 93] "я только что прибыл"; ...saγuluγad saču ger=ün dotura gegegen gerel=iyer dügürbei [ТД 29. F 12 v] "...как только [он] уселся, дом внутри наполнился ярким светом ";

3) действие, закончившееся сравнительно давно по отношению к моменту речи. При этом это могли быть действия, совершавшиеся последовательно в определенные отрезки времени: arsi boluγsan=dur

=iyan dalai=yin dotor=a=ača qudaldući=n=i diyan=u kučün=iyer aburuba [ТД 22, F 4 r] "когда вы стали риши, вы спасли из великого моря купцов силой своей медитации"; ǰrḫγ=iyar... Ui Suu=yi bii tas=un ayaḫγus=i ǰoqiyaγulbai [Cl., 1362, c. 62] "По указу [Императора] текст стелы сочинил Уй Суу"; qaγan=u ǰrḫγ=i sayisang=ud=ta kürtegsen=dür=i qaγaḫγ=a=dur činu bii tas bayiγulbai... ǰi ǰing qorin qoyaduγar on bars ǰil arban sara=yin arban qoyar=a bayiγulbai [Cl., 1362, c. 68] "Когда указ Императора был получен министрами, у тех ворот была воздвигнута стела... [Стелу мы] воздвигли двенадцатого десятой луны года тигра, двадцать второго года жи жинг"; Köndelen=e bükui=tür bičibei [УМУДБ, с. 40] "написали, когда находились в Конделене"; mön Indu esen büküi=dür=iyen nasu kübegüd=iyen söyün surγar=un ta köbegüked... nasun üčügüken ali be ǰobalangud ese üǰebei [Cl., 1362, c. 65] "Когда Инду был жив-здоров, он напутствовал своих сыновей: «Вы, сынки, молоды, ...вы не знали никаких страданий»";

4) иногда форма на =ba / =bai употреблялась для передачи действия настоящего в прошлом, т.е. так называемого расширенного настоящего, вместо формы на =mu / =mui, например: bey=e bilder üsün mariyan bolǰu [ečige ek]e=eče türügüldebei [HC, 2 a] "[Наши] тела, [которые состоят] из волос и плоти, порождаются родителями";

5) Редким случаем является употребление этой формы не для выражения прошедшего времени, а для передачи значения предупреждения, предостережения от возможности совершения нежелаемого действия в будущем: aγuriγsan ömörigsen emeged alaγaban ebčigüben deledčü: aq=a ǰaq=a minu alaγdaba: ai či bosču buruγud kemen [ТД 61, F 56 v, примеч. с. 102] "Сморщенные, усохшие старухи сжимали свои ладони и били себя в грудь, восклицая [каждая приговаривая]: «Мой старший, ты можешь быть убит. О, вставай и спасайся бегством»".

Необычным представляется и употребление этой формы с глагольной связкой, так как со связками, кроме причастных и деепричастных форм, употреблялась только изъявительная форма на =m. Пример: edüge čuu köbegün=i kičiyeǰü sakiqui čaγ bolbai aquγu [ТД 28, F 11 r] "Настало ли сейчас время охранять мальчика всеми способами?" (bolbai aquγu < bolbai aqu uu, где uu - вопросительная частица).

Форма на =ba / =bai употреблялась и с модально-усилительной частицей ǰ=e, придающей высказыванию особую эмоциональность и экспрессию: γaγča nigen üdür=ün kičigel qataγuǰil=iyar güičigsen busu egenegte uidqari ügei üǰügülen kučü öggügseber ayin soyurqaγdabai ǰ=e [Cl., 1362, c. 67] "[Это] не было тем, что он достиг только ежедневными стараниями и усердием, [он] всегда продолжал служить без устали [Императору], и только поэтому ему были оказаны милости";

ǰa'ura qurban qonoǰu nekeǰü ayisuqui=tur ǰoiqalduba=ǰe [Ск.ск., § 205] "Мы ведь встретились в пути, когда трое суток, преследуя, гнали грабителей".

Итак, форма на =ba / =bai была характерна для повествовательной речи при описании событий, произошедших в прошлом, при этом относящихся: 1) к отдаленному прошлому; 2) закончившихся незадолго до момента речи; 3) заканчивающихся в момент речи, причем повествующий, как правило, был участником или свидетелем происшедших действий или был хорошо о них осведомлен.

В отдельных случаях этой формой могло передаваться утверждение вневременного характера (расширенного настоящего времени), а также предостережение о возможности или необходимости какого-л. действия.

Форма на =luɣa / =lüge имела в древних текстах многочисленные фонетические варианты: =lu'ai < =luɣai; =lu'a, =läi, =laɣa; =legei, =lq=a, =lɣa. Форманты =ligi и =liyi <=ligi, зафиксированные в "Сокровенном сказании", употреблялись (хотя и нерегулярно) для обозначения действия, исходящего от лица или относящегося к лицу женского пола .

Эта форма так же, как и перфектный претерит (=ba) передавала абсолютное значение прошедшего времени и имела при этом различную степень соотнесенности с моментом речи в прошлом: от действия, закончившегося давно, недавно и заканчивающегося в момент речи. В этом отношении значение степени завершенности действия доминировало над значением времени.Так же, как и при употреблении перфектного претерита, повествующий сам являлся участником описываемых событий и был хорошо о них осведомлен. В описываемых нами текстах перфектный презенс употреблялся реже, и вероятно, это связано с тем, что данная форма более свойственна разговорной речи, диалогу, а перфектный претерит - повествовательной речи, как это подтверждается и исследователями современного языка.

Итак, эта форма обозначала:

1) действие, совершившееся в отдаленном прошлом: Yisüngke ontudur=un qurban ǰaɣud qučin tabun aldas=tur ontudlq=a [УМҮДБ, с. 4] "Когда Есункэ выстрелил [из лука], то выстрелил на триста тридцать пять саженей"; bi urida imayi kümün bolumu ǰ=e kemen sedkilege [Cl., 1335, с. 76] "Прежде я думал, что он станет человеком"; türün urida... Yeke Čiledü=deče Yisügei -ba'atar=a Hö'elün eke=yi buliǰu abtalāi ke'en [Ск.ск., § 111] "Раньше (давно) [он] отобрал у Ихэ Чилэду Оэлун-экэ для Есугэй-баатара"; amin minu nikente a[b]ču qarulu'a či [Ск.ск., § 145] "Ты уже однажды спас мою жизнь";

2) действие, совершившееся сравнительно недавно: sayyi güregen güregelen büiigi [Ск.ск., § 155] "[Она] недавно вышла замуж"; Čimbai Čilawun qoyar kö'üt inu... söni namayi üjeǰü buqa'u minu a[b]ču sulalaǰu qono'a'ululāi [Ск.ск., § 84] "[Он подумал]: «Его сыновья Чимбай и Чулуун... увидели меня ночью, ослабили на мне колодки и позволили переночевать»";

3) действие, заканчивающееся в момент речи: Dei-seče̊n ügülerün Yisügei quda ken=tür ǰoriǰu ayisula'a ke'eǰü'ü. Yisügei-ba'atur ügülerün... olqunu'ut irgen=tür öki quyusu ke'en ayisula'a ke'eǰü'ü [Ск.ск., § 62] "Дэй-сэцэн спросил: «Сват Есугей, к кому ты едешь?»" Есугей-баатар отвечал: «Я еду просить (сватать) у олхонутов девушку»"; Bo'orči ügülerün nökočesü ke'en irele'e bi [Ск.ск., § 90] "Боорчи сказал: «Я еду (приехал), чтобы стать другом [тебе] »".

Как видим, форма на =luγ=a, как и форма на =ba, передавала те же значения прошедшего времени и имела также различную степень соотнесенности с моментом речи. Но по сравнению с формой на =ba эта форма употреблялась значительно реже и была свойственна главным образом диалогу, ответу на прямой вопрос, в собственных рассуждениях автора, подтверждая тем самым свой "разговорный" характер, в отличие от "книжности" формы на =ba.

Следовательно, в отношении временной локализации действия эти две формы практически не отличались. Объединяло их и то, что повествующий, как правило, либо сам участвовал в описываемых событиях, либо был о них хорошо осведомлен. Главное же отличие между ними состояло в том, что перфектный претерит свойственен спокойной повествовательной речи, отсюда и его частое употребление в соответствующих литературных жанрах, тогда как перфектный презенс характерен для диалога, прямой речи, личным рассуждениям участников описываемых событий.

Форма на =ǰuγui / =ǰuqui / =ǰüküi / =čuqui / =čüküi[8] противоположна по своему значению первым двум в том плане, что подтверждает общепризнанный сейчас факт, что действие, обозначенное этой формой, содержит в себе дополнительное значение "заглазности", т.е. обозначает такое действие в прошлом, в осуществлении которого повествующий не принимал никакого участия, а осведомлен о событиях с чужих слов, из собранных фактов путем умозаключения. В связи с чем это действие в определенном смысле представляется неожиданным или необычным. Поэтому эта форма крайне редко употребляется по отношению к 1-му и 2-му лицам (немногочисленные примеры на употребление их приведем ниже).

В наших текстах эта форма обозначала:

---

[8] Эта форма имела и другие варианты: =ǰu'ui / =ču'ui, =ǰi'ai / =či'ai, =ǰigi / =čigi и др. [см. Weiers, 1969, с. 155-159].

1) действие, которое преподносится как случившееся в далеком прошлом, непрерывное в течение длительного времени, и как новая, неизвестная прежде информация: [Kongvusi ügüler=ün] [uridu boγdas qad aγali aburi] törö yosun qoyar=iyar delekei ulus=i ilübteke[n] ǰasaγsan=u tula irgen oryan [udum]=iyar anu nayiralduǰuγui [НС, 1 а-б] "Конфуций сказал: «[Знаете ли вы, что] прежние премудрые ханы правили миром (землей и народами) весьма справедливо и по закону, и поэтому народы по их примеру, жили в согласии друг с другом»?"; beler=če uiγud=un qan inu: Bis Baliγ=a orusin saγun aǰuγu: berkesiyel ügei baγatur er=e töröǰü: bekiǰü ulus=iyan sayitur ǰarčimlaǰuγu [Cl., 1362, с. 67] "С давних времен хан уйгуров постоянно находился в Баш-Балыке, [там] родился доблестный муж, [он] укрепил [город] и хорошо правил своим народом";

2) говорящий сообщает новую информацию, как сравнительно недавно совершившийся факт, который представляется неожиданным и непредвиденным для говорящего и для слушающего: ... yeke noyan Ongging čingsang Altan qan=a duratqarun... mongqol masi gučütey=e ireǰü ... bidan=u erkit čeri'üd=i daruǰu büreltele kiduǰu'ui itegeltü Čabčiyal=i ber buliǰu abču'ui [Ск.ск., § 248] "...великий князь Вангин чансан доложил Алтан хану: «Монголы пришли с очень большой силой... подавили и полностью уничтожили наши отборные войска и даже захватили надежно укрепленный Цавчаал»". (Появление противника с большим войском было неожиданным для обоих собеседников). В предложении: tatar=un qorqalaqsan Naratu Sitügen=e bawuqsan nuntuq=tur talaqui=tur niken učügen kö'üken=i ge/k/sen=i bidan=u čeri'üt nuntaq=ača olǰu'ui [Ск.ск., § 135] "На поляне Нарату Шитуэн, где укрывались татары, наши солдаты нашли маленького брошенного мальчика" - информация о находке на поле брани после недавнего сражения ребенка также преподносится как непредвиденная и неожиданная;

3) действие происходило во время описываемых событий и было не только неожиданным, но и в определенной мере загадочным для всех участников данной ситуации: tendeče manggal qaγalγ=a=bar oduγsan noyad čečeg oroγsan=i üǰeǰü egüber oduγsan aǰuγui kemen činaγsida türgen=e odbasu čiγanača nigen tngri=yin köbegün... oγtaryui=bar odqui=yi üǰeǰü ... [ТД 38, F 26 v] "Тогда вельможи, которые отправились через Благословенные ворота, увидели дождь цветов и сказали: «[Принц оказывается] ушел через эти ворота», - и они быстро пошли в том направлении, после чего увидели, что сын Божий уходил в Небо...";

4) действие относится к моменту речи и представляется как простая констатация факта: Yisügen qadun ügüler=un : ...nadača egeči

Yisüi neretei nadača de'ere qan gü'ün=e ǰokiqui aǰi'ai=ǰe [Ск.ск., § 155] "Есуген-хатан сказала: «Моя старшая сестра Есуй краше меня и, видимо, более подходяща хану»". В этом предложении сама форма на =ǰi'ai не содержит в себе модального значения предположительности, неуверенности, поэтому после нее употреблена соответствующая данному значению частица ǰe "вероятно", "наверное", "видимо". Интересно, что в переводе "Сокровенного сказания" на современный монгольский язык [Ц.Дамдинсурэн, 1957] форма на =ǰi'ai в этом предложении заменена на бүлгээ (bülüge).

Что касается употребления формы на =ǰuγui с 1-м и 2-м лицами, то в данных текстах - это редкое явление. Нами зафиксировано всего несколько предложений, три из которых мы здесь приводим: edüge namayi šilam=tur es=e oraǰuqu kemen maquyilan... [УМУДБ, 49] "Сейчас [ты] осуждаешь, что я не совершил омовения (не принял обета)..."; edüge il qan misiq=a=in (вм. yin - МО) nom=tur oratuqai kemeǰü ileǰüqü či [УМУДБ, 47] "Ныне ты пригласил меня принять христианство (досл.: "пригласил, говоря: «Ил хан, вступи в христианство»")"; tere metü nökö'e kil[ü]gün činu bi ese' ü aǰu'u... tere metu nökö'e gürdün činu bi ese'ü aǰu'u [Ск.ск., § 177] "Подобно тому разве не был я второй твоей оглоблей... . Подобно тому разве не был я вторым твоим колесом?".

Следовательно:

1) форма на =ǰuγui / =čuqui обозначала абсолютное прошедшее время, независимо от того, совершилось ли оно в далеком прошлом или сравнительно недавно;

2) она действительно содержала в себе значение "заглазности", так как обозначала действия и события в прошлом, прямым участником и свидетелем которых говорящий, как правило, не являлся;

3) только этой формой можно было выразить действия, которые представляются неожиданными, непредвиденными, необычными с точки зрения говорящего, двух собеседников или всех участников описываемых событий;

4) но это модальное значение неожиданности, непредвиденности действия и в древних текстах не являлось доминирующим для данной формы. Она употреблялась и для того, чтобы просто подчеркнуть, особо выделить ту информацию о прошлом, которая достойна вызвать интерес и внимание слушателя. Поэтому этой формой часто обозначались действия, начинающие повествования, особенно исторические;

5) иногда, действие, выраженное этой формой, могло относиться к моменту речи и представлять собой обычную констатацию факта.

Причастные формы.

Характерной особенностью монгольских причастных форм является то, что они совмещают в себе значения глагола и имени. Поэтому в предложении они выполняют как предикативную, так и субстантивную, и атрибутивную функции.

Причастных форм несколько. Степень их предикативности также различна и соответственно различна частота употребления той или иной формы в функции сказуемого или иных членов предложения .

Кроме того, "причастия не только сами выступают в разных синтаксических функциях, но и могут быть составными компонентами как синтаксически свободных словосочетаний, так и неразложимых устойчивых образований и терминов. За счет субстантивации причастных форм может пополняться категория имен существительных" [Ц.Цэдэндамба, 1970, с. 1].

Совмещая в себе признаки глагола, существительного, прилагательного, причастия проявляют все же больше глагольных признаков как в функции атрибута, так и, будучи оформленными различными падежными суффиксами, в других синтаксических функциях .

Кроме того, большая часть монгольских причастий в синтетической форме, т.е. с различными падежными суффиксами, или аналитической (с послелогами и частицами) выполняют функцию срединного сказуемого в так называемых "полипредикативных конструкциях".

По степени вербальности, и даже в случаях субстантивации, наибольшей "глагольностью" обладают формы на =qu / =kü, =γsan / =gsen, =daγ / =deg.

В современном монгольском языке "в позиции конечного предиката в независимых предложениях они имеют тенденцию даже переходить в собственно глагол изъявительного наклонения" [Ц.Цэдэндамба, 1970, с. 3].

С другой стороны, у формы на =γči / =gči в значительной степени проявляется именной характер, иногда до полной субстантивации, например, в современном языке: сурагч "учащийся", удирдагч "руководитель", жолоодогч "вождь" и мн. др.

Здесь нам предстоит рассмотреть причастные формы, зафиксированные в самых ранних монгольских текстах и выявить их значения и употребление.

Причастие будущего времени. В анализируемых письменных памятниках - это одна из наиболее распространенных форм.

В древних текстах, как и в более поздних, классических, формантами будущего причастия служили =qu / =kü, =qui / =küi и =qun / =kün.

Форма на =qu / =kü имела отношение к ед. числу действующих лиц (редко к мн.ч.) и употреблялась в субстантивной, атрибутивной и предикативной функциях.

а) В качестве субстантива она имела значение отглагольного имени и выступала в качестве подлежащего, или главного члена предложения. При этом, как правило, сопровождалась местоименным показателем inu / anu, с одной стороны, субстантивирующим причастие, а с другой - выполняющим свою местоименную функцию - показателя 3-го лица. Например: sedkikü inu erten=ü sayid=tur adali buyu [Cl., 1335, с. 76] "Его помыслы (sedkikü "мыслить, думать, размышлять") были подобны [таким же] прежним достойным людям"; kündülegdekü anu čögen bögetele bayasulčaqun anu olan boluγsabar [HC, 25 б] "хотя тех, кто почитаем, мало, зато тех, кто взаимно радуется, много".

б) В качестве определения к следующему за ним имени чаще всего употреблялось в своей основе, сохраняя при этом глагольный (но вневременной) характер: ...qorum=a saγuqu balaγasun orosiγuluγsan ajuγu [Cl., 1346, с. 69] "Обосновал столицу (досл.: город жить) в Хоруме"; aqu irgen=ü töb uǰaγur anu edüi kü buyu [HC, 38 а] "[Это] в самом деле есть главный долг живущих людей"; müsiyekü čarai=ban ülü edügülen... [HC, 35 б] "[Он] не проявляет (не проявляя) свое улыбающееся лицо..."; ečige eke=dür tabiγlaqu kümün [HC, 22 а] "Человек, который совершает жертвоприношение родителям"; edö'e iregü čaγ bolba [Ск.ск., § 31] "Сейчас настало время придти".

Иногда причастие на =qu / =kü в функции определения выступало в форме родительного падежа: ...qataγu ǰoriγ =tu baγatur ǰirüke=tü bökü=yin siltaγabar... [Cl., 1312, с. 63] "...по причине наличия стойкой воли и храброго сердца"; ...eyin kibesü γasalqu sinalqu=yin ǰoriγ bolba [HC, 36 а] "...если [он] поступает так, это и есть стремление сокрушаться и оплакивать [мертвых]".

В предикативной функции эта причастная форма употреблялась в своей основе, а также в составе сложных глагольных образований.

При этом соотнесенность действия во временном плане зависила как от контекста, так и от наличия тех или иных глагольных связок. Обычно подлежащее, выраженное личными местоимениями, следовало после причастия-сказуемого: 1)...gar=tür aqui sedkil=ı edüge ülü egüskekü bi [ТД 34, F 21 r] "Сейчас я не помышляю (не порождаю мысли) остаться дома..."; 2) ülü udan burqan bolqu=yi üǰekü či [ТД 47, F 37 v] "Ты увидишь, что вскоре я стану буддой"; 3) Temüǰin namayi

ülü ükü'ülgü [Ск.ск., § 149] "Тэмуджин не позволит убить меня"; 4) Sim uqaγ=a ü/gei/ qamiγ=a uqaqu [НС. 1 б] "Шима не достигаем, как (где) узнать его?"

Как видим, в этих предложениях формой будущего причастия обозначены действия, относящиеся к разному временному плану: в первом из них оно соотнесено с настоящим, чему в определенной мере способствует и наречие edüge "сейчас, в данный момент"; во втором и третьем предложениях действие адресовано к будущему, а в четвертом - оно скорее всего связано с настоящим расширенным.

По сравнению с более поздними текстами, особенно с классическими, [Орловская, 1984, с. 102] эта причастная форма без глагольных связок употреблялась значительно чаще.

Отрицательными частицами служили ülü "не" и ügei "не","нет", например: ökin gü'ün=nü ǰay'an töregsen e'üten=tür ötölgü ügei [Ск.ск., § 66] "Судьба девушки - не состариться у родительского порога"; nögögede nič̆un ülü üiledkü bi [ТД 49, F 402 r] "Я не вернусь во второй раз". Причем в контексте действие, выраженное этим причастием с отрицанием ügei, могло относиться к плану прошедшего времени: tede irgen Bodonč̆ar=i kenü'ei ba ya'unu'ai be ke'en asaqqu ügei [Ск.ск., § 29] "Те люди не спрашивали Бодончара кто он и чей ".

С глагольными связками будущее причастие получало дополнительные временные и модальные оттенки. Так, в сочетании со связками bui, bölüge ~ büle'e оно могло обозначать действие в прошлом, как вполне возможное для осуществления, но не состоявшееся ввиду сложившихся обстоятельств; или как действие гипотетическое, которое предполагалось реальным или возможным, но при определенных условиях, обозначенных в зависимой части предложения. Ср. примеры: degedüs=e Oron=u č̆ing ünen=iyer küč̆ü ögügsen ǰerge=yi uqabasu uridus=a inu ong ner=e nemegdekü bui kemen [Cl., 1362, с. 63] "Если учесть способ, которым Орон самым преданным образом оказывал услуги Императору [то можно понять], что титул вана должен быть пожалован его предку"; edeger üges kemebesü tan=a uqaγdaqu bui [Cl., 1362, с. 65] "Что касается этих слов, то они должны быть поняты вами" (модальное значение долженствования); Belgütei nasuda abaldurun bara'un qanču=ban mültülǰü ničügün yabugu büle'e [Ск.ск., § 131] "Так как Бэлгутэй всегда дрался (был драчлив), он засучил правый рукав и оголил [руку] (досл.: стал ходить оголенным)" - (действие относится к прошлому); Qan ečige minu bi č̆ö'en ber bö'esü olon=ni ülü eri'ülgü büle'e. Mawui ber bö'esü sayin=i ülü eri'ülgü büle'e bi [Ск.ск., § 177] "Отец-государь мой, хотя я и мал, от многого не отказывался, хотя и плох, хорошего не заставлял [себя] искать" - (действие состоялось в прошлом); ...dan=tur edüi idüreǰü irebe bi ke'egü büle'e. Namayi ünen bolqaǰu qubč̆asun nada ökǰü asaraqu büle'e bi morin

unu'at üǰetele edüi ǰa'ura ülü'ü iregü büle'e [Ск.ск., § 145] "Я бы сказал, что только что убежал к вам, [они] бы поверили мне, дали бы мне одежду и приняли бы к себе, а я оседлал бы коня и незаметно, быстро вернулся бы назад" (действие могло бы, по представлению рассказчика, произойти именно таким образом).

С bolun (форма слитного деепричастия от глагола bol= "становиться") причастие на =qu / =kü обозначало такое действие, которое только что наступило, или оказывается невыполненным в связи с непредвиденными обстоятельствами, напр.: Čilger bi qutuqtai sutai üǰin=i quriyaǰu iregü bolun gotola merkit=e huntawu bolba [Ск.ск., § 111] "Я, Чилэгер, пришел было отобрать мудрую святую Уджин, но вызвал гнев всех меркитов"; ...urida hula'an=qud=da Senggüm bayilduqu bolun morin=u'an guya qaqdaǰu abdaqu bolǰu büküi=tür... [Ск.ск., § 177] "...прежде Сэнгум сразился было в местечке Улан-худ, [но] конь его был ранен в стегно".

Форма на =qui / =küi. В древних текстах наряду с формой =qu / =kü использовалась форма =qui / =küi в аналогичных функциях, но соотношение этих функций было несколько иным. Будучи более "именной", она чаще использовалась субстантивно и в определительной функции, а с падежными окончаниями - в роли различных дополнений и обстоятельств. Именно из-за своего более "именного характера" эта форма в современном языке стала употребляться для обозначения многочисленных абстрактных логико-философских понятий, как например: сэтгэхүй "мышление", ахуй "бытие", мэдрэхүй "восприятие", хүртэхүй "осязание", бодохуй "воображение" [Пюрбеев, 1984, с. 54].

В тех сравнительно немногочисленных примерах, где причастие на =qui / =küi выполняет функцию сказуемого, оно употреблялось в своей основе или с глагольными связками. Причастие в своей основе или со связкой bui обозначало действие, относящееся к будущему времени, при этом нередко с оттенком долженствования, что особенно характерно для текста Hsiao ching, например: taqimdaγu köbegün eǰige=yügen tabiγlar=un nasu aqui=dur kündülemdegü sedkil=iyen erkilegdeküi [HC, 21 б] "Когда почтительный сын совершает обряд жертвоприношения своим родителям в своей обычной жизни, он должен посвящать этому свои лучшие помыслы"; taqulidbasu sedkil=tü boiǰu erüküiben erkilegdeküi [HC, 21 б] "Когда [они] больны, [он] должен всю свою душу и мысли сосредоточить [на их здоровье]"; öber=ün eǰige eke=yügen kündülebesü busu kümün=i könggeleküiben emigegdeküi [HC 3 б] "Если кто уважает своих родителей, он избежит (должен избежать) презрения других людей". Со связкой bui: Tegüber ǰoqis ügegü=yi üildür=e kürügsen=dür ǰalan duradqaγdaqui bui [HC, 31 a]

"Поэтому, когда [отцу] случается действовать неподобающим образом, [сын] должен быть корректным и осторожным ".

Со связкой bülüge / büle'ei передавалось действие, совершившееся в прошлом: ...qotala=iyan ökčü qo'osun yabuqui büle'ei [Ск.ск., § 254] "[Мать] все свое отдавала [детям], [сама] голодала (досл.: ходила пустая)". Сочетание этого причастия со служебным глаголом bolba обозначало наступление времени для совершения того или иного действия, например: ...tere üile edüge bütüküi bolba [ТД 51, F 43 r] "...сейчас настало [время] выполнить то дело"; ...qamuγ qatud nököd inu: qayiran qoyar sayid=i qamtu aldaqui bolba [ТД 39, F 28 v] "...[тогда] все женщины и их спутники сказали, что готовы взаимно потерять своих обоих возлюбленных ".

Однако чаще всего форма на =qui/=küi использовалась в качестве определения и субстантивно. В роли определения употреблялась как одна причастная форма, так и последовательный их ряд для передачи однородных определительных словосочетаний, например: nisvanis=a γutuγaγdaγsan=i amurliγulqui čaγ bolǰu amui [ТД 23, F 4 r] "Наступает время успокоить тех, кто был опечален приверженностью мирской суете"; bodisdv ögüler=ün Čanak a tegünü kü tulada: törökü ötelkü ebedkü ükükü ǰobalangtan itegel ibegel ügegün edeger amitan=i aburaqu=yin tulada maγad büged ger=tečegen γarumui bi [ТД 33, F 20 v] "Бодхисатва сказал: «Чанака, я, несомненно, потому покинул свой дом, чтобы спасти эти создания, страдающие [от] рождения, старения, заболеваний, смерти (умирания) и которые не имеют ни веры, ни покровительства»"; nigüleskü taγalaqui kičiyekü kündülekü ečige eke=yin sedkil=i amuγulqui sain ner=e=yi aldarsiγulqui kiged soyul surγal=i sonusdaluγ=a [НС, 28 б - 29 а] "Слышал я (было услышано мной) поучение [как] быть сострадательным, усердным, почтительным, как облегчить души родителей и прославить их добрые имена ".

Об однозначности форм на =qu / =kü и =qui / =küi свидетельствует одновременное употребление их в определительном сочетании: ede kemebesü burčiqu buduluqui yeke samaγu bolui kemeǰügü [НС, 24 а] "Что касается этих [трех вещей], [то они] вызовут большую разрушительную и бестолковую смуту".

При субстантивном употреблении причастие нередко сопровождалось как личными, так и безличными притяжательными частицами, например: ...silamdur oratuqai kemekü činu ǰob [УМҮДБ, 48] "...то, что призываешь (досл.: твое говорение) совершить омовение, правильно"; bidan=tur yabuqui=yan berkesiyen aǰu'u [Ск.ск., § 278] "Твое хождение при нас (т.е. состоять у нас в свите) затруднительно"; ...degedüs=e ačilan küčü ögküiben erkilen... [Cl., 1362, c. 65] "...считая важным усердную службу (досл.: свое отдавание силы) Императору"; ügei bolbasu γasalaqui=ban erkilegdekü [НС, 22 а] "Когда [родители] умирают,

[он] выражает свою скорбь (свое горевание)"; ...mön Ataibuq=a ükükü-ben ülü talγan... [Cl., 1362, с. 64] "...этот Атайбуха не считался с тем, что может умереть (свое умирание)".

Как наиболее "именная", форма на =qui/=kü̈i чаще, чем причастие на =qu / =kü употреблялась с падежными суффиксами, выполняя функцию различных дополнений и обстоятельств. Причем как и в современном языке при однородных членах падежное оформление получало последнее из причастий, например: ötelkü̈i ebedkü̈i ükü-kei=ber tülegdeǰü... [ТД 23, F 4 v] "...сжигаются старением, болезнями, смертью (умиранием)"; tendeče bodisdv... öčir=ün: ötelkü̈i ebedkü̈i ükü-kü̈i=eče tonilǰu... [ТД 30, F 13 v] "Потом Бодхисатва... соизволил произнести: «Избавляясь от старения, болезней, смерти (умирания)...»".

Оформленное винительным, соединительным, дательно-местным, местным падежами, это причастие, равно как и форма на =qü/=kü, участвовало в образовании сложных предложений, различного рода полипредикативных конструкций с причинными, временными, целевыми и прочими значениями, например: ...tergen=dür=iyen ireküi=lü'e tende hö'elün=üǰin ügülerün... [Ск.ск., § 55] "...когда подъезжала к своей телеге, Оэлун-уджин сказала:..."; bičigmanu... Oromi=ta büküi=tür bičibei [УМУДБ, с. 50]. "Письмо мое написано, когда находился в Уруме"; ...törüleküi=dür müsiyekü čirai=ban ülü edügülen... [НС, 35 б] "...при совершении обряда [он] не выявлял свое улыбающееся лицо..."; Mön Indu esen büküi=dür=iyen nasu köbegüd=iyen soyun surγar=un [Cl., 1362, с. 65] "Когда этот самый Инду был жив, он всегда поучал, наставляя своих сыновей ".

При однородных членах каждое из причастий могло оформляться падежным формантом: bosγui=dur, saγuγu=dur, γada γarγu=dur tedküǰü söni qonuγui=dur bey=e=yi inu darun barilan... [Cl., 1335, с. 72] "[Он присматривал за ним], когда [он] вставал и садился, когда выходил наружу и маскировал его тело по ночам ".

В местном падеже это причастие, как правило, выражало целевое назначение: Tendeče bodisdv sonosqui=a sayiqan üge=ber ögüler=ün [ТД 35, F 23 v] "После того Бодхисатва ответил прекрасными для слуха (слушания) словами"; ulus=i bayiγulqui=a ǰoγistu γaǰar buyu [Cl., 1346, с. 70] "Есть подходящее место для создания государства"; teden=eče neng ülegüi daγusqui=a berke qataγuǰil=iyar teden=ü törö=yi türidken barabai bi [ТД 49, F 40 v] "Я преградил их путь лишениями, которые по сравнению с их [собственными] намного труднее для преодоления"; ...elčin=e ber yabuqui=a ilübte bui [Ск. ск., § 280] "...а гонцам удобно для передвижения ".

С винительным падежом оно образовывало причастные дополнительные обороты (или конструкции): ...amitan=a tusa üiledkü̈i=yi kü daban durad=un sedkin büküi=dür... [ТД 31, F 16 v] "...когда размышлял,

вспоминал именно дело оказания помощи живым существам"; čisun čuburi'uljų yabuquy=yi Činggis qahan... ...üjeǰü... [Ск.ск., § 131] "Чингис-хан увидел, что течет кровь...".

Форма на =qun / =kün . Как уже неоднократно отмечалось в литературе, причастие на =qun / =kün представляет собой форму множ.ч. от =qui / =küi. В исследуемых текстах она чаще всего употреблялась в качестве определения перед именами во множ. числе. При этом соотнесенность с будущим временем, как правило, утрачивалась, например: ...busu tede bodistv=nar=luγ=a degereče irekün bodistv=nar ber: [ТД 56, F 52 v] "...[Это] были бодхисатвы, спустившиеся (пришедшие) сверху вместе с теми бодхисатвами"; tede newüǰü ayisuqun irgen=nü dotora... [Ск.ск., § 6] "Среди тех приближающихся людей..."; Börte=üǰin tede dürbekün irgen=tür büǰü'üi [Ск.ск., § 110] "Бортэ-уджин находилась среди тех убегающих людей ".

В качестве субстантива употреблялось в функции подлежащего (причем иногда без особого показателя) и прямого дополнения, например: ülü süsülkün ǰegün eteged bayiǰu... [ТД 61, F 56 v] "Те, кто не верил (неверующие) находились на левой стороне..."; kündülegdekü anu čögen bögetele bayasulčaqun anu olan boluγsabar kemebesü... [НС. 25 б] "Хотя почитаемых и мало, взаимно радующихся - много"; ...modun=i gesigüd ködeǰü mör=tür yabuqun=i dalalaqu metü [ТД 45, F 35 v] "...раскачивались ветки деревьев, как бы подзывая шедших по тропе ".

Так же, как и две предыдущие, форма на =qun / =kün употреблялась в предикативной функции, при этом соотнесенность со временем нередко определялась контекстом, особенно если причастие не сопровождалось глагольными связками. Действие, обозначенное этим причастием, могло относиться и к прошедшему времени: ...ǰarim=ud anu aman=ača silüsün čuburiqun: ǰarim=ud anu sidün=iyen qabirqun: ǰarim=id anu quγur=tur ǰaγuraqun: ǰarim=ud anu gedergü unaǰu alǰiyaqun [ТД 31-32, F 17 v] "Некоторые из них пускали слюну, некоторые скрежетали зубами, некоторые играли на хуре (род музыкального инструмента - МО), некоторые, лежа на спине, были утомлены".

Конкретное временное значение и модальные оттенки выявлялись при наличии связок и служебных глаголов, сопровождающих причастную форму, например: müt Buyiruq=qan Quduqa qoyar ǰada medekün aǰu'ui [Ск.ск., § 143] "Те двое, Буйруг-хан и Худуга знали, оказывается, волшебство"; ...ta ker irekün büle'ei [Ск.ск., § 214] "...как бы вы могли придти?"; qahan ečige=yin ǰarliγ =iyar urida ker yabuqun büle'ei [Ск.ск., § 278] "Как и раньше бывало отправлялись по указу хана-государя", hoi=tur horum=iyar yabuqun bolun qara'ul=a anu

qoyïna'un dērmetteǰü... [Ск.ск., § 240] "Как только начали пробираться через лес, за ними погнались дозорные...".

Согласование в числе и в древних текстах уже строго не соблюдалось, поэтому и при наличии в предложении множества или совокупности действующих лиц, в функции сказуемого употреблялись как форма на =qun / =kün, так и на =qu / =kü. Более того, и при одном действующем лице могла быть употреблена форма на =qun / =kün. Ср., например: Temüǰin namayi ülü ükü'ülgü [Ск.ск., § 149] "Тэмуджин меня не умертвит" и Temüǰin namayi ülü alaqun [Ск.ск., § 149] "Тэмуджин меня не убьет", или: ken=ü'en üge'er yabuqun ba [Ск.ск., § 258] "Чьим словам мы будем следовать?" и siliγu sayid ǰïči teyin busu üge=yi onuǰu ügülegdekü [НС, 20 а] "Честные и достойные, однако, не таковы, [они] произносят слова (слова произносятся) только обдумав [их]".

Причастие прошедшего времени. Формантами этого причастия служат =γsan / =gsen и =γsad / =gsed (для множ. числа).

Оно обозначало законченное, завершенное действие по отношению к моменту речи. По сравнению с другими формами эта причастная форма обладает большей предикативностью, ибо независимо от ее функции в предложении всегда обозначает совершенное в прошлом действие.

Однако, несмотря на свое ярко выраженное временное значение, в древних текстах она чаще, чем в современном языке, сопровождалась глагольными связками. Наиболее распространенными из них были aǰuγu (изъявительная форма прошедшего времени от глагола a= "быть") и bölüge ~ büle'e (форма прошедшего времени от глагола bü= / bö= "быть").

Сочетания =γsan+aǰuγu, а также (редко) =γsan+bölüge ~ büle'e обозначали действие, относящееся к далекому прошлому: imada=ča ǰirγuγan köbegüd töregsen aǰuγu [Ci., 1362, с. 66] "От нее родились шесть сыновей"; ...qoyar qu kümün bosqaγuluγsan aǰuγu [Cl., 1346, с. 71] "...[храмы] воздвигли всего два человека"; mün uridu qad=tur inu taqir=a iregsen aǰuγu [НС,14 а] "Также [они] приходили с жертвоприношениями своим прежним правителям"; elinčüg inu Qar=a uiγud=un γaǰar=a bökü=dür iduγ qud=ta qalqanlïγ totoγ ner=e ögtaǰu noyalan yabuγsan aǰuγu [Cl., 1362, с. 63] "Когда его прапрадед Хара находился в уйгурских землях, [ему] идуг-худ'ом был пожалован титул qalqanliγ totoγ, и он стал [там] управлять"; erte üdür=eče tatar irgen ebüges ečiges=i baraqsan büle'e [Ск. ск., § 154] "С давних времен татары убивали [наших] дедов и отцов ".

Без дополнительных глагольных связок это причастие обозначало действие, предшествующее моменту речи: "...ǰaqa=daki ǰarbiyal modun=i ǰayila'aluqsan ta [Ск.ск., § 146] "...вы удалили деревянную колодку на [моей] шее"; bosqui küčün baraγsan [ТД 26, F 6 v] "[У него] нет силы встать (исчезла сила)"; ülemǰü asuru masi turuγsan [ТД 26, F 8 v] "[Он] чрезвычайно истощен ".

В функции определения оно характеризовало предмет (лицо) с точки зрения того или иного совершившегося действия: ene bayiγuluγsan bii tas [Cl., 1338, c. 56] "Эта воздвигнутая стела"; činu ilegsen... bičig bidendür kürbe [УМУДБ, с. 58] "Отправленное тобой послание до нас дошло"; qaγan=ča si ming ong ner=e soyurqaγdaγsan Indu [Cl., 1362, c. 68] "Инду, который был облагодетельствован ханом, [получив] титул si ning ong'; ene kemebesü boγdas sayid=un orosiγuluγsan yosun buyu [НС, 36 б] "Что касается этого, то это правила (законы), утвержденные мудрецами".

Как любая именная форма, причастие на =γsan оформлялось падежными окончаниями и сочеталось с послелогами, выражая различные дополнительные и обстоятельственные значения и участвуя в образовании зависимой части в "полипредикативных конструкциях ".

Как уже отмечалось выше, в древних текстах существовало (хотя и не регулярное) согласование в числе определения с определяемым и подлежащего со сказуемым. В таких случаях =γsan / =gsen получало форму множ. числа =γsad / =gsed. Если в более поздних, например, классических текстах, во множественном числе это причастие употреблялось главным образом, выступая в качестве определения и дополнений при множ. числе действующих в предложении лиц, то в ранних текстах оно оформлялось суффиксом множ. числа и в качестве сказуемого, представленного как с глагольными связками, так и без них. Например, в качестве сказуемого, согласуемого в числе с подлежащим: tere čaγ=tur olan irgen sayin üge kemen maqtaldugsad aǰuqui [Cl., 1335, c. 72] "В те времена многие люди хвалили друг друга, произнося хорошие слова"; nere qarqaqsat bui [Weiers, 1969, c. 167] "[Имеются люди], которые приобрели известность"; buγadhi sedkil=i ülü umartagsad [Weiers, 1969, c. 169] "Озаренные не забывают душу ".

В качестве подлежащего прошедшее причастие во множ. числе обычно в той или иной степени субстантивируется, однако сохраняя при этом значение действия, совершенного в прошлом: ...Qorum=ača iregsed... kemeldübei [Cl., 1346, c. 70] "Прибывшие (те, кто прибыл)... из Хорума, переговаривались друг с другом"; urida bayasqulang=i törögül=ün aγsad ber: edüge ukilalduqu=yin nökör bolbai [ТД 40, F 29 v] "Прежде рождающие радость сейчас стали друзьями по плаканию".

В субстантивном значении форма на =γsad употреблялась с различными падежными окончаниями в качестве дополнений и (с родит. падежом) определения, например: dörben mören=dür unaγsad=i γarγaqui čaγ inu edüge bolǰu amui [ТД 22, F 4 r] "Сейчас настало время вытащить упавших в четыре реки"; mungqaγ=iyar tögörigsed=i getülgekü̈i čaγ inu edüge bolǰu amui [ТД 23, F 4 v] "Сейчас настало время спасать заблудившихся в неведении (невежестве)"; [nasu]n=dur kürügsed=te beri... öki be γarγaqui=dur nemesün ükü̈ksed=te yasun bariqu kücün nemeǰü ögün aǰuγu [Cl., 1338, c. 55] "Он оказывал бывало помощь достигшим брачного возраста, когда берут невестку или выдают дочь, и [выделял] средства для похорон умерших"; ečegsed=ün sedkil=i amuγulqui metü [ТД 45, F 35 v] "Как бы желая дать отдых мыслям тех, кто устал" (без окончания род.п. значение было бы иным "уставшие мысли").

В качестве определения форма на =γsad / =gsed согласовывалась с определяемым во множ. числе: qan=iyan qardaqsat haran=i [Ск.ск., § 149] "аратов, подозревающих своего хана"; silam=tur oraγsad tanu metüs [УМУДБ, с. 48] "Подобные вам, совершившим омовение"; yeke ner=e=dür kürügsed noyanliγ=un uridus anu degedüs=tür ǰüg=iyer kücü̈ ögčü... [Cl., 1335, c. 75] "Предки княжеского рода, достигшие великого звания, служили Императору наилучшим образом..."; uridu boγdas qad=un orusiγuldaγsad qubčad [НС, 6 a] "Облачения, установленные прежними мудрыми ханами ".

Однократное причастие. Суффиксами данного причастия служили: =γči / =γčin(=gči /=gčin) и =γčid / =gčid для множ. числа.

Эта причастная форма в сущности не содержит в себе значения однократности. Ей в большей мере соответствует название "причастие настоящего времени " [Ковалевский, 1835, с. 29]. Но поскольку в монголоведении под этим названием существует еще одно причастие [Санжеев, 1963, с. 136], мы во избежание недоразумений считаем целесообразным сохранить за формой на =γči(n) ее традиционное и более распространенное название "однократное".

Причастие на =γči(n) обозначало процесс действия или способность к его совершению. Во временном отношении оно сближается с действием, выраженным изъявительной формой настояще-будущего времени и с действием, обозначенным многократным причастием на =daγ.

Будучи глагольно-именной формой, это причастие выполняло те же функции, что и другие причастные формы. Но в отличие от современного языка, где оно крайне редко выступает в качестве сказуемого, а значительно чаще, субстантивируясь, пополняет ряды имен существительных, особенно в терминологии и в названиях уч-

реждений, в древних текстах форма на =γči(n) чаще всего использовалась именно в роли сказуемого в сочетании с глагольной связкой bui: olan qoor=tu ǰobalang=ud=i törögülügči bui [ТД 23, F 5 r] "[Они] порождают много опасных (вредных) страданий"; egüdügsen bügüde möngke busu... ödter ebderegči bui [ТД 24, F 5 v] "Все, что возникло, невечно, ... и вскоре разрушается"; ede mungqaγ=ud=i gem=dür oroγuluγči bui [ТД 65, F 62 r] "[Это] ведет этих глупцов к пороку"; edeger ǰirγalang=ud bügüde namur=un egülen=dür adali orosil ügei ebderegči bui [ТД 33, F 20 r] "Все эти радости не постоянны и исчезают (есть ломающиеся) подобно весенним облакам". Как видим, во всех вышеприведенных примерах причастие на =γči в сочетании с глагольной связкой bui обозначает действия или состояния, осуществляемые или присущие субъекту - явлению.

Особенно часто употреблялось это причастие в функции определения к различным именам. В таких случаях оно обозначало обладание лицом (предметом), признаком, качеством, способностью к действию, выраженному в производящей глагольной основе, например: ildun arγabar saqiγčin aran=i önggeregülǰü... [Çl., 1335, c.73] "Мечом и хитростью [он] умертвил человека-хранителя (охраняющего человека)"; buǰigči kümün=ü γar metü... [ТД 23, F 4 v] "...подобно рукам танцующего человека"; ödter ödter köbegün=iyen tula ukilaγči ken bui či [ТД 47, F 37 v] "Кто ты горько-горько плачущий над своим сыном?"; ...γurban ǰalan duradqaγčin medegčin nököd... [НС, 30 a] "...[там было] три знающих помощника, которые давали советы и поправляли [их]"; köbegün=ü minu amin=i öggügči ken ba ende buyiγu [ТД 46, F 37 r] "Есть ли здесь кто, могущий дать (дающий) жизнь моему сыну?".

В качестве подлежащего это причастие характеризовало лица с точки зрения обозначенного в глагольной основе действия, и как глагольно-именная категория управляло винительным падежом имени [9]; например: čaγaγan=i taγalaγčid anu bodisdv=i maγtaǰu... qara=yi taγalaγčid bodisdv=i daγariǰu... [ТД 62, F 58 r] "Любящие справедливость (досл.: белое) хвалили Бодхисатву..., любящие зло (черное) оскорбляли Бодхисатву..."; ene bulqalduqči Jirgin=ü Qadaq ba'atur aǰu'u [Ск.ск., § 185] "Этот вояка был джиргинский Хадаг-батар".

В качестве дополнений сама причастная форма получала падежное окончание или управляла послелогом, например: delekei degereki kümün=ü ečige boluγčin=i kündülegülkü yosun bolu [НС, 26 б]

[9] В современном монгольском языке форма на =γči(n), как и другие имена существительные, управляет родительным падежом: сургуулийн сурагч "учащийся школы", сонины эрхлэгч "редактор газеты" и т.п. [ОЦМХУЗБ, 1987, с. 103].

"Есть обычай, заставляющий уважать тех из людей, живущих на земле, которые стали отцами"; tegün=ü qoyina idegen ülü idegčid=ün tula ...ese idegsen=iyer turabai [ТД 47, F 38 v] "Потом из-за того, что [он] воздерживался от пищи из-за тех, кто не ел (т.к. были те, кто не ел), отощал ".

В целом причастие на =γči(n) в древнем языке обладало бóльшей глагольностью по сравнению с современным и субстантивации, особенно полной, подтвергалось крайне редко. Встретились лишь единичные примеры типа: sibegči(n) "служанки": boγol sibegegčid (вм. sibegčid) [НС, 14 б] "рабы и служанки"; de'ü=ner=iyen alaγči bolba [Ск.ск., § 177] "Стал убийцей своих младших братьев ".

Причастие на =γai / =gei (в "Сокр.ск.": 'ai / ='ei). Эта древняя форма в более поздних текстах известна как форма на =γa / =ge, названная в свое время Ал.Бобровниковым как "прошедшее неоконченное" причастие .

Без отрицательной частицы edüe ~ edügüi ~ üdügüi "еще не", т.е. в своем положительном значении это причастие обозначало действие, которое началось в прошлом и длится в настоящем или в каком-то отрезке этого настоящего, например: Dungčang-balayasun abu'ai [Ск.ск., § 247] "Взяли город Дунчанг"; qar=dur=iyan oro'ulju öš=iyen abu'ai= je bida [Ск.ск., § 267] "Мы ведь захватили [врага] в свои руки и отомстили".

Значительно чаще употреблялась отрицательная форма, и тогда это причастие обозначало, что действие еще не произошло,. но оно ожидается: Iduγ qud öber=ün tüsimel=iyer=iyen iregei=üdügüi üiles=i urida böged uqaju... [Cl., 1362, c.62] "Идуг худ со своими чиновниками еще заранее предугадал события, которые еще не произошли"; ...jarim söni ber boluγ=a edügüi [Т Д 29, F 13 r] "...полночь еще не наступила"; basa ber nasun=dur kürüge edügüi amu [ТД 33, F 19 v] "А также вы еще не достигли совершеннолетия".

Перед каким-либо именем эта форма определяла предмет с точки зрения того действия, которое еще не произошло: gü'ün=ne ökte'ei üdü'üi ökin aju'u [Ск.ск., § 7] "Это была еще не просватанная (еще не отданная человеку) девушка" (см. также пример выше).

Если отрицательная форма причастия оформлялась местным падежом, тогда оно с относящимися к нему словами указывало на обстоятельства, при которых совершалось другое действие. daγusuγai=üdügüi=e basa gemčas bičig=iyer duradqar=un [Cl., 1362, c.63] "Когда еще не закончил [писать], цензоры (gemčas - титул в период юаньской династии - МО) напомнили письмом..."; ... joqiyan egüskeju daγusuγai=üdügüi=e [Cl., 1362, c. 63] "Когда, начав сочинять, еще не

закончил..."; Činggis-qa'an basu'ai üdü'üi=e oron dotora büküi=tür... [Ск.ск., § 245] "Когда Чингис-хан, еще не вставая, лежал в постели ..."

Причастие многократное (форма на =daγ / =deg). Название этого причастия как многократного свидетельствует о том, что оно обозначает такое действие, которое является обычным, постоянным для данного лица (предмета) в каком-то отрезке времени. Иначе говоря, само по себе оно не имеет временной соотнесенности, а указывает лишь на характер протекания действия, его постоянность или частоту. Что же касается времени действия, то оно определяется исключительно глагольными связками.[10]

Форма на =daγ использовалась в тех же самых ситаксических функциях, что и прочие причастия, хотя частота ее употребления в наших текстах ограничена небольшим количеством примеров.

В качестве сказуемого она употреблялась с глагольной связкой bolu - форма настоящего времени от bol= "становиться, делаться": ...öber-ečegen yekes=tür tabiγlabasu ǰoqidaγ bolu [НС, 8 б] "...если [он] служит своим господам (тем, кто выше его), [это значит] быть услужливым (покорным)".

В качестве определения характеризовало лицо (предмет) по действию, совершаемому обычно, постоянно: kökideg Toqto'a bu'urake'er=e bui=ǰe [Ск.ск., § 105] "Всегда пугающийся (удирающий) Тогтога находится, должно быть, в Буура-кээр'е"; Jamuqa ybudaq keletü büle'e [Ск.ск., § 167] "Джамуха всегда был болтлив (досл.: с постоянно двигающимся языком)".

Субстантивируясь, форма на =daγ обозначала определенное состояние: čing ünen sedkil ǰoqidaγ qoyar=i ülü enden degedüs=e kücü öggün čidabasu... [НС, 9 а] "Если [он] сможет служить (отдать силу) высшим [начальникам], не теряя чувства полной лояльности (чистосердечия) и послушания ..."

На субстантивное употребление причастия ǰoqidaγ указывает и числительное qoyar "два", выполняющее в данном случае роль союза "и".

[10] В современном языке форма на =daγ часто выступает в роли сказуемого без глагольных связок и соответствует индикативной форме глагола настоящего времени [Ц.Цэдэндамба, 1970, с. 11].

Деепричастные формы.

Деепричастия в монгольских языках занимают первое место среди других глагольных форм (повелительно-желательных, изъявительных, причастных) по разнообразию форм и значений, частоте употребления в предложениях. Они объединяются общим признаком формальной неизменяемости. Образованные от глагольных основ посредством различных формантов, они предстают как законченные, неспрягаемые и далее неизменяемые (за некоторыми исключениями) глагольные формы. По сравнению с причастиями, в которых присутствуют как глагольные, так и именные признаки, в деепричастиях явно преобладают глагольные черты.

В отличие от других глагольных форм они являются формами "незаконченной предикации", ибо время совершения обозначенного ими действия полностью зависит от конечного сказуемого, т.е. заключительной глагольной, собственно предикативной формы. И в этом отношении целиком зависит от управляющего глагола [Санжеев, 1963, с. 221]. Следовательно, деепричастия характеризуются наличием относительного временного значения, т.е. они выражают время не по отношению к моменту речи, а по отношению ко времени заключительного глагольного сказуемого. Наличие в деепричастиях относительного глагольного времени - это их общий признак, на который обращали внимание многие лингвисты .

В отличие от собственно предикативных, изъявительных и некоторых других глагольных форм, где временные значения находятся в прямом отношении с моментом высказывания, в деепричастиях они всегда опосредствованы через значение заключительного глагола-сказуемого.

Но это, однако, не означает, что временные значения деепричастных форм всегда и обязательно совпадают с таковыми заключительного сказуемого. Нередко они бывают и разные. Действие, выраженное деепричастием, может предшествовать заключительному действию, быть синхронным с ним или следовать после него. Это зависит от формы деепричастия, семантики его производящей основы, а также семантики глагола, к которому соответствующее деепричастие относится, а также контекста в целом.

По происхождению, структуре, семантике и употреблению в предложении монгольские деепричастия делятся на две группы: к первой группе относятся всего три деепричастия: соединительное, слитное и разделительное, а ко второй - все остальные: условное, уступительное, продолжительное и др. В монголоведной литературе

первые называются "сопутствующими", а вторые - "обстоятельственными". Мы отказались от термина "сопутствующие", так как это название не соответствует всему многообразию значений и функций этих трех деепричастий и предпочитаем делить на деепричастия I и деепричастия II (Подробнее см. Орловская, 1984, с.135).

Между этими двумя группами деепричастий существуют различия не только в их значениях и функциях, но и в их происхождении. Первые три - сформировались в далекой древности. Во всяком случае в письменных памятниках XIII-XIV вв. они предстают как сложившиеся формы, дошедшие в таком же виде до наших времен. Что касается второй группы, то эти же памятники свидетельствуют, что многих из современных форм в то время еще не было или они только формировались, как, например, форма на =γsaγar из окончания причастия прошедшего времени на =γsan и показателя орудного падежа =γar. Можно проследить более позднее образование уступительного деепричастия на =bču из форманта изъявительной глагольной формы прошедшего времени на =ba и усилительной частицыču. И хотя в языковом сознании современных монголов этот суффикс считается неразложимым, а само деепричастие обладает и другими признаками, присущими всем без исключения деепричастиям, а именно невозможностью "сочетаться с полифункциональной глагольной формой гэх "говорить", которая может служить дистрибутивным элементом, определяющим деепричастные формы" [А.Шархуу, 1971, с.7], это дало основание некоторым исследователям не относить форму на =вч к деепричастиям. Основанием для этого послужила прозрачная разложимость этого суффикса на составные элементы: форму прошедшего времени + усилительная частица [Козырев, 1958, с.182].

Прозрачная разложимость форманта уступительного деепричастия на его составные элементы не дает основания для отрицания существования этого деепричастия в современном монгольском языке (многие составные суффиксы разлагаются на их исходные элементы), но надо признать, что в древних монгольских текстах уступительного деепричастия еще не было, ибо частицаču / či с формой на =ba употреблялась крайне редко и только в качестве усилительной частицы.

Если разряд первой группы деепричастий стабилен и состоит, как уже отмечалось, из трех деепричастий, то этого нельзя сказать о второй группе, ибо многие из имеющихся в современном языке, отсутствовали не только в древнем, но и в классическом монгольском, как, например, формы на =нгаа, =нгуут, =хлаар и др.

Деепричастия I. Соединительное деепричастие (форма на =ǰu / =ǰü , =ču /=čü). Это наиболее распространенное в древних текстах деепричастие выявляет различную степень зависимости от заключи-

тельного сказуемого. А кроме того оно и само выполняло роль сказуемого в сочетании со связками и служебными глаголами. В таких случаях деепричастная форма обозначала конкретное действие, а связка или служебный глагол оформляли сказуемое грамматически и придавали ему временное значение, а также видовые или модальные оттенки. Так, со связкой amu/amui (форма настояще-будущего времени от глагола a= "быть") соединительное деепричастие обозначало действие настоящего времени со значением продолжительности или длительности в плане этого настоящего, например: Edüge küi jing ön=ü önsi bolγan tüsigdeǰü amu [Cl., 1335, с. 75] "Сейчас он назначается в качестве önsi у Куй Жинг уна"; Ɣadan=a Gün Mören neretü sildegen=dür=i: γayiqamsiγ=a bosqaǰu amu kegür=ün ger=i [Cl., 1362, с. 68] "Снаружи, у деревушки Гун-Мурэн, воздвигнут великолепный склеп". Здесь действие представлено как настоящее в прошедшем ("есть воздвигнут"). Это предложение интересно и тем, что прямое дополнение (kegür=ün ger=i "склеп") стоит после сказуемого, что не характерно для структуры монгольского предложения. Но в данном случае это объясняется необходимостью аллитерации в данном тексте. Edüge ber bögesü mön kü yosuγar turbiǰu amui [УМҮДБ, с.58] "Сейчас именно так согласовывают".

Со связкой bölüge / bölegei (форма прошедшего времени от служебного глагола bö= / bü="быть") соединительное деепричастие обозначало такое действие в прошлом, участником или свидетелем которого может оказаться и сам повествующий, например, Bide aqanar degüner maqun qaračus=un tasiy=a üges=iyer dur=a qočarulčaǰu bölegei [УМҮДБ, с. 70] "Мы, старшие и младшие братья, по лживым словам жалких простолюдинов, утратили [свою] волю".

В качестве служебных глаголов, указывающих на временную отнесенность действия, обозначенного деепричастием, придающих деепричастиям различные видовые оттенки, употреблялись и полнозначные глаголы с той или иной степенью ослабленности своего лексического значения. Их служебная функция проявляется только в деепричастных сочетаниях. Это глаголы: ög= " давать", ab= " брать", bayi= "быть", "находиться", yabu= "идти", "ехать", saγu= "сидеть", "жить", ire= "приходить" и некоторые другие. (Аналогичные сочетания нами уже описаны ранее в других работах: см. Орловская, 1980, с. 3-19; 1984, с. 137-147. Поэтому здесь мы приводим лишь отдельные примеры, употребление и значение которых соответствуют таковым в классическом и современном монгольских языках).

Соединительное деепричастие в сочетании с глаголом ög= "давать" передавало значение направленности действия в чьих-либо интересах или значение законченности, завершенности действия, обозначенного в основе деепричастной формы, например: ene ayan

ner=e soyurqaǰu ögbei [Cl., 1362, c. 63] "По этому случаю [Император] пожаловал [ей] титул..."; ...ner=e nemeǰü ögčügü [Cl., 1362, c. 65] "Добавил титул..."; Bi [čimada] ügüleǰü ögsü [HC, 2 a] "Я [тебе] скажу (позволь мне сказать тебе)". А в сочетании с глаголом ab= "брать" деепричастие обозначало совершение действия в интересах действующего лица; Temüǰin Qasar qoyar=ača... Bekter Belgütei qoyar buliǰu abuba [Ск.ск., § 76] "Бэктэр и Бэлгутэй отобрали у Тэмуджина и Хасара [рыбку]".

Глагол yabu= "идти", "ехать" придавал деепричастному сочетанию значение действия в движении или его продолжительности: Bi Ma'allq-baya'udai yadaǰu yabumu [Ск.ск., § 15] "Я Малиг-баяудай [и я] страдаю (страдая иду); ...hümegei helige ebüritčü yabumu [Ск.ск., § 152] "... [А теперь] прячет за пазухой подлость (пряча за пазухой идет)".

Глагол ire= "приходить" передавал значение направленности действия в данную сторону, а также его законченности или приближения к завершению: ödün hüsün anu burqaliq časun metü bataraǰu keyisǰü iremü [Ск.ск., § 31] "Перья их летали [на ветру] словно хлопья снега"; Qasar... a'uruq=tur bawuǰu ireba [Ск.ск., § 253] "Хасар остановился во дворце [Чингиса]"; Jelme Burqan-Qaldun=ača bawuǰu irerün [Ск.ск., § 211] "Когда Дзэлмэ спустился с [горы] Бурхан-халдун".

Соединительное причастие употреблялось также в качестве однородных членов предложения при перечислении ряда следующих одно за другим действий, а также в качестве организующего центра, средства связи частей сложного предложения в "полипредикативных конструкциях". В таких случаях деепричастия имеют свой субъект (источник) действия, они функционально более свободны и независимы от заключительного сказуемого.

В качестве однородных сказуемых это деепричастие обозначает действия, предшествующие заключительному: üdür büri man=tur ireǰü esükčileǰü odumu [Ск.ск., § 31] "Каждый день приходит к нам, пьет кумыс и уходит"; dörben kö'üt inu Dobum-mergen abaqa=yu'an uruq=a ülü bolqan doromǰilaǰu qaqačaǰu geǰü newüba [Ск.ск., § 11] "Четыре его сына Добу Мэргэна не считали своим дядей, унижали [его], отделив, оставили и откочевали". Как в первом, так и во втором предложениях соединительными деепричастиями обозначен ряд действий, равных по своей объективной значимости с заключительными действиями, обозначенными изъявительными глагольными формами: настоящего-будущего времени в первом из предложений и прошедшим во втором. Однако в грамматическом плане (время, наклонение) все они зависимы от конечных изъявительных глагольных форм, поскольку сами лишены грамматических средств выражения предикативности. В таких случаях время, обозначенное в изъявительных формах,

распространяется и на действия, выраженные деепричастными формами .

Помимо функции однородных сказуемых в распространенных предложениях соединительные деепричастия могут входить в состав обстоятельственных деепричастных конструкций в качестве их составного члена или сами с относящимися к ним словами составлять обстоятельственные обороты: Ede tabun ǰüil=i tegüsgeǰü yabun čidabasu tendeče sayi ečige eke=degen tabiɣan čidaɣči kemeldüyü [HC, 22 a] "Если [он] сможет действовать так, чтобы осуществить эти пять принципов, тогда сможет называться способным почитать своих родителей". Činggis qaqan se'üder=tür sa'uǰu qurim dotorača üǰeǰü qarču ireǰü ügülerün [Ск.ск., § 131] "Чингис-хан, сидя в тени, наблюдал за пиром, [потом] выйдя, подошел и сказал".

Слитное деепричастие (форма на =n). Функции слитного деепричастия в предложении во многом общие с таковыми соединительного, хотя имеются и некоторые отличия (о чем ниже).

Подобно соединительному деепричастию слитное со связками и служебными глаголами выступает в функции заключительного сказуемого в предложении, где само деепричастие определяет значение совершаемого действия, а связка или служебный глагол указывают на время действия, а также на модально-видовые характеристики.

Со связкой aǰu'u ~ aǰuɣui оно обозначало действие, совершившееся в прошлом с экспрессивно-модальным оттенком некоторой неожиданности случившегося или категорического утверждения: Belerče uiɣud=un qan inu Bis Baliɣ=a orusin saɣun aǰuɣu [Cl., 1362, c. 49] "С давних времен уйгурский хан постоянно проживал в Баш-Балыке"; tede tatar tanin aǰu'u [Ск.ск., § 67] "Те татары оказались знакомыми"; boɣda sayid... surɣan aǰuɣui [HC, 18a] "мудрецы ... учили"; či bidan=i tülesilen aǰu'u [Ск.ск., § 161] "Ты обманул нас"; aqa de'ü=de'en teyin ele naitaqdan aǰu'u [Ск.ск., § 82] "Именно так надо надеяться на своих старших и младших братьев ".

Со связкой buyu обозначалось действие, относящееся к настоящему моменту с оттенком его несомненности или категоричности: niken gü'ün ayisun buyu [Ск.ск., § 32] "Приближается какой-то человек"; Ya'un gü'ün=nü eme teyin ayilan buyu [Ск.ск., § 146] "Что это за женщина так плачет?"; ere=yi minu ende čeri'üt bariǰu alan buyu [Ск.ск., § 146] "Моего мужа здесь схватили солдаты и убивают ".

Со связкой bui выражалось действие так называемого "настоящего расширенного", т.е. обычного, в данной ситуации: Tegünčilen ebečin ǰobalang ber amitan=u öngge čirai=yi buliǰu singtaraɣul=un bui [ТД 24, F 5 v] "Точно также переживания, вызванные болезнями и страданием отнимают и разрушают красоту (цвет) лица живых существ";

...misiq=a=yin nom ǰrlγ busi ülü bolqan bui ǰ=a [УМУДБ, с. 49] "[Это] конечно, не противоречит христианству".

Редкий случай представляет собой пример на употребление в форме слитного деепричастия архаичного глагола a= "быть","существовать" - an , ибо от этой глагольной основы ранее зафиксированы почти все общеизвестные глагольные формы, кроме an , а именно: aǰu'u ~ aǰuγu ~ aǰuγui, amu ~ amui, aqsan ~ aγsan, abasu, adaγ, a'ai, abai, aǰu, aqu, aqui, aqun, asuqai, atuqai, atala [HIII, с. 33].

В приводимом ниже предложении эта форма нам встретилась впервые: uridus=un sür sünesün mön tendeken=e ülegü uqaǰu an bui [НС, 33 а-б] " только тогда величественные духи предков не проявляют [себя]". Видимо, в то время глагол a= имел почти полное спряжение (форма на =luγa не зафиксирована; ülegü = üle ~ ülü+gü ~ kü).

Связка büle'e / bölüge указывала на действие, происходившее в прошлом: ǰürkin=eče Buri-bökö tere qurim ǰasan büle'e [Ск.ск., § 131] "От джуркенов тем пиром заправлял Бури-буку".

Слитное деепричастие в сочетании с глаголом yabu= "идти" обозначало действие в процессе движения: Sartaγčin ayan ayalan yabuǰu... [Cl., 1362, с. 62] "Отправляясь (отправляясь идя) в сарчинский поход ...".

Довольно распространенным было употребление слитного деепричастия с модальными глаголами čida= "мочь", yada= "не мочь, не суметь". В таких случаях выражалась возможность или невозможность осуществления обозначенного в глагольной основе действия: ede γurban ǰüil=i tegüsgen čidabasu tendeče sayi uridus=daγan taqil tabiγ=un üile saqin čidamu ǰ=e [НС 7 а-б] "Если можно осуществить эти три вещи, то только тогда можно сохранить дело жертвоприношения предкам"; ečige eke=yügen teǰiyegen čidabasu... [НС, 10 а] "Если они смогут прокормить своих родителей..."; Qoyitus uruγ inu ede üges=iyer yabun čidabasu... [Cl., 1335, с. 76] "Если последующие поколения смогут следовать этим словам..."; čole qaγalγ=a olun yadaǰu... [ТД 48, F 39 v] "Не смог найти свободную дверь..."; ütü ču kümün=e ünen kü γarun yadaqu metü bekilegülbei [ТД 30, F 15 r] "[Она] заставила укрепить ворота, так что даже маленькому человеку нельзя было выйти ".

Подобно соединительному, слитное деепричастие обозначало и ряд однородных, самостоятельных и как бы "законченных" действий, что дало основание некоторым исследователям считать, что это деепричастие употребляется в качестве verbum finitum [Cl., 1985, прим. 10 с. 243]. Характерным примером является следующее предложение: ...uyilaqui=dur ǰasadaγlaǰu ülü uyilan törülekü=dür mösiykü čirai=ban ülü edügülün ügülekü=dür ügeben nayiraγulun ülü ügülen sayin qubčasun

emüsbesü doturaban ülü amun quγur daγun sonusbasu ülü kögǰin amtatu=yi idebesü amtan inu ülü aγustan eyin kibesü γasulqu sinalqu=yin ǰoriγ bolu [НС, 35 б-36 а] "Если [сын] оплакивая [родителей], не плачет лицемерно, когда совершает обряд, не явит улыбающегося лица, когда говорит, слов не украшает, когда одевает хорошую одежду, этим не утешается, слушая звуки своего хуура (музыкальный инструмент - МО), не восхищается, когда ест вкусное, не находит это приятным, если он так поступает, это и будет выражение скорби и страдания".

Как видим, в этом тексте каждый из его отрезков заканчивается слитным деепричастием и представляет собой по смыслу как бы вполне законченное предложение. Однако отсутствие в деепричастии грамматически выраженных категорий времени, наклонения, дающих возможность строить законченное предложение, не позволяет рассматривать эти составные части в качестве самостоятельных предложений, а деепричастия в качестве verbum finitum. Эти незаконченные в грамматическом плане однородные "предложения" по грамматическим законам монгольского языка объединяются одной общей глагольной связкой, в данном случае - это связка bolu - изъявительная форма настояще-будущего времени от глагола bol= "становиться" с модальным значением достоверности, убежденности в совершении обозначенного в глагольной (деепричастной) основе действия. Форма на =u / =yu часто употребляется в различного рода поучениях, наставлениях, изречениях, о чем свидетельствует и приведенное выше сложное предложение, когда совершение обозначенных в деепричастиях действий не подлежит сомнению. В данном случае значение глагольной связки bolu относится к каждому из деепричастий.

Кроме того слитное деепричастие, как и соединительное, выполняло и роль различных обстоятельств, при которых осуществлялось заключительное или следующее за деепричастием другое действие. Например: ger=teče ülü γarun siliγurqaqun ger=ün egüden toγtoγ=a=ača siγaγabai [ТД 43, F 32 v] "Не выходя из дома, подсматривали [за ним] через дверные проемы домов"; yosutu sayin=i inu daγan eteged maγu=yi ǰalan aburaγdaqu [НС, 34 б] "Исправлять необычное и плохое [в нем], следуя правильному и хорошему [в нем]"; ge'üd=iyen ülü sa'an talbiqsat aǰu'u [Ск.ск., § 145] "[Они] отправили своих кобылиц недоенными"; Esenbuq=yi mongγolčilan orčiγuluγad uiγurčilan bičigülbei [Cl., 1362, c. 62] "Заставил Эсэнбуха, переведя на монгольский, написать по-уйгурски". ("На монгольский" и "по-уйгурски" обозначено формами слитного деепричастия от соответствующих глагольных основ).

Нередко в обстоятельственной функции употреблялись парные одно- или разнокорневые сочетания слитного деепричастия. В таких

случаях усиливалось, подчеркивалось значение передаваемого действия или указывалось на его ритмичность или продолжительность: ... čibiltü Simnu ülemǰi masi γasiγudaǰu ukilan ukilan oron=dur=iyan qarïbai [ТД 49, F 40 v] "... грешный Simnu чрезвычайно опечалился и горько плача (досл.: плача-плача), вернулся в свою страну"; suu=tu qaγan soyurqaǰu... altan čirai=dur oran γarun yabuǰu asaraγdaγad... [Cl., 1362, с. 67] "Мудрый хан благоволил к нему... и позволял всегда входить и выходить (досл.: ходить входя-выходя) в присутствии Императора (досл.: при Золотом Лике)"; ...nigen tngri asuruqan masi enel=ün sïnal=un γasal=un nigül odqu metü ukilaǰu ögüler=ün [ТД 35, F 22 v] "...божество очень сокрушалось, горюя, печалясь и рыдая, словно впадая в грех, сказало".

В современном языке широкое распространение получила еще одна функция слитного деепричастия, его своеобразная "субстантивация". А именно, оно участвует в образовании составных наименований и терминов (слитное деепричастие+слово-имя), например: нягтлан бодох (досл.: тонко разбираясь думать) > "бухгалтер", эдлэн газар (досл.: пользуясь земля) > "угодье", "владение"; тойрон аялан (досл.: обходя путешествуя) > "туризм". При этом происходит особого рода эллипсис, когда опорное слово опускается, а все прежнее значение передается одним деепричастием: нягтлан бодох > нягтлан "бухгалтер", тэнсэн хугацаа (досл.: испытывая срок) > тэнсэн "испытательный срок" и т.д. В языке - это довольно позднее явление, но оно постепенно расширяется и проникает в сферу словообразования как синтаксико-морфологический тип словообразования [А.Шарху, 1971, с. 13; Пюрбеев, М. 1984, с. 95].

Разделительное деепричастие (форма на =γad / =ged; в "Ск.ск.": ='at / ='et).

Отметим, что в древних текстах сфера употребления разделительного деепричастия значительно уже по сравнению с двумя предыдущими - соединительным и слитным.

Основной функцией этого деепричастия в предложениях было обозначение действия, предшествующего другому, завершенному или заканчивающемуся к началу другого действия. Причем временной промежуток между действием, обозначенным разделительным деепричастием и следующей за ним глагольной формой могло быть разным: от совсем короткого, когда за одним действием вскоре следует другое, до значительного по времени.

Действие следует непосредственно за предыдущим, выраженным разделительным деепричастием: Činggis qahan ene üge sonosu'at qataraǰu... [Ск.ск., § 146] "Чингис-хан, услышав эти слова, поскакал..."; ene kelen sonosu'at Činggis-qahan masi kilinglaǰu ögülerün [Ск.ск., § 136] "Чингис-хан, услышав это донесение, очень рассердившись,

сказал". Это могла быть и обычная последовательность действий с более длительным промежутком времени перед завершением основного действия: bögötür qongqor=i unu'at boro örmüge=ben böktürü'et Belgütei=lü'e ireba [Ск. ск., § 95] "Оседлав горбатого буланого и перекинув через него свою простую бурку (рогожу) прибыл с Бэлгутэем"; ...sayin ner=e qoyidus=a aldarsuγuluγad ečige eke=yin sayin=i mandulγulbasu taqimdaγu bolqu=yin üǰügülekü üile [НС, 2 б] "...если [мы] прославим [свое] доброе имя для потомков, то посредством этого распространим лучшие качества [наших] родителей, это и будет продолжением [их] почитания".

Разделительным деепричастием обозначались также действия в прошлом, следовавшие один за другим с неопределенным интервалом между ними: ... nögüge=te Wan yang gün gün ner=e öggüged, γutuγar=ta Gün Wusin ba Gün tai wušin: Gi gui tai wusin ner=e ögüged... ene ayan basa Si ning ong Wušin ner=e soyurqaǰu ögbe [Cl., 1362, c. 66] "...во-вторых, [он] пожаловал титул Wan yang gün gün, в-третьих, пожаловал [ее] титулами Gün Wušin Gün tai wušin и Gi gui tai wušin... по этому случаю Император снова почтил титулами Sining ong wušin ".

В зависимости от лексического содержания глагольной основы действие, обозначенное разделительным деепричастием, могло быть длительным или неоднократно повторяющимся, особенно если это парные или близкие по значению глагольные основы, в таких случаях обычно - это обстоятельства, при которых совершается заключительное действие: urida tobčiyan ǰ=e qadaγalaγsan=ača siltaγan yadaǰu ayuγad nemiged bii tas=un ayalγus=i silüg selte ǰoqiyaǰu [Cl., 1362, c. 67] "Из-за того, что раньше мне было поручено [бюро] истории, я не был в состоянии найти предлог [для отказа] и поэтому в страхе и тревоге (убоявшись, устрашась) составил текст (звуки) вместе со стихами"; ...silgüdüged ayuγad gün čegel=ün dergede yabuqu metü [НС, 5 б] "...словно трепеща и дрожа от страха (страшась) идти по краю (возле) бездны (глубокого родника)"; söni düli boltala bökleksen čisun=i ama'ar dü'üreng ǰalki'at asqa'at söni düli nökči'esü... [Ск.ск., § 145] "Всю ночь до рассвета он [отсасывал] ртом [его] запекшуюся кровь, то глотая, то сплевывая, когда он был полон,... так миновала ночь...".

В монголоведной лингвистической литературе уже отмечалось, что между тремя деепричастиями I-ой группы "нельзя провести такой резкой черты, чтобы одно нельзя было употребить там, где употреблено другое [Бобровников, 1849, с. 306]."Очень часто соединительное и разделительное деепричастия в речи употребляются одно вместо другого" [Санжеев, 1963, с. 232]. Это подтверждают в своих исследованиях и монгольские языковеды [ОЦМХЗ, 1966, с. 167].

Добавим, что это относится и к слитному деепричастию, которое нередко употреблялось так же, как и соединительное (см. примеры выше). В предложении: Činggis qahan üǰeǰü nidün=eče='en nilbusun čuburi'uǰu duran alǰa'at qal ötör tüle'ülü'et qala'un da'a'ulu'at Öködei=e undān eri'üǰü ökke'üǰü dayisun ire'esü qatqulduy=a ke'eǰü büle'ei [Ск.ск., § 173] "Чингис-хан, увидев это, очень опечалился, из глаз полились слезы, [он] велел тотчас же развести огонь, прижечь рану и напоить Огэдэй'я, а если появится враг, вступить в сражение" - действия, выраженные соединительными деепричастиями üǰeǰü "увидев", čuburi'uǰu "полились", произошли раньше тех, которые обозначены разделительными формами, хотя, исходя из значения этих деепричастных форм предшествующему действию, следовало бы быть обозначенным разделительным деепричастием. Употребление соединительного деепричастия раньше разделительного можно объяснить тем, что первые два действия происходят непосредственно друг за другом "увидев, заплакал", тогда как последующие "велел развести огонь" и "прижечь рану" с соответствующими промежутками. Но с другой стороны, там, где действия следовали одно за другим без большого промежутка времени, они также могли быть выражены разделительным деепричастием: Buqu-qatagi aqa inu üǰe'et taniǰu abu'at uduritču Onan müren ö'ede qataraǰu yorčiǰu talbiba [Ск.ск., § 32] "Бухахатаги, увидев, узнал старшего брата и поскакал вслед за ним вверх по реке Онон ".

Взаимозаменяемость трех деепричастных форм I-ой группы часто связана со стилистическими и эвфоническими обстоятельствами во избежание тавтологии в одном и том же предложении. Но такая свободная взаимозаменяемость отсутствовала тогда, когда одно действие служило причиной или противопоставлением другому: edüge tere mör=i bütükü=e ene bey=e=dür kučün ügei=yin tulada ende bütügen ülü čidaγad ene beyeber bodi ǰirüken=dür ese odbasu...[ТД 49, F 41 r] "Если я теперь не удалюсь [пребывая] в этом теле к Bodhi manda, будучи не в состоянии завершить [здесь] тот путь, так как нет сил завершить это, оставаясь в этом теле...".

Деепричастия II. Характерной особенностью деепричастий этой группы является их семантико-синтаксическая однозначность, так как в большинстве своем они указывают на различные обстоятельства совершения действия: время, условие, цель, образ действия и т.п. Время действия, обозначенного этими формами, как правило, предшествует действию, выраженному в заключительном сказуемом, но и зависит от последнего.

Условное деепричастие (форма на =basu / =besü - реже =γasu / =gesu; в "Ск.ск.": ='asu / ='esü).

Значение условного деепричастия выявляется в сложных предложениях, где оно образует различные обстоятельственные деепричастные конструкции, при этом форму условного деепричастия может получать и служебный глагол, сочетающийся с деепричастиями I-ой группы .

Распространенным является значение условий, при которых совершится (или не совершится) действие, заключительного сказуемого: ...eyin kibesü γasulqu sinalqu=yin ǰoriγ bolu [НС, 36 а] "...если делает так, значит намеревается горевать и печалиться [о мертвых]"; ...irgen=i öber=ün köbegün sibaγun metü taγalaǰu yabubasu ta eregü qour=tur ülü oroγad... [Cl., 1362, с. 65] "...если вы любите народ как своих сыновей, вы и на себя не навлечете наказания и вреда": Частица ber придавала действию, обозначенному условным деепричастием, усилительно-выделительное значение: ...ödür=tür γurban qusiγun aduγusun=u miqabar tabiγlabasu ber ači ügei taqimdaγu kemegdeyü kemeǰügü [НС, 23 а]."...даже если [он] будет ежедневно приносить в жертву мясо трех видов скота, это будет называться сыновним почтением без заслуг".

Вторым распространенным значением условного деепричастия было обозначение времени, в момент которого или вслед за которым совершается другое действие. "Значение времени в условной форме - как писал Э.Севортян, - предшествует значению условности" [Севортян, 1960, с. 7], поэтому в более древних текстах временное значение преобладало над условным: Il qan=u čerigüd Misir=un ǰug (вм. ǰüg - МО) mörilebesü (вм. morilabasu - МО) bide ber endeče mörileǰü [УМУДБ, с. 37] "Когда войска Ил-хана направились в сторону Мишира, мы также выехали отсюда"; tede irge abubasu Urislim=i tan=a ögiy=e (вм. öggüy=e - МО) [УМУДБ, с. 38-39] "Когда покорим (захватим) те народы, вам отдадим Иерусалим"; ...ečige eke=yin sayin=i mandulbasu tagimdaγu bolqu=yin üǰügülkü üile buyu [НС 2 б] "Когда прославляют доброту своих родителей, это ведь и будет выражением почитания [их]"; qoyin=a iduγ qud deger=e aγulǰan γarču irebesü mön Ataibug=a aγruγ=iyan abuγad daγan ireküi=dür ...Yungčang=a nuntuγlaγsan aǰuγu [Cl., 1362, с. 64] "После, когда идук-худ выехал для встречи с Императором, и когда тот самый Атай-буха последовал за ним со своим лагерем..., он расположился в Yungčang=e"; ...ada=tu üile=dür učirabasu ber qataγu ǰoriγ=iyan ülü qariγulun aγsan aǰuγu [Cl., 1362, с. 63-64] "...когда встречался с опасными делами, не утрачивал своей твердой воли"; ...gürǰü irebesü Bodončar mün aǰu'u [Ск.ск., § 32] "Когда подъехал, оказалось, что это был Боданчар".

Деепричастие на =basu / =besü имело и уступительное значение, указывая на то, что действие может произойти вопреки какому-то другому действию. В монголоведной литературе высказывалось мнение, что уступительное значение этому деепричастию придает следующая за ним частица ber [Санжеев, 1963, с. 240; 1964, с.124]. Некоторые примеры, действительно, подтверждают этот факт: ...tügem=e dügüreng bolbasu ber ülü bisqariqu metü [НС, 5 а] "...хотя и наполнены через край (полностью), [они] не выливаются"; naran=a čilgegdebesü ber kei=e keyiskegdebesü ber: simaγ=a qur=a=da sirbigdebesü ber: simuγul sona=da idegdebesü ber: amuri dalda ülü erikü=eče γar=iyan daldaγsan ber ügei [ТД 48, F 39 r] "Хотя был высушен солнцем, хотя был обдуваем ветром, хотя был отхлестан пургой, хотя был съедаем комарами и оводами, [он] не искал ни спокойствия, ни укрытия и даже не прятал рук своих".

Однако, как уже отмечалось выше, частица ber придает усилительно-выделительное значение и условному содержанию этой деепричастной конструкции (см. примеры на условное значение). Кроме того форма на =basu / =besü передавала уступительное значение и при отсутствии частицы ber [Орловская, 1984, с.167-168], а в сочетании с ber имела не только уступительное, но и временное значение: ...silam=tur orabasu ba esebesü ber qaqča möngke tngri mede kemeǰü... [УМҮДБ, с. 48] "... когда совершать или не совершать омовение, знает только Вечное Небо".

В условном деепричастии могло содержаться и целевое значение, например: ...čerigüdi nemegülbesü yaqu ǰoqiqu [УМҮДБ, с. 39] "...что надо, чтобы увеличить войско?". Следовательно, условное деепричастие передавало широкий круг значений: от условно-временных до уступительно-целевых. Что же касается частицы ber, то она усиливает любое из них. Многое в содержании этой глагольной формы зависит от контекста, смысла деепричастной основы и основы заключительного глагола.

Если форму условного деепричастия имел глагол keme= "говорить", "сказать" (kemebesü), то в предложении он обозначал "что касается", например" .. Jigüntei kemebesü uǰaγur Sengge aγ=a=da inǰes bolu/n/ ögteǰü... [Cl., 1338, с. 53] "...что касается Джхигунтэйя, то будучи представлен сначала принцу Сэнгэ как inǰes..."; Siltaγan kemebesü... kemen irgen=i soyun surγaǰuγu [НС, 36 а-б] "Что касается причины, то поучал народ, говоря...".

Деепричастие предела (форма на =tala / =tele).

Эта форма чаще всего обозначала действие, которое указывало на степень или предел совершения следующего за ним действия, например: degedü bodi qutuγ=i ese oltala... qariǰu... kabaliγ=tu ülü oroqu

bi [ТД 35, F 23 v] "Я не вернусь и не вступлю в Kapilavastu до тех пор, пока не найду высшую святость..."; keǰiy=e=de köbegün=i ese oltala... buu iredkün [ТД 38, F 26 v] "Не возвращайтесь до тех пор, пока не найдете мальчика..."; bodisdv keǰiy=e duran taγalatala... balγasun=dur aǰu [ТД 44, F 34 v] "Бодхисатва находился в городе столько, сколько хотел (досл.: до тех пор, пока нравилось)"; ...irgen=i inu hünesü='er keyistele tala'ulba [Ск.ск., § 265] "...народ его развеял в пепел (развеял до тех пор, пока стал пеплом)".

Иногда деепричастие предела содержало о себе и целевое значение: .. aγtas=iyan čattala ene sa'an=keer=i delgen bawuǰu... [Ск.ск., § 193] "...остановились в Саари-кеери, чтобы досыта накормить своих коней".

Кроме того это могло быть и действие, вслед за совершением которого наступало другое: ...de'erme ireǰü üǰetele de'eremetčü yorčiba [Ск.ск., § 90] "... подъехали грабители и как только увидели [коней], украли и уехали"; Soqtaqu=yi minu sergütele önečit üčüget de'ü=ner=iyen belbisün ber=yen Berüde... asaraqu=yi qahan aqa medetügei ke'e'et [Ск. ск., § 272] "Он сказал: «Брат-хан пусть знает: [я] как только протрезвею, буду опекать младших братьев- сирот и вдову-невестку Бэруд...»".

Если заключительное сказуемое выражено будущим причастием в сочетании со связкой büle'e, то деепричастие предела обозначало действие, до наступления которого должно совершиться конечное действие: Söni=de üdür čayitala bülekü büle'e [Ск. ск., § 85] "Всю ночь до рассвета (пока не рассвело) должны были взбивать кумыс"; bi morin unu'at üǰetele edüi ǰa'ura ülü'ü iregü büle'e [Ск.ск., § 145] "Я бы оседлал коня и, пока [они] увидели бы, быстренько вернулся".

Этим деепричастием могло обозначаться и действие, когда или в процессе которого совершается другое действие: ...Bo'orču Muqali qoyar ǰo/b/ minu yabutala ǰiktüǰü buru'u=yi minu bayitala itqaǰu ene oron=tur gürgeba [Ск.ск., § 205] "Когда я правильно поступал, Боорчи и Мухали одобряли, когда ошибался, отговаривали, так я достиг этого места".

Деепричастие на =tala обозначало и такое действие, вопреки или несмотря на которое совершалось другое действие. В таком случае оно имело уступительное значение и обычно переводилось со словом "хотя": bi üčügüken boγol tüsimel Üi Suu ülü čidaqu budaγu oyitu kümün bögetele... bii tas=un ayalγus=i silüg selte ǰoqiyaǰu... [Cl., 1362, c. 67] "Хотя я маленький раб, чиновник Уй Суу, человек без способностей, с недалеким умом, ... я сочинил текст (звуки) стелы вместе со стихами".

Деепричастная форма atala (от a= "быть","существовать") одна или в сочетании с teyim "так", tedüi "так", "тем временем" и с qorum ~ qorumut "секунда" обозначала "тем временем", "вскоре", "моментально": atala Alan-qo'a eke anu ügei bolbi [Ск.ск., § 22] "Тем временем мать их, Алан-гуа, скончалась"; tedüi atala Duwa-soqor aqa inu ügei boluba [Ск.ск., § 11] "Тем временем его старший брат Дува-сохор скончался"; teyin atala Dowun mergen ügei bolba [Ск.ск., § 17] "Тем временем Довун-мэргэн скончался", qorum atala tünggeli[k]-qoroqan ö'ede niken gü'ün ayisun buyu [Ск.ск., § 32] "Вскоре вверх по реке Тунгэлик проехал один человек"; qurumut atala Mönglik-ečige dolo'an kö'üt=lü'e=ben ireǰü... [Ск.ск., § 245] "Вскоре подъехал Мэнлик со своими семью сыновьями".

Формы boltala (от bol= "становиться") и kürtele / gürtele (от kür= "достигать"), употребляющиеся в современном языке в роли послелогов со значением "до", "вплоть до", и в древних текстах уже выполняли подобную функцию: ...sōni düli boltala bökleksen čisun=i ama'ar dü'üreng ǰalki'at... [Ск.ск., § 145] "...всю ночь до рассвета (до наступления рассвета) отсасывал и глотал запекшуюся кровь"; Hō'elün gürtele eyin ke'ekdeküi bolbi [Ск.ск., § 71] "[Все] вплоть до Оэлун стали так оговаривать"; ...qurban ǰa'ut merkid=i uruq=un uruq=a gürtele hünesü'=er keyistele ülitgeba [Ск.ск., § 112] "...триста меркитов развеял в пепел вплоть до потомков его потомков".

В некоторых случаях деепричастие на =tala передавало редкое значение "вместо того чтобы": ...mön nasuda ügüler=ün qoyitus uruγ=a ed tavar ǰögeǰü ögtele sayin aγali aburi surγaγdaγu bui [Cl., 1335, c. 72] "...всегда говорил: «Вместо того чтобы накапливать товары и вещи и отдавать их потомкам, должно обучаться хорошим манерам»"; edö'e naya=dača asaqtala qahan soyurqa'asu... mariyan=nača asaqu'asu ke'en [Ск.ск., § 197] "Сейчас, вместо того чтобы спрашивать у Наяа, если хан соизволит, пусть спросит меня".

Кроме того, типичной для доклассического языка являлось сочетание формы на =tala + yaγu "что", которое переводилось как "почему", "зачем", "для чего" совершать действие соответственно значению, обозначенному в глагольной основе или "что остается делать?": ćimayi ülü daγaγči: esrua terigüten=i ögületele yaγun: sečen bilig=ten küčüten köbegün činu ber tegün=e bökeyimüi [ТД 62, F 58 r] "Зачем надо говорить о Brahm'e и других, кто не следовал за тобой: даже умные, талантливые и сильные сыновья твои поклоняются ему"; östü sakiliγ=tai=yi ese daruǰu qaritala yaγun kemebesü... [ТД 62, F 57 v] "Почему мы должны вернуться без покорения ненавистного säkya?"; ...qüčü yadan bö'etele qan boltala ya'un ke'eǰü... [Ск.ск., § 256] "...если [тогда как] не будет силы, зачем тогда хан?" Вопросительное местоимение yaγu(n) могло иногда и предшествовать деепричастию на =tala,

причем значение при этом не менялось: daγusqui=a berke: ...tede ǰobalang=ud... daγaǰu yabuqu=yi ču yaγun ögületele [ТД 27, F 10 r] "...что остается сказать о тех страданиях, которые трудно выдержать?"; ...tabun ǰüil yekes noyad=i yaγun ügületele bui [НС, 14 a] "...зачем говорить о великих чиновниках пяти разрядов (классов)?"

Продолжительное деепричастие. Деепричастие на =γsabar / =gseber / =kseyer / =qs'a'ar / =kse'er.

Происхождение этой формы довольно прозрачно. Она состоит из окончания причастия прошедшего времени =γsan / =gsen > =γsa / =gse и показателя орудного падежа =bar / =ber, =jar / =jer, =γar / =ger. Тем не менее это деепричастие принадлежит к древним образованиям, так как было уже весьма распространенным в текстах XIII-XIV вв.

Круг значений этой формы также широк. Прежде всего она обозначала такое длительное действие, во время или в процессе которого совершалось следующее после него действие или действие заключительного сказуемого: möngke tngri=yin ibegeliber yeke Monγol ulus=un qan=i narbai=yi nigedkegülün ǰayaγadaγsabar... uiγudun qan Barčuγ Ard iduγ qud medelün irgen=iyen abuγad oroǰu... [Cl., 1362, c. 62] "Когда под покровительством Вечного Неба властилину Великой Монгольской империи было предопределено судьбой объединить обширные владения..., уйгурский хан идук-худ Барцуг Ард, узнав об этом, пришел со своим народом"; ene gödölügse'er sili'ui=a qaqačan söni dülin gödölüya bö'et ke'eba [Ск.ск., § 118] "Продолжая двигаться, быстро оторвемся [от Джамухи] и будем идти всю ночь"; tendeče Činggis-qahan gödöǰü Eder-Altai=yin belčir=iyer ketüǰü tere gödölükseyer gö[dö]ǰü Sa'ari=ke'er bawuba [Ск.ск., § 161] "Чингис-хан пошел Эдэр-Алтайскими пастбищами и, продолжая по ним передвигаться, остановился в Сааре-кеере ".

Действие, обозначаемое продолжительным деепричастием, могло оказаться и причиной для последующего действия: ta qoyar urida bayiqsa'ar ede bügün=i aqalaǰu ülü-ü aqun ta ke'eba [Ск.ск., § 125] "Так как вы двое подружились прежде, вы всех их превосходите"; ...egenegte uidqari ügei üǰügülen küčü öggügseber ayin soyurqaγdabai bi [Cl., 1362, c. 67] "...я был облагодетельствован, так как всегда служил (продолжал служить) без устали [Императору]". bayasqu sedkil=i anu abun čidaγsabar ečige eke=dür inu tabiγlan čidaǰuγui [НС,15 a] "...поскольку [он] был в состоянии поддерживать их радостное настроение (радость их сердец), [они] смогли оказывать почести его родителям".

Действие, выраженное продолжительным деепричасием, иногда предопределяло или объясняло действие заключительного сказуемого: Način noyan ügülerün bi urida imayi kümün bolumu ǰ=e kemen

sedkilege sedkigseber minu bolba kemegsen aǰuγu [Cl., 1335, c.76] "Начин-нойон сказал: «Прежде я думал, что он станет человеком, и случилось так, как я думал (как я продолжал думать)»"; ...uridu aman aldaγsaγar angq=a urida edür=tür arča=yin niǰiged üre tegün=ü qoyina niǰiged tuturγan tegün=ü qoyina niǰiged künǰid terigüten=i idebei [ТД 47, F 38 r] "..в соответствии с прежними обещаниями он съедал в первый день по одной ягодке можжевельника, после того по одному зернышку риса, после того по одному [зернышку] кунжута и т.д.".

Обозначая длительное, продолжительное действие, эта деепричастная форма выступала и в качестве определения к следующему за ним слову: tere dayiǰiǰu qaruqsa'ar čö'en gü'ün merkid=ün Toqto'a... [Ск. ск., § 198] "Продолжающий убегать с немногими людьми меркитский Тогтоа..."; tere nökökekse'er nökökečeküi yosun teyimü [Ск.ск., § 95] "Такова причина (традиция) той продолжающейся дружбы [Боорчи и Тэмуджина]".

С глагольными связками (в редких случаях и без них) продолжительное деепричастие выполняло функцию заключительного сказуемого: tere asaraqsa[n]'ar aǰu [Ск.ск., § 111] "Ее продолжали опекать"; ...tngri=yin ǰorγ=i daγan yabuγsabar bolbai [Cl., 1362, c. 62] "...и продолжал действовать, следуя воле Неба".

Следовательно, это значение не является чем-то новым в современном монгольском языке [Санжеев, 1963, с. 244], а существовало уже в самых ранних письменных памятниках.

Целевое деепричастие (форма на =r=a/=r=e). В древних текстах, как в современном и классическом монгольских языках, это деепричастие употреблялось с единственным значением: выражало действие, которое служит целью для совершения последующего или заключительного действия: Temüǰin abura ireba [Ск.ск., § 69] "Прибыл, чтобы забрать Тэмуджина"; ...uridu qad=tur inu taqir=a iregsen aǰuγu [НС, 14 a] "...пришли, чтобы совершить жертвоприношение прежним ханам"; Činggis-qahan...Qasar=i barira odua'su Güčü Kököčü qoyar Qasar=i barira odba [Ск.ск., § 244] "Когда Чингис-хан отправился, чтобы изловить Хасара, Хучу и Хохочу также отправились ловить его"; ...bida beyes=iyen Činggis-qahan=a güčü ögüre ireba [Ск.ск., § 149] "..мы прибыли, чтобы отдать себя на службу Чингис-хану".

Деепричастие на =run / =rün . Эта форма в монгольском языке занимает особое место. Во-первых, она употреблялась только в письменных монгольских текстах, как ранних, так и классических и совершенно не известна живой, разговорной речи, а в современном языке лишь изредка встречается в произведениях эпистолярного жанра, где она образована от основ некоторых речевых глаголов и всегда предворяет прямую речь. Во-вторых, не совсем ясно ее про-

исхождение. Она то отождествляется с формой родительного падежа имен на =r , то с деепричастием на =n от тех же имен на =r.

Мы придерживаемся мнения, что эта деепричастная форма только внешне совпадает с формой родительного падежа на =un , но генетически, скорее всего, связана с формой слитного деепричастия на =n , ибо родительный падеж, как известно, осуществляет грамматические связи между именами. Деепричастная же форма на =run употребляется не однозначно: от предворения прямой речи до выражения временных, причинных и прочих синтаксических отношений в сложных предложениях.

В древних текстах, как и в классическом монгольском языке, эта форма употреблялась довольно часто и образовывалась не только от речевых, но и от многих других глагольных основ [Орловская, 1985, с. 80-86].

Одной из распространенных функций этого деепричастия является предворение прямой речи, откуда она и получила свое название "цитатное деепричастие", например: ...ilčin=iyer očiǰu iler=ün II qan=u čerigüd Misir=un ǰuγ mörilabasu bide ber endeče mörilaǰu qamsay=a kemen... [УМУДБ, с. 37-38] "...через посла отправил донесение: «Если войска Ил-хана отправятся в сторону Мишира, и мы отправимся отсюда и присоединимся»"; ... köbegüd=iyen iregülǰü geriyes üge talbir=un, ta nasuda uruγsi... uridus=un sayin ner=e=yi buu γutuγadqun... [Cl., 1362, с. 64] "... [он] призвал своих сыновей и дал наставление (завещание): «Никогда не позорьте добрые имена своих предков»"; mön Indu... köbegüd=iyen söyün surγar=un ta köbegüd nasun üčüken ali be ǰobalangud=i es=e üǰebei [Cl., 1362, с. 65] "Этот самый Инду наставлял своих сыновей: «Вы, сыновья, в детстве не видели никаких страданий»"; Kongvusi ügüler=ün ene taqimdaγu törü kemebesü... [НС, 11a] "Конфуций сказал: «Что касается этих правил почитания, то...»"; Činggis qahan ǰarliq bolurun Ong-qan=nu de'ü ǰaqa Qambu ǰirin ökit aǰu'u [Ск.ск., § 186] "Чингис-хан издал указ (произнес): «У младшего брата Ван-хана Джаха-хамбу есть две дочери»".

Однако, это не главная и не единственная функция этого деепричастия в ранних текстах. Пожалуй, самой распространенной оказалось употребление этой формы для обозначения сказуемого части сложного предложения с временным значением, например: tende Jamuq=a Ong-qan=lu'a qamtu gödölülüǰü yaburun Ong-qan=a Jamuq=a ügülerün [Ск.ск., § 160] "Там, когда Джамуха и Ван-хан ехали вместе, Джамуха сказал Ван-хану"; teǰigen tabiγlar=un bayasqaγulqu=yi erkilegdekü [НС, 21 б] "Когда [сын] служит своим родителям, кормя [их], [он] должен доставлять [им] радость"; ečige=yügen kündüler=ün tngri=dür tenggečen taqiqui=ača degedü ügei [НС, 17 a] "Когда почитают своего отца, ничего нет выше жертвоприношения [ему], наравне с Небом";

...aduγun=i eyin ǰoqis=iyar öskegülür=ün mön nasu büri ügüier=ün [Ci, 1338, c. 53] "...когда таким образом заставлял увеличить число табунов, он также говорил каждый год..."; Yisüngke ondutur=un qurban ǰaqud qučin tabun aldas=tur ondutlq=a [УМҮДБ, с. 4] "В то время, когда Есунке стрелял из лука, [он] выстрелил на триста тридцать пять саженей"; Bodistv ögüler=ün: törör=ün γaγčaγar töröyü: ükür=ün γaγčaγar üküyü [ТД 36, F 24 v] "Бодхисатва сказал: «Когда рождаются, рождаются ведь в уединении, когда умирают, умирают ведь наедине»"; ǰa'ura odurun ba irerün ba gü'ün=ne es=e üǰekdeba [Ск.ск., § 145] "По пути, ни когда отправлялся, ни когда возвращался, не был замечен людьми ".

Кроме того, этой деепричастной формой обозначалось действие, которое могло служить целью или причиной другого действия: ay=a köbegün=iyen amin=i aburar=un ken=dür ǰalbarin öčisügei bi [ТД 46, F 37 r] "О, кому мне поклониться, чтобы спасти жизнь своему сыну"; ene ayain imayi wungsinglar=un... ner=e soyurqaǰu öggüged... [Ci, 1362 , c. 63] "По этому случаю [Император], чтобы посмертно отблагодарить его..., пожаловал титул ...".

Довольно часто форма на =run употреблялась в качестве сказуемого и не только части сложного предложения, но и всего предложения в целом: egečimet inu Ibaqa-beki=yi Činggis-qahan ö'esün aburun döyimet Sorqaqtani-beki-yi Tolai=ya ökba [Ск.ск., § 186] "Старшую Ибага-беки Чингис-хан взял себе, младшую Сорхагтани-беки отдал Тулую"; ...aman qabar čikin=ü nüked=eče ber aγur yabuqu usadču: deger=e tolaγai=ber γarurun [ТД 46, F 36 v] "...дыхание перестало идти через рот, нос, ушные раковины, [вместо этого] пошло через верх головы"; ...buluqat keremün qudalduǰu abura ayisurun Balǰuna usulan oroqui=tur učiraba [Ск.ск., § 182] "...отправились, чтобы закупить соболей и белок и встретились когда поили коней [в озере] Балджун".

Форма на =run от глагола bü= "быть" передавала значение "что касается": Jigüntei bürün [Cl., 1338, c. 54] "Что касается Джигунтей'я..."; Qorum bürün [Cl., 1346, c. 27] "Что касается Хорума"; Kereyid=ün Ong-qahan bürün... unda Yisügei qan=iu'a anda ke'eldüksen aǰu'u [Ск.ск., § 150] "Что касается кереитского Ван-хана..., то прежде он назывался побратимом с Есугэй-ханом". В таком употреблении эту форму можно сравнить с функцией bolbasu (форма условного деепричастия от глагола bol= "становиться"), когда она употребляется в качестве показателя подлежащего или выделяет тот или иной член предложения.

Несколько необычным представляется употребление форм на =run в начале предложения, когда она определяет стоящее после него слово: qarurun naran sara=yin kili=yer sira noqai metü šičabaiǰaǰu qarqu büle'e [Ск.ск., § 21] "[Тот человек] выходил бывало, заискивая

точно желтый пес, на рассвете (досл.: на границе восходящего солнца и луны)". Ср. в переводе этого текста на совр. монг. язык: гарах нар сарны хилээр... "на границе восходящего солнца-луны" [МНТ, 57, § 21]. Само по себе употребление этой формы в начале предложения не представляет ничего особенного, когда она указывает на время действия. Определительная же функция деепричастиям не свойственна. Это говорит о том, что эта форма по своим функциям отличается как от деепричастий I, так и деепричастий II не только своим происхождением, так и употреблением.

Поскольку она не известна живым монгольским языкам, правомерно предположить ее заимствованный характер. Заимствование ее произошло, видимо, под тюркским влиянием и скорее всего одновременно с введением уйгурского письма. Поэтому и сферой применения этой формы был письменный язык, а в живом разговорном языке она заменялась другими глагогльными формами, обыкновенно формами окончательными [Котвич, 1902, с. 115].

По мнению В.Л.Котвича форма на =r - это особая глагольная форма, возникшая в тюркских и тунгусских языках. "Первоначальное значение этого суффикса стерлось, и в разных языках он служит для образования разных форм, которые только более или менее точно определяют время или какую-нибудь другую категорию глагола. Чаще всего суффикс =r образует формы настоящего, ближайщего будущего или же недавнего прошлого времени. Они имеют характер причастий, но могут выступать и в качестве изъявительного наклонения глагола" [Котвич, 1962, с. 276-277]. В монгольских языках этот суффикс =r обнаруживается двояко: в форме деепричастия на =r=a и в форме на =r=un.

В заключение отметим, что количество деепричастий II в древних монгольских текстах было значительно меньше, чем в современном и даже в классическом. В классическом монгольском уже существовало уступительное деепричастие на =bču, а в современном языке авторы насчитывают до семьнадцати различных деепричастных форм [А,Шарху , 1970, с. 19-20].

Наречия

В монгольских языках, как и во многих других, наречие является весьма сложной для описания частью речи. По мнению многих лингвистов наречия по сравнению с другими частями речи - категория более позднего образования, весьма разнообразная по происхождению и составу, в то же время подвижная и изменчивая, лишенная собственных словоизменительных и в большинстве случаев словообразо-

вательных средств. Кроме того, выражая признак признака, они семантически сближаются с обстоятельственными формами других частей речи.

За исключением небольшого количества собственных словообразовательных суффиксов единственным формальным признаком наречий в монгольских языках остается их неизменяемость. Однако этот признак служил и основанием для включения в состав наречий других неизменяемых классов слов, либо самих наречий в состав этих классов. Поэтому, начиная с самых ранних грамматических исследований по монгольским языкам, наречия получили разноречивую характеристику. Они то выделялись в самостоятельную часть речи, однако с чрезвычайно широкими рамками, куда включались и все прочие разряды слов, не относящиеся к именам и глаголам, то сами включались в разряды частиц.

Сейчас можно считать, что проблема наречий как самостоятельной части речи снята, хотя в грамматических и специальных монографических описаниях этой части речи еще имеются расхождения как в их определении, так и в составе.

Несмотря на то, что наречия рассматриваются ныне как самостоятельная лексико-грамматическая категория, наделенная своими семантическими, морфологическими и синтаксическими признаками в их разряды нередко включаются звукоподражательные слова, качественные прилагательные, деепричастные формы, падежные формы имен.

Конечно, в живом языке существует непрерывный с исторической точки зрения процесс перехода одних частей речи в другие: изменяемых в неизменяемые, знаменательных в служебные. И он особенно наглядно проявляется в образовании наречий, так как многие из них возникли и продолжают возникать на базе слов других разрядов и поэтому в ряде случаев они формально (внешне) совпадают со словами других частей речи, особенно с некоторыми падежными формами имен существительных. Однако падежные формы наречий представляют собой парадигматически неполноценные, обособившиеся и изолированные формы, закрепившиеся в значении и функции наречий. В данном случае происходит качественный сдвиг в значении словоформы. Она выпадает из словоизменительной парадигмы, наполняется новым содержанием и становится грамматическим омонимом по отношению к соответствующей именной форме. Это же касается и некоторых глагольных форм, превратившихся в наречия.

Непроизводные наречия

Хотя наречия и считаются категорией позднего образования, однако это относися лишь к производным на базе других частей речи наречиям, сравнительно недавнего образования. Что же касается непроизводных, то их происхождение относится к далекому прошлому и уходит в историческую глубину, о чем свидетельствуют и самые ранние памятники монгольской письменности.

К древнейшим наречиям, многие из которых известны и современным языкам, относятся те, которые состоят из морфологически неразложимого корня, а также те, которые с точки зрения современного языка неразложимы, но исторически в них можно выделить корни и словообразовательные морфемы.

К числу морфологически неразложимых относятся: sayi "недавно", masi "очень": masi turubai [ТД 47, F 38 v] "очень похудел", sača "одновременно, немедленно, сразу": ...tegün=i sonosuγad sača... tngri=ner=ün ökid=iyer kürüyelegülǰü ireǰü... [ТД 46, F 37 r] "...услышав его, немедленно пришла, окруженная дочерьми божеств"; ödter "быстро, немедленно": ödter ödter qaγalγas=iyan qaγalaǰu... [ТД 38, F 26 v] "Приказал быстро-быстро закрыть свои ворота..."; basa "снова, опять": qoyina basa iγduriγulǰu... [Cl., 1338, c. 54] "Потом снова повысил [его] по службе ...".

В доклассических текстах использовалось наречие munda "сейчас, теперь"; "поэтому" [Ск.ск., §§ 147, 149, 201; Cl., 1362, c. 65], не употребляемое в современном языке и не разложимое на его почве.[11]

Оно же, как отмечал В.Л.Котвич со ссылкой на Г.И.Рамстедта, зарегистрировано и в языке моголов Афганистана в парном употреблении со словом ende "здесь" [Котвич, 1962, с. 156-157]. Наречие мунда со значением "тут" зафиксировано и в тюркских памятниках XIV в. [Файзуллаева, 1969, с. 17].

В.Л.Котвич возводит его к тюркскому указательному местоимению bu "этот", варианты которого bun=/ /mun=/ /mïna проникли в монгольский язык и получили распространение в ряде словарных форм [Котвич, 1962, с. 156].

---

[11] Наречие munda зафиксировано и в тексте "Двенадцать деяний Будды" [ТД 48, F 40 r]. Н.Поппе перевел его как "однако", "тем не менее", "но", "сверх того" [с. 98].

В "Сокровенном сказании", в китайско-монгольских надписях 1335 и 1362 гг. встречаются сочетания mön-e(mön) qoyina, mona qoyina, переводимые "в будущем" и "навсегда" или, как предлагал В.Л.Котвич, "теперь и в будущем": mon mon=a qoyina sayin ner=e tanu egürede aldarsiγuldamui [Cl., 1362, c. 65] "Навечно (досл.: сейчас и потом) и навсегда прославит ваше доброе имя". Сопоставление параллельных с "Сокровенным сказанием" мест текста "Алтан тобчи" дает основание считать, что mön в АТ употреблялось и в значении munda [Орловская, 1984, с. 185], т.е. mön / mün имело широкий круг значений, в том числе и значение "именно", "собственно". В связи с этим отметим, что в современном калмыцком языке сочетание мин /минь ода обозначает "именно теперь, сейчас, только что" [РКС, 1964, с. 638; КРС, 1977, с. 393]. А в бурятском языке имеются наречия мүнөө "сегодня; сейчас, теперь", мүнөөдэр "сегодня" [БРС, 1951, с. 324].

Производные наречия

В прочих наречиях можно выделить характерные для них словообразовательные морфемы, нередко восходящие к падежным окончаниям.

Суффикс =γar / =ger / =bar по происхождению - древний вариант окончания орудного падежа *=γar / =bar / =iyar < *=iγar. Наречия с этим суффиксом довольно многочисленны и обозначают место: qotolaγar "повсюду" < qotola "весь, все; везде"; köbegüd uruγ činu qotolaγar kereglegdeǰü... [Cl., 1362, c. 68] "Сыновья и внуки твои повсюду будут использованы на службе..."; время: manaγar "завтра" < manan "туман", ср. mana=qu "восходить (о солнце)". Значение "завтра", вероятно, связано с утренним туманом и восходом солнца: ...üde manaγar... oran γarun yabuǰu asaraγdaγad... [Cl., 1362, c. 67] "...[ему] было разрешено входить утром и вечером" (в данном случае manaγar мы переводим "утром", т.е. "завтра с наступлением утра", üde более точно "полдень").

Наибольшее количество таких наречий употребляется со значением образа действия: γaγčaγar "одиноко, в одиночестве" < γaγča "одинокий, единственный": γaγčaγar saγuǰu sedkisügei kemen [ТД 26, F 8 v] "Сказал: «Я останусь, живя в одиночестве»"; alγučaγar "медленно, тихо" < alγuča, ср. maγuča "плохо", maγu "плохой, плохо": alγučaγar erdini toor=i ergüǰü... [ТД 32, F 18 v] "медленно поднимал

драгоценную решетку (сеть)"; qalaγar "неизбежно" < qala (возможно, "жизненный опыт"): qayiran sayid=ača qalaγar erke ügei qaγačaγuldaǰu... [ТД 24, F 5 v] "...будучи непременно и неизбежно отлучен от любимых..."; ǰergeber "по-порядку" < ǰerge "ряд, степень, чин": edüge... uridus=un iǰaγur barilduǰu iregsen=i ǰergeber ügüley=e [Cl., 1362, с. 62] "сейчас я расскажу по-порядку, как поколения предков следовали друг за другом ".

В ранних текстах немало наречий, образованных посредством варианта суффикса орудного п. =iyar/=iyer: ǰoqis=iyar "соответствующим (надлежащим) образом" < ǰoqis "подходящий, подобающий": üile=yi ǰoqis=iyar bolγan qadaγalaγad... [Cl., 1338, с. 54] "...соответствующим (надлежащим) образом хранил дела..."; delger=iyer "повсюду" < delger "обширный, широкий, пространный" ...delger=iyer irgen=ü ǰoriγ=daγan čidaγči ken ǰ=a aqu [НС, 27 a] "кто сможет повсюду следовать чаяниям своего народа ?"; ǰugiyer[12] "наилучшим (честным) образом" < ǰüg "обычный, приемлемый"; ...Sartaγčin ayan ayalan yabuǰu ǰub ǰugiyer küčü öggün... [Cl., 1362, с. 62] "отправившись в поход против сартагчинов, служил самым честным образом ".

Отметим, что такой способ образования наречий продуктивен и в современном языке и, как видим, здесь это не новое явление, а заимствовано из древнего языка.

Суффикс =si / =γsi. Наречия с этим суффиксом, как правило, указывают на направление, место, реже - время действия: uruγsi "вперед, впереди" < *uru= ср. urudu "передний"; činaγsi "дальше, назад; в ту сторону"; < *čina=, ср. činadu "находящийся по ту сторону"; dotoγsi "внутри" < *doto=, ср. dotora "внутренность, внутри"; emünegsi "в южном направлении" < emüne "юг, южное направление"; ümegsi "в северном направлении": ümegsi odbasu... [Cl., 1335, с. 75] "когда отправился в северном направлении..."; < *üme=, ср. umar "север"; degegsi "вверх" < *dege=, ср. degere "на; наверху"; manaγarsi "завтра" < manaγar "завтра"; üdesi "поздно, вечером" < üde "полдень".

К многим наречиям на =si / γsi присоединяется дополнительный суффикс =da: dotoγsida "во внутрь": ebesün=ü üǰügür=i dotoγsida qanduγul=un debisčü... [ТД 56, F 51 r] "[Он] расстелил траву, повернув верхушки ее во внутрь..."; emünegside "в южном направлении": ülemǰi masi ayuǰu emünegside buruγudbai [ТД 63, F 58 v] "[Он] очень испугался и бежал в южном напрвлении"; činaγsida "дальше, в том направлении": ... činaγsida türgen=e odbasu... [ТД 38, F 27 r] "...когда быстро от-

[12] ǰug вм. ǰüg - обычная орфография в текстах XIV в

правился дальше (в том направлении)"; uruγsida "впредь; в будущем"; ...uruγsida düri dürsü bolγaǰu... [CI., 1362, с. 67] "...сделав впредь образцом ".

Суффикс =da / =de кроме вышеуказанных наречий присоединяется и к другим основам, например: urida "прежде, раньше" < *üri: Qorum bürün urida Ön čang luu neretü čölge bülege [CI., 1346, с. 71] "Что касается Хорума, то прежде это была пустыня под названием Ön čang luu"; masida "очень": < masi "id"; ...kümün=ü duran=i masida soruγči... [ТД 25, F 7 v] "...очень притягивающие симпатии людей"; nasuda "навечно, навсегда" < nasu "возраст": tegünčilen nasuda noyalaqu nereber ayu [HC, 5 a] "...поэтому навсегда сохраняет княжеское звание"; yekede "очень" < yeke "большой; много; очень": yekede čimeǰü... [ТД 25, F 8 r] "очень украсил"; anggida "отдельно" < anggi "часть; отдельный": ...anggida öber=e qamiγ=a odbai či [ТД 39, F 28 r] "...ты куда сам отдельно отправился?"; nögögede "в другой, во второй раз" < nögöge "другой"; ...nögögede ničun ülü üiledkü bi [ТД 49, F 40 r] "...я не вернусь в другой раз"; qataγuda "твердо, строго, прочно" < qataγu "крепкий, твердый; жесткий"; ulus=un üile=yi qataγuda es=e urγuilabasu... [HC, 18 б] "...если твердо не укреплять государственные дела..."; egüride "навечно, навсегда" < *egüri=: sayin ner=e tan=u egüride aldarsiγuldamui [CI., 1362, с. 65] "Прославит навечно славное имя ваше"; urtuda "долго; навсегда" < urtu "долгий": urtuda üiledügsen=iyer... [C1., 1362, с. 68] "в результате того, что долго исполняли ...".

В таких широко распространенных как в древнем, так и в современном языке наречиях, как ende "здесь" < *en+de, tende "там" < *ten+de (tende в древних текстах нередко употреблялось и в значении "тогда": tende Čanaka qaγan=a öčirün: [ТД 38, F 27 r] "тогда Čanaka почтительно сказал хану..."); urida "раньше, прежде" < *uri+da; egüride "навечно, навсегда" < *egüri+de также можно выделить корневые морфемы и суффикс =da/=de. Среди них интерес представляет лексема ǰilda "поздно, вечером; вечер". Она не известна в современном языке, но зафиксирована в древнем: erte ǰilda ülü osuldan [HC, 7 б] "Не допуская оплошности утром и вечером". Ср. в "Сокровенном сказании": ǰilda boldaǰu manaγar qatqulduya [§ 142] "Уже поздно, сразимся завтра". При переводе этого предложения на современный монгольский язык Ц.Дамдинсурэн заменил ǰilda словом удэш "вечером" [МНТ, 1957, § 142].

Многие из подобных наречий употребляются с суффиксом исходного падежа =ča/=če и представляют собой застывшие, изолированные в качестве наречий словоформы: uridača "издавна, с древних времен" ... basa uridača ǰug=iyer küčü ögügsed... [CI., 1335, с. 71]

"...также с древних времен служил наилучшим образом"; endeče "отсюда": endeče möreleǰü (вм. morilaǰu - MO) [УМУДБ, с. 37-38] "Отправились отсюда"; tendeče "оттуда"; нередко и "тогда", "после того": tendeče bodisdv sonosqui=a sayiqan üge=ber ögüler=ün [ТД 35, F 23 r] "Тогда Бодхисатва ответил прекрасными на слух словами"; tendeče basa nigen čaγ=tur tegünčilen öröne=dü qaγalγ=a=bar γarču odqui=dur... [ТД 27, F 9 r] "После того еще однажды точно также, когда он вышел через западные ворота ...".

От уменьшительной формы tende - tendeken посредством суффикса местного падежа =a/=e образованы наречия: tendeken=e, которое в наших примерах имеет временное значение "только тогда"; ...tendeken=e büged bodisdv čanak=i uriǰu ögüler=ün [ТД 32, F 19 r] "...только тогда Бодхисатва пригласил Чанаку и сказал": ...uridas=un sür sünesün mön tendeken=e ilegü uqaǰu ene bui [НС, 33 б] "...только тогда также лучше понимают величие души предков"; tügem=e "полностью, вполне" < tügem - отглагольное имя на =m < tüge= зд."заканчиваться, завершаться": tügem=e dügüreng bolǰu... [НС, 5 а] "будучи полностью наполненным ...".

Посредством этого древнего окончания местного падежа образован ряд наречий образа действия от имен на = tai / =tei: temdegtei=e "замечательно, превосходно" < temdegtei "замечательный": ...temdegtei=e küčü öggügsen=i siltaγabar... [Cl., 1362, c. 64] "...по причине того, что превосходно служил"; belgetei=e (иногда belgetüi=e) "многозначительно, заметно" < belgetei / belgetüi "приметный": ...qaγan eǰen manu Oron=i ene metü belgetüi=e soyurqan küčü öggügsen ǰerge=yi inu... bičigüǰü [Cl., 1362, c. 67] "... наш хан-государь велел сделать надпись в честь Орона, [так как он] замечательно и с почтением служил... "; Jigüntei degedüs=e ǰüg=iyer belgetei=e küčü öggügsen=ü tula... [Cl., 1338, c. 55] "...так как Джигунтэй надлежащим образом и замечательно служил Императору". Изредка основой служили прилагательные на =msiγ: γayiqamsiγ=a "великолєпно, величественно" < γayiqamsiγ "удивительный, великолепный": ...sildegen=dür=i γayiqamsiγ=a bosqaγu amu [Cl., 1362, c. 68] досл.: "...в селении великолепно воздвиг ".

Суффикс =ta / =te присутствует в ряде наречий, причем у некоторых из них основа (корень) не сохранили самостоятельного значения, как например: erte "рано", которое можно разложить на er [ср. чув. ir "утро" - Рамстедт, 1957, с. 43] + te формант, как правило, присутствовавший в наречиях, обозначающих время и образ действия: ... erte bosqui=dur üdesi untaqui=dur [НС, 9 б] "когда рано встаешь и поздно ложишься спать"; ilete "ясно, отчетливо" < ile "ясный, явный, отчетливый"; ta ilete meden bögötele... [ТД 32, F 18 v] "хотя вы ясно

сознаете..."; genedte "вдруг, неожиданно" < gened+te: genedte seriǰü bosču... [ТД 37, F 26 r] "вдруг пробудился и встал ".

Интерес представляет наречие egenegte, ср. e'enekče [Ск.ск., § 165]. Оно несколько раз встречается в [Cl., 1362, сс. 63, 65, 67], зарегистрировано в словарях О.Ковалевского [I, 229 б] и К.Ф.Голстунского [I, 139] со начением "точно, совершенно, действительно, на самом деле". Эти же значения приведены и Б.Я.Владимирцовым в его Грамматике [с. 205]. Ф.В.Кливс считает, что значение egenegte в надписях XIV в. "синонимично значению e'enegče в "Сокровенном сказании", которое переведено С.А.Козиным как "только, исключительно" [Козин, 1941, с. 445]. В своем переводе текста на английский язык Cleaves предпочел перевести egenegte как "especially": ...egenegte uidqari ügei üǰügülen küčü öggügseber ayin soyurqaγdabai ǰ=e [Cl., 1362, с. 67] "...особенно, когда он без устали служил [Императору] и был таким образом отблагодарен"; ...egenegte degedüs=e ačilan küčü ögkü=yi... masi sayisiyaγdaγsan aǰuγu [Cl., 1362, с. 63] "...особенно за то, что с благодеянием служил Императору, был весьма поощрен ".

Это наречие имеет и значение "всегда", "постоянно", "вечно". Поэтому в вышеприведенных примерах перевод мог быть несколько иным, а именно: в первом предложении: "В результате того, что он всегда без устали служил [Императору], был хорошо отблагодарен", а во втором: "за то, что всегда с благодеянием служил Императору, был весьма поощрен". Отметим, что акад. Ц.Дамдинсурэн в переводе "Сокровенного сказания" на современный язык вместо e'enekče употребил наречие ямагт "всегда, постоянно", также принадлежащее к древним наречиям: ...amitan=i imaγta... ǰokiyabai či [ТД 22, F 4 r] "...ты всегда сотворял живые существа". Наречие egenegte (в современной орфогр. эгнэгт) существует и в современном монгольском языке в значении "навсегда, навеки, вечно; всегда" [МРС, с. 665].

Посредством суффикса =ta / =te образуются наречия и от некоторых числительных: nigen / niken "один" > nigente / nikente "однажды": amin minu nikente a/b/ču qarulu'a či [Ск.ск., § 145] "Ты однажды вернул мне жизнь"; ulus minu nikente aburaǰu ökba [Ск.ск., § 164] "[ты] однажды уже спас мое государство ".

Посредством суффикса =de образовано наречие nögögede "вторично", "в другой раз" < nögöge "другой, иной": nögögede ničun ülü üiledkü bi [ТД 49, F 40 r] "Вернувшись в другой раз, я не поступлю (сделаю) так".

Суффикс =r=a / =r=e. К наречиям с этим суффиксом относятся: degerе "наверху, вверху" < *dege=, ср. degegsi "вверх", door=a / dour=a "внизу" < *doo=/dou= ср. doγuγsi "вниз"; dotora "внутри" < *doto=, ср. dotoγsi "внутри"; ǰaγur=a "по пути"; "в промежутке" < ǰaγur=

со значением "промежуток"; ödter=e "быстро, сразу, немедленно" < *odter=. Однако по происхождению подобные наречия могли быть и именами на =r в местном падеже на =a/=e [Poppe, 1964, с. 59]. Примеры: deger=e bolǰu erkeben ǰaγabasu bürelüγü. door=a bolǰu samaγu üile egüsgebesü aldal=dur oruyu [НС, 22 б] "Если будучи наверху (т.е. занимая высокий пост) будешь возносить свои права, погибнешь. Если будучи внизу, будешь устраивать смуты, впадешь в оплошность"; ...ödter=e odumui uruγu türgen=e urusqui usun metü [ТД 23, F 4 v] "...это проходит сразу, как быстро текущая вниз вода"; ǰaγur=a berke čöl=nuγud=i[13] tuγuluγad... [Cl., 1362, с. 64] "По пути преодолевали трудные пустыни...".

Суффикс =na / =ne образует, как правило, локальные наречия: emün=e "вперед, впереди" < *emü= : emün=e ireǰü... [ТД 55, F 49 v] "прошел вперед"; qoyin=a "позади", "потом, после" < *qoyi= , ср. qoyitu "сзади, на севере": qoyina basa iγduriγulǰu ... [Cl., 1338, с. 54] "Потом он снова повысил [его] по службе..."; γadan=a "снаружи" < *γada= , ср. γadaγadu "наружний, внешний"; γadan=a Gün Mören neretü sildegen=dür=i γayiqamsiγ=a bosqaǰu amu [Cl., 1362, с. 68] "Снаружи (вне) селения под названием Гун Мурэн возвели величественную гробницу"; čiγan=a "сзади, на дальней стороне" < *čiγa=, ср. в современном языке цаана "дальше, по ту сторону". От čiγan=a существует форма исходного п.: čiγanača "оттуда": ...činaγsida türgen=e odbasu čiγanača nigen tngri=yin köbegün ... oγtaγui=bar odqui=yi üǰeǰü ... [ТД 38, F 27 r] "Когда они быстро отправились дальше, то увидели сына божества, уходящим оттуда в Небо...".

Суффикс =γun / =gün присоединялся к наречиям со значением места: dergedegün "рядом" < dergede "id" ; dergedegün bükün irgen [ТД 48, F 38 v] "люди, находящиеся рядом"; γadaγun "снаружи" < *γada= , ср. γadan=a: oyiraγun "вблизи, поблизости" < oyir=a "близко"; oyiraγun orčin bayiqun sakiliγ=ud... [ТД 39, F 28 r] "...säkyas, которые находились поблизости и рядом ".

Суффикс =ru /=rü встречается в немногочисленных наречиях типа asuru "весьма, очень" < *asu=: asuru aγuliqan olan čiγulbasu ber... [ТД 59, F 55 r] "хотя собралось много очень напуганных..."; это же наречие встретилось и в уменьшительной форме asuruqan: nigen tngri asuruqan mani enel=ün sinal=un γasul=un ögüler=ün... [ТД 35, F 22 v, 23 r] "Божество очень сокрушалось и, жалуясь и плача, сказало: ...". Н.Поппе отмечал наречие tedrü "напротив, наоборот" < *ted= [Poppe, 1964, с. 50].

---

[13] =nuγud вм. nügüd - особенности орфографии.

Суффикс =tur также зафиксирован в единичных случаях: sayi-tur "хорошо, хорошенько' < sayi=, ср. sayin "хороший": ulus=iyan sayitur ǰarčimlaǰuγu [Cl., 1362, с. 67] "[Он] хорошо управлял своим народом". От sayi образовано наречие и посредством суффикса =bar: sayibar "хорошо, прекрасно, наилучшим образом, изящно, грациозно": suu=tu Činggis gaγan=u er=e=yi ülü ǰobaγan, aγta=yi ülü kölörgen sayibar oroǰu küčü öggügseber... [Cl., 1362, с. 63] "Продолжал служить [Чингис-хану].... наилучшим образом, не заставлял людей Чингис-хана страдать и не вгонял в пот его коней ".

Суффикс =γa / =ge образует наречия места и времени": edüge "сейчас, теперь" < *edü=, ср. edüi ; keǰiye < *kedige "когда" < *kedi=, ср. kedüi; γadaγa "снаружи вне" < *γada=, ср. γadan=a; qamiγ=a "где, куда" < *qami=. Некоторые примеры: ...aldar čab=iyan qamiγ=a ülü uqaγdayu [НС, 33 б] досл.: "где может быть не понятой его слава и известность?"; Контекстуально qamiγ=a могло иметь значение и "как?", "откуда?": Šim uqaγ=a ügei qamuγ=a uqaqu [НС, 1 б] "Откуда (как) лишенный смышленности (непонятливый) Шима может знать?".Частица ba придавала этому наречию усилительное значение: üges=iyen delekei deger=e qamiγ=a ba ügülebesü ber gem ügei boluγad... [НС 7а] "Где бы в мире не произносили [их] слова, вины [их] не будет"; edüge... Oron=u uridus=un uǰaγur barilduǰu iregsen=i ǰergeber ügüleye [Cl., 1362, с. 62] 'Сейчас я расскажу по порядку, как [разные] поколения Орона... наследовали друг друга"; ...umartaqu üdür keǰiy=e bolqu [НС, 35 а] "...когда наступает день забвения ".

Суффикс =gü можно выделить в наречиях esergü "навстречу, напротив" < *ese=r=, gedergü "навзничь, назад; обратно" < *geder=, ср. gede=yi= "выгибаться назад"; ǰarim=ud anu gedergü unaǰu alǰiyaqun [ТД 31-32, F 17 v] "Некоторые из них лежали навзничь (упав навзничь) и были утомлены"; ...uru'ut mangγut esergü dobtolǰu ǰirgin=i darubai [Ск.ск., § 171] "...уруты и мангуты выступили навстречу и подавили джиргинов"; ülegü / ilegü "слишком, свыше; лучше" < *üle= / ile=: ...uridus=un sür sünesün mon tendeken=e ülegü uqaǰu ene bui [НС, 33 б] "...тогда также лучше понимают величие и души предков"; ta qoyar nama tebčiǰü ile'ü'ü gesü ke'ele'ei ta [Ск.ск., § 179] "Говорят: «Вы двое меня избегаете и слишком отворачиваетесь»".

Суффикс =ǰi присутствует в наречиях степени и образа действия: ülemǰi "очень, значительно, более" < *ülem=: ülemǰi masi turabai [ТД 47, F 38 v]."Чрезвычайно отощал"; ...ülemǰi masi ayuǰu emünegside buruγudbai [ТД 63, F 58 v] "...весьма и очень испугался и бежал в южном направлении"; ürgeǰi "постоянно, непрерывно, всегда" < *ürgel= : eldeb quγur daγun=i ürgeǰi tasural ügei üiledkebei [ТД 25, F 7 v]

"приказал постоянно и непрерывно играть на хуре (музыкальный инструмент - МО) различные мелодии ".

Незначительное число наречий соотносительно с глагольными формами. Это - bayin "постоянно, время от времени" - форма слитного деепричастия на =n от глагола bayi= "быть, находиться": ...batu qatayu mod ber bayin minu kiligsen=iyer qayaran bögetele ... [ТД 61, F 57 r] "...в то время как даже крепкие и твердые деревья постоянно расщепляются от моего взгляда". В современном языке эта форма употребляется преимущественно в парном сочетании: байн байн "периодически, то и дело, время от времени" и, как видим, утратило лексическую связь со значением маркирующего глагола. Другим подобным наречием является orčin "вокруг, около, поблизости" < orči= "вращаться, кружиться": ...orčin inu qoriyan nödüǰü qoyar dabqur ǰergeber γurbaγad qaγaɬγa=tu boɬγaǰuγu [Cl., 1346, с. 69] "...соорудив вокруг огороженное место, [они] заставили построить (создать) по трое ворот в два параллельных яруса (возможно, и "двойную ограду" - МО)"; udaγaran "немедленно, безотлагательно" < udaγara= "следовать"[14]: ...udaγaran basa kü ... ner=e nemeǰü... [Cl., 1362, с. 64] "...немедленно снова добавил звание ...".

Глагольное происхождение имеет и наречие darui "тотчас, сразу, немедленно" < daru= "давить, жать, прижимать". Устаревшая глагольно-именная форма на =ui сохранилась только в данном слове, да еще в архаичном глаголе ayisui "приближается"; ... darui ... ner=e nemeǰü ... [Cl., 1362, с. 65] "...тотчас добавил звание...". В текстах XIV в. это наречие встречается и в усеченной форме daru: γal γarbasu daru deger=e türidčü oduyu [ТД 24, F 6 r] "Хотя огонь появляется, но немедленно (тотчас, вскоре) прекращается (досл.: уходит вверх)". На глагольно-именное происхождение наречия darui указывает и его форма darui=dur, где =dur - формант дательно-местного падежа: ülü udan darui=dur ner=e soyurqaǰu öggüged ... [Cl., 1362, с. 65] "Не откладывая, сразу пожаловал звание ...".

---

[14] По поводу этого глагола В.Ф.Кливс сделал особое примечание, что его не следует смешивать с однозвучным глаголом, зарегистрированным в словаре О.Ковалевского [I, 381 б] со значением "замедляться, задерживаться". Глагол udaγara= со значением "следовать" имеется в тексте "Сокровенного сказания"", где он употреблен дважды [См. Cl., 1362, с. 114 прим. 113].

Парные наречные сочетания и повторы

Одним из способов аналитического словообразования в монгольских языках являются парные слова - сочетания двух (реже - трех) слов, выражающих единое лексическое значение. Такие пары представляют собой неразрывное смысловое целое, значение которого либо вытекает из значения составных компонентов, либо им не адекватно. Не будучи цельнооформленными, они рассматриваются как устойчивые лексические сочетания, представляющие как бы переходную ступень между синтаксической конструкцией - словосочетанием и лексической - сложным словом. Наиболее распространены парные сочетания имен существительных, но имеются они и среди наречий .

1) Сочетания однородных или близких по значению слов: ödür ödür=eče "изо дня в день, ежедневно": ...ödür ödür=eče öbesün nemegdeyü [НС, 18 а] "...изо дня в день сами увеличиваются"; ödter ödter "быстро-быстро": ...ödter ödter qaγaγas=iyan qaγaγaǰu... [ТД 38, F 26v] "...приказал немедленно (быстро-быстро) закрыть свои ворота"; qamtu neyite "совместно", "вместе, сообща": bi ǰ=e Üi Suu bingǰang Oron=luγ=a nigen yamun=dur egüri od qamtu neyite soyurqaγdaǰu üile qadaγalan tüsigdegsen=če bolγabasu... [Cl., 1362, c. 67] "Если я, Уй Суу, исхожу из того факта, что я был облагодетельствован и долгое время совместно служил с Ороном и был посвящен в те же самые дела..."; egün / igün urtuda "навечно, навсегда". Ср. выше egüri od "долгие годы" +urtda "долго": qoyitus uruγ inu ede üges=lyer yabun čidabasu barasi ügei egüri urtuda ölǰei qutuγ bolumu ǰ=a [Cl., 1335, c. 76] "Если его последующие поколения будут в состоянии следовать этим словам, они будут навечно нескончаемо в счастьи процветать..."; ene bayiγuluγsan bii tas igün urtu=da esi boluγad... [Cl., 1338, c. 56] "Эта воздвигнутая [Императором] стела навечно стала поучением..."; nasu ürgülǰi "всегда, постоянно" < nasu: ср. nasuda "вечно, всегда + ürgülǰi "постоянно": ...nasu ürgülǰi sayin üile üiledküi ber... [Cl., 1335, c. 72] "... в результате того, что всегда делал добрые дела"; angqa urida "в самом начале, прежде всего" <angqa "сперва, вначале" + urida "прежде": angqa urida... tüsigdeǰü gü [Cl., 1335, c. 75] "Был назначен в самом начале"; ang türün[15] "прежде всего" (ang: ср. angqa "впервые"

---

[15] У Х.Лувсанбалдана [1961, 2 б] eng türün. Однако представляется правильным замечание Cleaves'a, что в данном случае вместо eng должно быть ang, которое он сравнивает с angqa türün в начале надписи 1335 г. и ang urida в Hua=i i=yü [Cleaves, 1982, с. 86, примеч. 60].

+ türün "прежде, раньше"): taqimdaγu kemebesü ang türün ečige eke=degen tabiγlaqu [НС, 2 б] "Что касается сыновьего почтения, то [это] относится прежде всего к родителям"; derge oyir=a "рядом" < derge "рядом" + oyir=a "вблизи": Način noyan imayi derge oyir=a kesig=tür yabuluγad... [Cl., 1335, с. 72] "Начин-ноян позволил ему служить рядом ...".

Синонимом derge oyir=a является derge čaγada: derge čaγada yabu... [Cl.,1335, с. 75] "быть поблизости (досл.: рядом и в отдалении)"; esergü tesergü "напротив друг друга" < esergü "напротив, навстречу" + tesergü "id": bayasuγsan ǰang=iyar esergü tesergü bayas-qulang=tu üges=i ögüleldübei [ТД 43, F 32v] "В радостном настроении они говорили прекрасные слова друг другу (досл.: напротив навстречу)".

Сочетание противоположных по значению компонентов ende tende "повсюду, везде" < ende "здесь + tende "там"; edüi tedüi "много, большое количество" < edüi "сколько-нибудь" + tedüi "столько, так": ende tende ülü butaran... [Cl., 1338, с. 53] "не рассеиваясь повсюду (не рассыпаясь повсюду); ker-be oron debüsker=tür edüi tedüi burtaγ bolbasu ... [Cl., 1335, с. 72] "Если и было много грязи на постельных принадлежностях...".

Служебные части речи

Послелоги

Послелогами принято считать служебные слова, при помощи которых осуществляется управление именными формами для выражения пространственных, временных и ряда других отношений.

Большая часть монгольских послелогов исторически восходит к знаменательным словам с реальной семантикой, а многие из них и ныне являются омонимами по отношению к полнозначному знаменательному слову. И лишь некоторые не возводятся и не соотносятся со знаменательными словами.

Важным критерием для отнесения послелогов к разряду служебных слов является несамостоятельность исходного знаменательного слова как члена предложения в результате его грамматикализации в определенных синтаксических конструкциях. Вместе с тем степень абстрагирования знаменательного слова от своего лексического значения бывает различной, и послелог, будучи служебным словом, сохраняет ту или иную степень соотнесенности с реалиями

через посредство соответствующего знаменательного слова. Иначе говоря, послелоги имеют опосредованную соотнесенность с реалиями [Орловская, 1984, с. 192].

Особенно интенсивно категория послелогов пополняется за счет наречий, в результате чего в языке существуют пары лексико-грамматических омонимов. Но при этом изменяется не только синтаксическая функция или синтаксические связи знаменательного слова, каковым является наречие, но и семантика, которая приобретает при этом абстрактный характер. Если наречия обозначают денотаты реальной действительности, послелоги лишены конкретного вещественного значения, а в предложении выражают лишь отвлеченные субъектно-объектные отношения в сочетании со знаменательными словами.

Утрата наречием вещественного значения и изменение при этом его синтаксической функции переводит его в разряд послелогов. Это явление распространено во многих языках мира и монгольские языки не представляют в этом отношении исключения.

По степени грамматикализации знаменательных слов послелоги мы делим на: 1) собственно послелоги, т.е. те, которые семантически не соотносимы с реальными предметами, признаками или действиями и выполняют в предложении только роль грамматических показателей и 2) послелоги изолированные (грамматикализованные в той или иной степени) формы знаменательных слов. Это послелоги, выделившиеся главным образом из разряда наречий, имен, реже - глагольных форм. Они управляют той или иной падежной формой имени, сохраняя при этом определенную степень соотнесенности со значением полнозначных лексических единиц.

1) Собственно послелоги. В монгольских языках число послелогов, не соотносимых по значению с реальными предметами, признаками или действиями, ограничено как в современных, так и в древнем языке. Самыми распространенными в ранних письменных памятниках были следующие: tula / tulada "так как", "потому что", "для того, чтобы", "за", " ради". Этимология его не ясна, можно только предположить его именное происхождение, так как форма tulada отождествляется с дательно-местным падежом формы tula.Та и другая употреблялись в прошлом однозначно, управляли родительным падежом и обозначали при этом, чаще всего, как причину, так и цель действия, например: aγali aburi yabudal inu sayin=u tula=da olan qari=yin irgen imayi ečige /me/tü kündülen aǰuγu [Cl., 1338, с. 53] "Так как его характер и поведение были хорошими, народы многих чужих [княжеств] почитали его как отца"; ...köbegün=iyen tula ukilaγči ken bui či [ТД 47, F 37 v] "...кто ты есть плачущая над [для] своим сыном?"; erdem=tü bükü=yin tula... [Cl., 1338, с. 53] "...так как был образован";

teyin ber bügesü busud=i orolčaγulqu=yin tulada bisiłγasuγai bi [ТД 42, F 31 v] "...если так, то для того, чтобы заставить других участвовать, я буду размышлять"; yeke bodisdv burqan=u qamuγ nom=i tegüskekü=yin tulada... [ТД 53, F 47 r] "Для того, чтобы исполнить все dharmas Будды..."; ...ečige eke=yügen ülü umartaqu=yin tula buyu [НС, 33 a] "[Это] чтобы не забывать своих родителей"; yeke Mongγol ulus=un čaγ=tur... uridus=yuγan tula: ǰrlγ =iyar bayiγuldaγsan bii tas buyu [Cl., 1335, с. 71] "Это стела, которая была воздвигнута... во времена Великой Монгольской империи по [Императорскому] указу в честь [для] своих предков".

В тексте "Сокровенного сказания" в некоторых примерах этот послелог следовал после основы слова, передавая причинное значение. Например: noyamsik aburitu tula noyakin obuqtan bolba [Ск.ск., § 46] "Так как имел княжеский нрав, образовался род Нойяхин"; aqa de'ü ǰa'ura adaruqči tula adargin obuqtan bolba [Ск.ск., § 46] "Так как среди старших братьев был и забияка (задира), образовался род Адаргин". Но таких примеров немного. В основном же как и в докласси́ческом монгольском, так и в классическом раннего периода этот послелог управлял родительным падежом, обозначая как причину, так и цель действия. В более же поздних классических текстах, начиная с XIX в., и в современном монгольском языке tula / tulada передает причинное значение, управляя основой, а целевое - родительным падежом: ср. примеры: ene γaǰar aγula qada elbeg tula lab böglekü taγlaqu gem bui [Хөх. 734] "Так как в этой местности много гор и скал, можно попасть в окружение" и bi bey=e=ben aburaqu=yin tula busu γaγčaqu yeke üyil=yi bütügekü=yin tula bolai [Хөх. с. 907] "Я был не для того, чтобы спасать свою жизнь (тело), а только для того, чтобы осуществить великое дело". В современном языке: үнэн худлыг мэдэхийн тул [МРС, с. 422] "чтобы узнать правду"; орой болсон тул [МТС, с. 422] "так как стало поздно" (см. также Санжеев, 1953, с. 214).

Metü обозначает уподобление чему-либо, "как", "подобно", "словно" употреблялся после основы слова: "...irgen=i öber=ün köbegün sibaγun metü taγalaǰu yabubasu... [Cl., 1362, с. 65] "...если вы будете любить людей словно своих сыновей"; ene metü... [НС, 17 a] "подобно этому...".

Синонимом metü являлся послелог sitü, который зафиксирован только в нескольких случаях в древних и некоторых ранних классических текстах и в отличие от metü не употребляется в современном языке. На его семантическую связь с metü указывал Л.Лигети [Орловская, 1984, с. 194]. Об этом свидетельствуют и примеры, в которых metü и sitü употреблены в одинаковых значениях: ...gün če-

gel=ün dergede yabuqu metü nimgen mölsün deger=e geċgikü sitü emi-*gegdekü kemeǰügü [HC, 6 a] "...Словно идет рядом с глубоким прудом, словно ступает по тонкому льду"; anu ordu dotur=a aq=a degü=yügen aldaγsan metü medel=ün irgen inu ečige eke=yügen keküdegleċegsen sitü emgenin aǰaγu [Cl., 1338, c. 54] "В их дворце горевали словно они потеряли своих старших и младших братьев, словно люди в их округах утратили своих родителей"; ...qaqča kö'ün minu ügei sitü Senggün qaqča büyyü [Ск.ск., § 164] "...единственным сыном моим является только один Сэнгум (досл.: единственный сын мой Сэнгум подобно тому, что нет)".

Büri "каждый", "всякий" употреблялся после основ: ödür büri üǰeldüǰü... [HC, 25 a] "встречаясь каждый день..."; on büri [Cl., 1338, c. 55] "каждый год"; mon nasu büri ügüler=ün [Cl., 1338, c. 53] "Когда тоже самое говорил каждый год (каждый возраст)"; dolo'on büri oroǰu... [Ск.ск., § 245] "Вошли все (каждый) семь [сыновей]..."; üdür buri man=tur ireǰü... [Ск.ск., § 31] "Каждый день приходил к нам...".

Dutum / tutum "каждый", "всякий раз", "как только": keyid dutum=dur kürčü [HC, 26 a] "заходя в каждое жилище [16]..."; ...ene čimeg=i üǰekü tutum setkil=dür γasiγun törömüi [ТД 42, F '30 v]."...всякий раз, когда видел эти украшения, в душе рождалась печаль"; ölǰige tutum ökit qara'u tutum qatut bui [Ск.ск., § 55] "в каждой крытой повозке есть девушки, в каждом экипаже - знатные дамы (ханши)".

К собственно послелогам мы отнесем и selte "совместно", "с", "вместе с", употреблявшийся также после основ: ...ayalγus=i silüg selte ǰoqiyaǰu... [Cl., 1362, c. 67] "...составил текст (звуки) вместе со стихами..."; ...manglai=yin bičig selte bičiǰü ǰoqiyaǰu... [Cl., 1338, c. 5] "...закончил написание совместно с текстом в верхней части [стелы]"; ...ündüsün selte=yi oγtalǰu γarγaqu [ТД 37, F 25 v] "...отрезал и выбросил вместе с корнями".

Sača "равно", "подобно", "одинаково" употреблялся после основ: Batu sača bö'et bolǰu urida ker u'uqun büle'e [Ск.ск., § 275] "[Мы] ведь подобны (равны) Бату, но почему [он] выпил [вино] раньше?"; Inanča-Bilge-qan ečige činu sača nökör=e ere=yin aru ... ese üǰe'ülüle'e [Ск.ск., § 194] "Подобно отцу твоему Инанца Билгэ-хану ты не показывал спину друзьям [перед врагами]". Кроме того, sača управлял совместным падежом: oγtarγui=luγ=a sača... [ТД 48, F 39 r-v] "[Тот кто] подобен Небу".

---

[16] keyid (в совр. языке "монастырь", "скит") в древнем языке имело значение "жилище, дом" [Rachewiltz, 1982, c. 78].

2) Послелоги - грамматикализованные формы знаменательных частей речи. Среди послелогов, соотносительных с другими частями речи, употреблялись следкющие: adali - имел сравнительно-уподобительное значение "как", " подобно", "одинаково с". По происхождению - именная форма со значением "похожий, подобный, аналогичный". В качестве послелога в доклассическом монгольском управлял, как правило, дательно-местным и соединительным падежами, реже основой, например: edeger ǰirγalanγud bügüde namur=un egülen=dür adali orosil ügei ebderegči bui: qiuru=yin nabčin=dur adali ǰobalang-i törögülügči bui: yelvi=dür adali arγadači bui: quǰir=tu usun=dur adali ülü qanaγaγči buyu [ТД 33, F 20 r] "Все эти радости подобно осенним облакам легко разлетаются, подобно листьям ползучего растения рождают страдания, подобно иллюзиям обманчивы, подобно воде соленых болот не утоляют жажду"; Yisügen qatun=u üge=dür adali boldaǰu [Ск.ск., § 155] "[Есуй] соответствовала словам Есугэн-хатун (досл.: была подобно словам)"; ср. Naya'a=yin üges adali boldaǰu [Ск.ск., § 97] "Соответствовала (была подобно) словам Наяа", где в аналогичной ситуации adali управляет не дательно-местным падежом, а следует за основой. ...erten=ü sayid=tur adali buyu [Cl., 1335, с. 76] "...[Его помыслы] были подобно достойным [людям] древности"; tegün=lüge adali... kemen sedkimü bi [ТД 41, F 30 r] "Я думаю, что [вы] равны (одинаковы) с ним".

Qamtu - "совместно с", "одновременно с". Этот послелог соотносителен с наречием qamtu "вместе, совместно" и состоит из корневой мофемы qa(m)=, обозначающей совместность, общность и присутствующей во многих других монгольских словах, и суффикса =tu, выражающего совместность или обладание чем-либо. В древних текстах управлял в основном соединительным падежом, в более поздних еще и совместным, в классическом и современном также родительным, что, по мнению Г.Д.Санжеева, является не исконным, а новым явлением в этих языках [Санжеев, 1959, с. 212]. Примеры: tende Jamuqa Ong qan=lu'a qamtu gödölülče]ü yaburun [Ск.ск., § 160] "Там Джамуха вместе с Ван-ханом двинулись [в поход]..."; ...ǰasa'ul kebte'ül=lü'e qamtu ǰasatuqai [Ск.ск., § 278] "...пусть несут службу вместе с кебтеулами"; Bi ǰ=e Ui Suu...Oron=luγ=a nigen yasun=dur egüri od qamtu neyite soyurqaγdaǰu üile qadaγalan tüsigdegsen=če bolγabasu... [Cl., 1362, с. 67] "Я, Уй Суу, был в милости [и мне было дозволено] служить вместе с Ороном долгие годы в одном учреждении"; güregen=lü'e qamtu hoyilaǰu yabuqu ... [Ск.ск., § 155] "Она убежала в лес с зятем...".

Deger=e. Один из самых распространенных послелогов во всех монгольских языках с широким кругом значения, основные из

которых: "на", "над", "к", "в", " около", "рядом", "при". Он восходит к наречию deger=e "вверх", "наверху", которое состоит из омертвелого ныне корня dege= + суффикс =r =e, входящий в состав ряда других наречий. В доклассическом языке управлял родительным падежом, встречался и после основ: ...kereyit bügüde'er Senggüm=ün de'ere eke'erčü bayiba [Ск.ск., § 171] "Все кереиты ожидали у Сенгума"; kebte'ül=ün sa'urin=u de'ere ken ber bü sa'utuqai [Ск.ск., § 278] "Никто не должен сидеть на месте кебтеула"; ...nimgen mösün deger=e gečgikü sitü ... [НС, 6 а] "...точно скользит по тонкому льду..."; iren odun yabuqu mör deger=e bayiγulgu... [Cl., 1362, с. 67] "Создать на пути, по которому приходят и уходят ...".

Dege'ün образован от того же корня dege= и суффикса ='ün. Зафиксирован в тексте "Сокровенного сказания" со значением "рядом с", "около", соответствует современному дэргэдүүр с тем же значением; управлял родительным падежом: kebte'ül=ün dege'ün yabuqun haran=i kebte'ül barituqai [Ск.ск., § 229] "Пусть кебтеулы задерживают людей, ходящих рядом с кебтеулами"; kebte'ül=ün sa'urin dege'ün bu yabutuqai [Ск.ск., § 278] "Не ходить около размещения кебтеулов".

Посредством суффикса ='un образован и,послелог ǰaq'un со значением "между", "среди" от ǰaq=a "край", "окраина", также зафиксированный в "Сокровенном сказании": kebte'ül=ün dege'ün yabuqun ǰaqa'un yabuqun haran=i kebte'ül abtuqai [Ск.ск., § 278] "Кебтеулам задерживать людей, ходящих рядом и между кебтеулами"; kebte'ül=ün ǰaqa'un bu yabutuqai [Ск.ск., § 278] "Не ходить между кебтеулами ".

De'ereče - застывшая форма исходного падежа от de'ere со значением "с чего-либо", управлял основой, например: morin de'ereče naruyitču abqui=lu'a... [Ск.ск., § 55] "[Он] наклонился с коня и взял..."; Duwa-soqor Burqan-qaldun de'ereče qaraǰu...[Ск.ск., § 5] "Дува - сохор посмотрел с горы Бурхан-халдун..."; a'ula de'ereče bi qarbula'a [Ск.ск., § 147] "С горы выстрелил я".

Door=a / dooro является антонимом к послелогу de'ere. Восходит к наречию, образованному от корня dou= ~ do= и суффикса =re со значением "внизу". В качестве послелога имел значение "под чем-либо", управлял родительным падежом: ...modun tutum=un door=a... saγuγsan=i üǰegdegülǰü... [ТД 55, F 50 v] "...показал (заставил быть видимым), что сидел под каждым деревом"; mön modun=u door=a saγuǰu degel=iyen oyobai [ТД 50, F 42 v] "Сидя под тем самым деревом, он шил свою мантию"; tere üge=tür Tayang-qan=nu dōro medegü yeke noyan Qorisu beči ügülerün...[Ск.ск., § 194] "Услышав эти слова (при этих словах) после Таян-хана, великий князь Хорису-бэчи сказал..."; Joči=yin dōro tümen=ü noyan boltuqai [Ск.ск., § 210] "Пусть будет у Джучи (под Джучи) князем-десятитысячником ".

Застывшая форма исходного падежа door=a=ača "из-за", "из-под" употреблялась после основ: ...tende bükü luu=yin ökin γaǰar door=a=ača γarču ireǰü... [ТД 51, F 44 v] "...из-под земли появилась находившаяся там дочь дракона ...".

Dergede соотносителен с наречием со значением "к", "рядом", "около", "возле". В качестве послелога управлял родительным падежом: ...modun=u dergede kürügsen=dür... [ТД 55, F 50 v] "...когда подошел к дереву..."; gün čegel=ün dergede... [НС, 6 а] "...около глубокого источника"; erten=ü qad=un dergede... [НС 29 б] "в присутствии (досл.: возле, около) древних ханов..."; niken üdür sirqa aqta=tan naiman mori[t] ger=ün dergede bayiǰu bukui=yi... [Ск.ск., § 90] "Однажды восемь соловых меринов находились возле дома (юрты)..."; ...bidan=u dergede yabuqun metüs=i [Ск.ск., § 224] "...всех, кто ходит возле нас ...".

Dotura / dotora соотносителен с наречием со значением "внутри", которое в свою очередь восходит к имени, обозначающему "внутренность", "желудок". В качестве послелога имеет значение "в", "внутри", "среди" и употребляется с основой и родительным падежом: ...bidan=u ordu dotur=a... [Cl., 1338, с. 53] "Внутри нашего дворца..."; qamuγ amitan=u dotor=a... [НС, 16 б] "Среди всех живых существ..."; nidün=ü ečin=e naγur=un dotor=a orosiγulbai [ТД 42, F 30 v] "[Они] поместили их вне поля зрения, в пруду"; ger dotora ǰaruǰu aqu büle'e [Ск.ск., § 16] "Стал прислуживать в юрте"; hoi dotora uriangqadai gü'ün ǰalqaǰu... [Ск.ск., § 12] "В лесу встретился уриянхаец...". Этот послелог известен и в других монгольских языках и диалектах за исключением бурятских, где вместо него употребляется чисто бурятский послелог соо "в", "внутри" [Санжеев, 1953, с. 231]. Не зарегистрирован он и в баоаньском языке, в дунсянском ему соответствует сото-ро, а в монгорском туро с тем же значением, что и dotur=a.

Dumda "между", "среди", соотносителен с наречием dumda "средне", "неполно", образованным от аналогичного имени со значением "середина", "средний". В качестве послелога управлял родительным падежом, реже - употреблялся после основы: em=e mangγus=un dumda... [ТД 32, F 17 v] "Среди женщин-мангусов..."; ükedel=ün dumda sanvar=un bayasqulang kerkin törömüi [ТД 31, F 17 r] "Как может среди [этого] кладбища рождаться радость samvara ?"... Yisüi qadun Yisügen qadun ǰirin=ü dumda sa'uǰu... [Ск.ск., § 156] "[Он] сидел между Иисуй-хатун и Иисугэн-хатун..."; Duwa-soqor manglai dumda qaqča nidütü... [Ск.ск., § 4] "Дува-сохор имел во лбу (среди лба) единственный глаз...". Ср. в современном монгольском языке: шөнө дунд хашгирах дуулдав [ОМСТ, с. 360] "Среди ночи раздался крик". Распространен во всех монгольских языках, за исключением монгорского, где он употребляется реже, так как в этом языке имеется

собственно монгорский послелог иджде с тем же значением [Тодаева, 1973, с. 148].

Yosuγar / yosubar (в "Ск. ск.": yosu'ar) "согласно с", "в соответствии с", " в результате". Образован посредством формы орудного падежа от имени yosu "обычай", "традиция", "закон". Употреблялся после основы и родительного падежа: kemeksen yosuγar ərin odudqun [ТД 38, F 26 v] "Отправляйтесь и ищите согласно сказанному"; ǰegüdün=ü yosubar ǰegüdün üǰer=ün... [ТД 29, F 12 v] "В результате сновидения увидел..."; ... qadum eke inu Taγai qunčui=da soyarqaǰu öggügsen ner=e=yin yosuγar ... [Cl., 1362, с. 64] "... в соответствии с титулом, который [он] пожаловал ее свекрови Taγai qunčui"; uridu ǰarliq=un yosu'ar qurban beri'es süyütügei [Ск.ск., § 278] "Согласно прежнему указу ударять тремя посохами (досл.: сломать три посоха)".

Emün=e "перед", "пред", "до", "к", иногда "для". Происходит от наречия emün=e "впереди", "раньше", восходящего к имени со значением "юг", "южный", "передний". В качестве послелога управлял родительным падежом: ...yeke törü=yin emün=e küčü öggün yabuγad... [Cl., 1362, с. 64] "[Тот же самый Атайбуха] отдавал силу для Великого закона (т.е. служил Императору)..."; ulus=un emün=e küčü öggügsen [Cl., 1362, с. 62] "Отдавал силу для империи [служил империи]"; tal=a modud=un emün=e talbiǰu... [ТД 53, F 46 v] "Поставили перед каждым пальмовым деревом..."; ...ken=ü emün=e quriyaǰu ögün ǰobomui [Ск.ск., § 164] "...для кого я старался (заботился), собирая [все это]?" В переводе этого текста на современный язык послелог emün=e заменен на төлөө "для", "ради", "за" [МНТ, с. 116]; qaγan ečige=yin emün=e odču öčir=ün [ТД 29, F 13r] "Подошел к отцу-государю и произнес...". Этот послелог известен в классическом, халхаском, бурятском и калмыцком языках. В баоаньском ему соответствует мэліэ, управляющий также родительным падежом [Тодаева, 1964, с. 55]. В дунсянском в том же значении употребляется мэліэ (шы), следующий - после основ или исходного падежа [Тодаева, 1961, с. 55], а в монгорском с таким же значением используется послелог меше, управляющий исходным падежом [Тодаева, 1973, с. 149]; дагурский эмэл управляет родительным и исходным падежами [Тодаева, 1986, с. 84].

Qoyin=a этот послелог соотносителен с наречием qoyina "позади", "сзади", состоящим из корня koyi=/qoyi=/qoe= и наречного суффикса =na (ср. qoyi=si, qoyi=tu). В качестве послелога имеет значение "после", "после того, как", "вслед за"; управлял родительным падежом: ...ǰob es=e boluγsan=u qoyin=a ... [Cl., 1362, с. 66] "...после смерти..."; ...yeke or=e saγuγsan=u qoyin=a... [Cl., 1338, с. 54] "...после того, как сел на великий [ханский] престол"; mön Ataibug=a ǰob es=e boluγsan=u qoyin=a angqa urida... ner=e nemeǰü öggüged... [Cl., 1362, с. 64]

"После того, как тот самый Атайбуха скончался [Император] прежде всего пожаловал (добавил) ему титул..."; ... kümün bügüde umtaγsan=u qoyin=a... qarsi=dur odču... [ТД 29, F 12 v] "...после того, как все люди уснули, отправился во дворец..."; ey=e bara'asu ötök ūqsan=u qoyin=a Belgütei Da'aritai qoyar tende orotuqai ke'en ǰarliq bolba [Ск.ск., § 154] "Когда совет закончится и после того, как будут выпиты напитки, пусть туда войдут Бэльгутэй и Даритай". В аналогичных значениях этот послелог известен во всех монгольских языках.

Производным от qoyin=a является послелог qoyina'un со значением "сзади", "за", "позади чего-либо": naran singgeksen=ü qoyin=a ordo=yin qoyina'un urida'un ketügelǰen yabuqu gü'ün=i bariǰu... [Ск.ск., § 229] "Задерживать людей, проходящих за и перед дворцом после захода солнца..."; ordo=yin qoyina'un urida'un kebte'ül muqurituqai [Ск. ск., § 278] "За и перед дворцом располагается стража". Эта форма соответствует современной монгольской хойгуур с тем же значением. Ср. вышеприведенные формы dege'ün, ǰaqu'un и в этом предложении urida'un. В классическом монгольском суффиксу ='un соответствует =γur.

Застывшая форма исходного падежа qoyina=ača имела значение "сзади, позади", "после, вслед за": Bodončar Buqu-qatagi aqa=yu'an qoyina=ača daqaǰu [Ск.ск., § 33] "Боданчар следовал вслед за своим старшим братом Буху-хатаги "; eǰen=iyen qoyina=ača eyin=kü qočorqu bülüge bi [ТД 40, F 29 r] "Я не должен был оставаться таким после своего господина ".

Gadan=a соотносителен с наречием γadan=a, образованным от основы *γada= и суффикса =na (ср. γada=r, γada=ur) со значением "снаружи", "на улице". В качестве послелога обозначал "за", "кроме"; "вне", управлял родительным падежом: kedün ödür=ün qoyina anu balγasun=u γadana... buγuγsan aǰuγu [Cl., 1338, c. 54] "Через несколько дней [его] похоронили... вне (за пределами) их города"; Ср. в классическом монгольском: genetde basa ene baraγun emün=e qaγalγ=a=yin γadan=a tngri delberetel=e nigen buu daγurisǰu... [Хөх, с. 744] "Вдруг опять за этими юго-западными воротами раздались выстрелы, так что небо загрохотало ...".

Из современных языков известен в халхаском и бурятском.

Uruγu (в "Ск.ск.": huru'u) "вниз по", "в", "к" соотносителен с наречием, обозначающим направление вниз. В качестве послелога стал обозначать не только направление движения предмета вниз, но и направление движения вообще, что характерно для современного языка [Санжеев, 1953, с. 226]. Употреблялся после основы, редко - дат.-мест. п.: Tünggelik-qoroqan huru'u niken bölök irgen newüǰü... [Ск.ск., § 5] "Вниз по реке Тунгэлик двигалась группа людей..."; .. Qalqa huru'u ne-

würün... [Ск.ск., § 208] "...продвигались в (сторону) р. Халхи..."; Tamir huru'u yabu'at... [Ск.ск., § 195] "Ушли к Тамиру (по направлению к Тамиру)..."; ...γaǰar=tur uruγu unasun=dur... [ТД 39, F 28 v] "...когда [она] упала на землю...".

Из современных языков употребляется в халхаском, бурятском, дагурском (хоро). В халхаском из послелога уруу образовался формант направительного падежа =руу / =рүү, после основ на = р - =луу / =лүү. Подчинение гармонии гласных и фонетическое преобразование являются важным и характерным признаком грамматикализации послелога в падежный формант.

Ulam соотносителен с усилительным наречием со значением "еще", "еще более". В качестве послелога обозначал "в следствие", "кроме того", "из-за", управлял исходным падежом: neyite taqiqui=ača ulam [НС, 17 б] "Кроме того, что вместе поклоняемся..."; ečige=če ulam köbegün inu... [Cl, 1338, с. 55] "Сын из-за отца своего..."; qatuγuǰil=ača ulam... [НС, 18 а] "Вследствие осмотрительности..."; taqimtaγu bolqui=ača ulam... [НС, 18 а] "Вследствие того, что [последние] были сыновнепочитаемы...".

Esergü "против", "навстречу", "к". Употреблялся после основ и родительного падежа: naran esergü büse=ben güǰü'ün=dür=iyen erigeleǰü.... [Ск.ск., § 103] "[Повернувшись] к солнцу, повесил свой пояс себе на шею"; ...Jamuqa=yin esergü inu morilaǰu... [Ск.ск., § 129] "...поехал навстречу Джамухе"; ...Činggis qa'an=u esergü morilaǰu'ui [Ск.ск., § 257] "...выступили против Чингис-хана".

Кроме доклассического и классического этот послелог употребляется в халхаском. В других монгольских языках в качестве послелога не зарегистрирован.

Ümere ~ ümereče "за", "позади" соотносителен с именем ümere (халх. умар) "север". Управлял родительным падежом: ger=ün ümere Jetei Jelme qoyar muqular qara hüker ǰemlen alaǰu büküi=tür ... [Ск.ск., § 214] "Когда за юртой Джидей и Дзелмэ резали черного комолого быка..."; ...ger=ün ümereče kebte'ül=lü'e qamtu bayiǰu kelele'ültügei ke'eba [Ск.ск., § 229] "...[Должны находиться] вместе со стражей за юртой и [оттуда] докладывать ".

Jaγur=a (в "Ск. ск.": ǰa'ura) образован от самостоятельно не употребляемого = *ǰaγur= со значением "промежуток" посредством окончания местного падежа на =а. Управлял основой и родительным падежом. Широко использовался в тексте "Сокровенного сказания" со значением "между", "среди", "в то время как": ...tere uqalǰa=yin maqa iden büküi ǰa'ura tabun nökör inu Jamuqa=yi qardaǰu bariǰu... [Ск.ск., § 200] "В то время, когда ели мясо горного барана, пять его друзей

схватили Джамуху..."; aqa de'ü ǰa'ura adaruqči tula adargin oboqtan bolba [Ск.ск., § 46] "Так как среди старших и младших братьев был буян-забияка (adaruqči), род назвали Адархин"; Buyur-na'ur Kölen-na'ur qoyar ǰa'ura Ursi'un müren=ne bükün... [Ск.ск., § 53] "Находились на реке Уршуун, между озерами Буйр и Хулун..."; ...Čekšer Čiqurgu qoyar=un ǰa'ura onggiradai Dei-sečen=ni ǰolqaba [Ск.ск., § 61] "...встретили Хонхиридского Дэй-сэцэна между [урочищами] Цэгцэр и Чихургу". Этот послелог известен и в других современных монгольских языках .

Urida соотносителен с наречием "раньше", "прежде". В качестве послелога обозначал "до", "перед чем-либо", управлял родительным падежом: naran urququ=yin urida sirqa aqtatan naiman mori[t] e'über hü[l]deǰü yorčiba [Ск.ск., § 90] "До восхода прошли [люди] и гнали перед собой восемь соловых меринов"; Dalan-Nemürges bayilduǰu qatqulduqui=yin urida Činggis qahan ǰasaq ügüleldürün [Ск.ск., § 153] "Перед сражением в Далан-Нэмурге Чингис-хан повелевал..."; Temüǰin Jamuqa qoyar qamtu terged=ün urida yabaǰu ayisurun... [Ск.ск., § 118] "Когда Тэмуджин и Джамуха шли перед повозками..."; Jürčede[i]=yi dongqotqu=yin urida mangqud=un Quyildar-sečen ügülerün [Ск.ск., § 171] "До того, как Джурчидей ответил, Мангудын Хуйлдар сэчэн сказал...".

Наречие urida и соотносительный с ним послелог произошли от общего корня √uri=, что подробно обсуждается в [Санжеев, 1953, с. 228-230]. Послелог известен в халхаском, бурятском, калмыцком языках.

От послелога urida образована форма urida'un "перед чем-либо": ...ordo=yin qoyina'un urida'un ketügeǰü yabuqu gü'ün=i bariǰu... [Ск.ск., § 229] "...задерживать людей, ходящих за и перед дворцом". (См. также примеры на употребление послелога qoyina'un).

Ilegüü ~ ilegü "более', "свыше", "кроме". В качестве послелога управлял исходным падежом, употреблялся иногда и после основы: arb[a]n ilegü od... [Cl., 1338, с. 54] "свыше десяти лет..."; ср. в ПМ.: ...tabun ǰaγun ǰil=eče ilegüü doluγan ǰaγun ǰil saγuǰu bayinam [Санжеев, 1953, с. 207] "...пребываю здесь свыше пятисот лет, семьсот лет"; ...tümen ilegüü qoqiraǰu... [Хөх., 959] "...потерял более десяти тысяч". Этот послелог известен в халхаском, бурятском, калмыцком, дагурском, монгорском языках.

Siqan ~ siqam "около", "почти", "до", "у". Образован от глагольной основы siqa= "жать", "прижимать", "подходить вплотную" посредством суффикса =n/ =m. В "Сокровенном сказании" употреблялся после дательно-местного падежа, в классическом и современном языках - после основы: a'ula=tur šiqan bawuya... qol=tur šiqan

bawuya [Ск.ск., § 118] "Остановимся около горы, остановимся у реки"; edö'e basa dayisun=tur šiqan dayisun müt gü boluyi [Ск.ск., § 136] "Сейчас и около врага стал врагом"; ср. в ПМ. Tömüčin anda ayula siqam bayuy=a... yool siqam bayuy=a [АТФ, 965-966] "Побратим Тэмучин, остановимся возле горы..., остановимся у реки". Ср.: в современном монгольском: зуу шахам [МРС, с. 648] "почти сто". Известен в бурятском, калмыцком, дагурском языках.

Kürtele (в "Ск.ск.": gürtele) "до', "вплоть до". По происхождению - деепричастная форма глагола kür= "доходить", "достигать". В древних текстах еще сохраняется управление местным и дательно-местным падежами, но лексическое значение глагола уже ослаблено. В более поздних классических текстах и современных языках чаще всего употребляется после основы слова. Ср. примеры: uǰayur=ča üǰügür=tür kürtele... [Cl., 1362, с. 67] "С начала до конца ..."; örün=ece dörün=e kürtele... [НС, 33 б] "С запада до востока..."; [deger=e=ece] dorudus=tur kürtele čimaliqai ügei=yi uqamuyu [НС, 1 б] "Понимаешь, что [от верхов] вплоть до низов не было вражды"; eǰeu=e kürtele ber alayan=u nayur kemen nereyidümüi [ТД 50, F 42 r] "[Озеро] до сих пор называется "озеро с ладонь"; qurban ǰa'ut merkid=i uruq=un uruq=a gürtele hünesü'=er keyistele ülitgeba [Ск.ск., § 112] "Уничтожил триста меркитов, развеял в пепел до потомков [их] потомков".

Boltala "до", "вплоть до", так же, как и kürtele - деепричастная форма, образованная от глагола bol= "становиться", "делаться", "наступать": ...söni düli boltala bökleksen čisun=i ama'ar dü'üreng ǰalki'at asqa'at... [Ск.ск., § 105] "...до ночи отсасывал ртом и заглатывал свертывающуюся кровь"; ...qotola ulus=i inu qo'osun boltala bawuluya [Ск. ск., § 145] "Все государство его разорю дотла (до пепла). Употребляется в бурятском: болотор, калмыцком: болтл с тем же значением.

Частицы

Частицы - это разряд служебных единиц, объединяемых общей для них функцией выражения различных смысловых оттенков отдельного слова или целого предложения. Они обозначают то или иное отношение действующих лиц или автора к сообщаемому. Их назначение - сообщать дополнительную, эксплицитно не выраженную окраску в смысловом значении тех или иных лексических единиц, организованных в предложения. Сами же они в большинстве своем обладают весьма "размытой семантикой", неясным и неопределен-

ным значением, которое выявляется и определяется контекстом. Это мир дополнительной скрытой семантики [Николаева, 1985, с. 14, 29].

Присоединяясь к знаменательному слову, частицы конкретизируют его значение, выделяют из ряда других членов предложения, своим специфическим значением подчеркивают и актуализируют его. В речи они выражают отношение между говорящим и слушающим, отношение к обсуждаемой ситуации, намерения, предпосылки и эмоции, стремление обратить внимание слушателя или читателя на то или иное явление или высказывание.

Характер и значения монгольских частиц не одинаковы. Но всех их (за исключением некоторых отрицательных) объединяет одно свойство - расположение в постпозиции по отношению к обслуживаемому слову. Большая часть из них - односложные архаичные формы, не возводимые на синхронном уровне к какой-либо части речи .

В доклассических монгольских текстах зафиксированы следующие разряды частиц :

1) выделительные, 2) вопросительные,
3) отрицательные, 4) притяжательные.

Выделительные частицы

Частица ber . Среди выделительных частиц это частица занимает особое место. Распространенная в доклассических и классических текстах она абсолютно не известна современным монгольским языкам, тогда как многие другие частицы являются для этих языков общими.

Этимология и происхождение этой частицы не ясны, как впрочем и большинства других частиц, которые будучи первообразными, этимологизации почти не поддаются [Подробнее, Орловская, 1984, с. 209].

В текстах XIII-XIV вв. частица ber была распространенной, употреблялась она после любой части речи и любого члена предложения (за исключением, пожалуй, финитного сказуемого, выраженного изъявительными глагольными формами). Как правило, она имела усилительно-выделительное значение, в основе чего лежит стремление обратить внимание слушателя или читателя на то или иное слово или часть высказывания. Конкретизируя значение отдельного слова в предложении, ber сообщает ему бóльшую определенность, выделяет его из ряда других знаменательных слов.

Будучи показателем подлежащего, ber в то же время подчеркивала, усиливала выделяла именно его значение: Köbegün inu ber nilq=a büküi=degen... önöčin qočorbasu... [Cl., 1338, с. 55] "Когда сын ее

в раннем возрасте... остался сиротой..."; bi ber ende aǰu [ТД 45, F 35 v] "Именно я нахожусь здесь". Это относится также к прямому дополнению и к любому другому члену предложения: ...irgen=i ber ülü alǰiyaγulun aǰuγu [Cl., 1338, с. 54] "...народ до разорения не доводил"; qamiγ=a ber qamiγ=a ber odbasu qutuγ=tu čimayi=yuγan bi ču daγan odumui [ТД 35, F 23 r] "Куда бы и куда бы [ты] ни пошел, и я последую за тобой, своим святым"; darqan ner=e ber öggügsen [Cl., 1338, с. 54] "[Он] пожаловал ему даже титул дархана"; ...qamuγ qatud nökөd činu ber γaγča namayi ber ügei=e γarγayu [ТД 33, F 20 v] "...все твои женщины и сподвижники убьют ведь меня". Эта частица передавала также значения "тоже", "также", "и", "ни": ünen sayitur ögülebei či, bi ber egün=i küsemüi [ТД 28, F 10 v] "Ты сказал правильно, я тоже желаю этого"; edüge biden=tür ba tandur ber ülü ǰoqilduqun [УМУДБ, с. 72] "Сейчас ни нам, ни вам (нам и также вам) взаимно не подходит. "

Вопросительным местоимениям частица ber наряду с усилением его значения придавала и значение неопределенности, а в отрицательных предложениях - неопределенно-отрицательное значение: ...kedün ber noyalaqu ner=e olbasu... [НС, 20 a] "...сколько бы ни старались получить дворянские звания..."; qurban müred=ün teri'ün ken ber bu bawūlutqun [Ск.ск., § 179] "У истоков трех рек никому не останавливаться!"; ya'un ber ǰoli'a ögüye [Ск.ск., § 272] "Отдам любой выкуп"; Činggis qa'an=a ya'u ber ese ökba [Ск. ск., § 157] "Чингис-хану ничего не дал ".

После причастных форм, в том или ином их синтаксическом употреблении, ber наряду с усилительно-выделительной функцией выполняла и субстантивирующую функцию: serekü ber tanu ǰöb [Ск.ск., § 20] "Подозрения-то твои верны"; ...küsekü ǰirγalang=i küsekü ber ügei taγalaqui ber ügei sedkikü ber ügei=iyer, ǰobalang=i ǰobalang ülü kemen qataγuǰiǰu [ТД 45, F 35 r] "...те, кто не желает радости наслаждения и не любят [их], не думая [о них] терпят лишения, не называя страдания страданиями ".

Выделяя значение деепричастных форм, частица ber придавала им иногда уступительно-условную окраску. Прежде всего это касалось условного и соединительного деепричастий, ср. например: silam=tur orabasu ba esebesü ber γaγča mongke (вм. Möngke - MO) mede kemeǰü ... [УМУДБ, с. 48] "Когда совершать или не совершать омовение, знает только Вечное Небо..."; üges=iyen delekei deger=e qamiγ=a ba ügülebesü ber gem ügei boluγad... [НС 7 a] "Хотя свои слова [они] распространят повсюду на земле, проступка (греха) [для них] в этом нет ..."; Činggis qaγan ügülerün Ökөdei=lü'e itegelten Bo'orču Boroqul goyar gočorču'u. Aǰu ber ükǖǰü ber ya'u qaqačaqun tede ke'eba [Ск.ск., § 172] "Чингис-хан сказал: «У Огэдэй'я остались два надежных [дру-

га]: Боорчи и Борохул. И в жизни, и в смерти (хотя жив или умер) они не расстанутся с ним »". Ср. этот текст в переводе на современный монгольский язык, где вместо соединительного деепричастия с ber употреблено уступительное: Амьдравч үхэвч тэр хоёр түүнээс хагацахгүй [МНТ, § 172] досл.: "хотя жив, хотя умрет, те двое не расстанутся с ним".

В отрицательных конструкциях частица ber могла занимать постпозицию по отношению к отрицательной частице, предшествующей деепричастной форме, тем самым усиливая отрицательное значение предложения: ...bičig=erdem es=e ber surbasu... [Cl., 1338, с. 54] "...хотя и не изучал науки..."; soyol surγal=i es=e ber ǰarčimlabasu öbesüben bütügeyü ulus=un üile es=e ber irγuilabasu öbesüben tübsigeridüyü [НС, II б] "Если даже [кто] не будет строго придерживаться поучений [мудрецов], [они] будут сами осуществляться; если даже [кто] не будет строг в государственных делах, [они] будут сами разрешаться ".

В отдельных случаях частица ber приобретала и словообразовательное значение, сохранившись в современном языке в некоторых словоформах: ünen ber > üneker (совр. орфография - үнэхээр) "действительно, поистине, в самом деле". Ср. предложения: ünen ber qahan aqa minu ǰö[b] ese bolu'asu olon mongqol ulus önečirekün [Ск.ск., § 272] "Поистине, если хан - брат мой ослабнет (лишится чувств), монгольское государство осиротеет"; ср. в совр. языке: үнэхээр сайн хүн [МРС с. 484] "действительно (поистине, в самом деле) хороший человек"; kerbe < ker be[r] >kerber (в совр. орфографии хэрэв=хэрвэ союз "если", "в случае"): ker ber bariqda'asu bi dan=tur oroqu duratu büle'e [Ск. ск., § 145] "Если бы меня схватили, я [сказал бы], что хотел бежать к вам". Ср.: хэрэв эс хийвэл хоосон хононо [Цэв., с. 765] "Если не сделаешь, ляжешь спать без ужина (пустой)"; ali ber > ali be > aliba (в совр. орфографии: аливаа) "всякий, каждый, любой": ali ber üge=ben ügülele'e bi [Ск.ск., § 272] "Каждое свое слово сказал я". Ср.: аливаа хэрэг [Цэв., с. 32] "любое дело". Впрочем kerbe и aliba могли образоваться и при сращении с ker и ali частицы ba, также усилительно-выделительной. См. ниже.

Частица kü (в "Ск. ск.": gü) также принадлежала к числу широко распространенных. Как и ber, она употреблялась после любого члена предложения, но в отличие от последней могла стоять и после сказуемого, выраженного изъявительными глагольными формами В позиции после того или иного слова или предложения в целом, эта частица акцентировала на них внимание, указывала на важность, выделимость данного члена предложения по отношению к другим или всего высказывания. Особенно широко она использовалась в тексте "Сокровенного сказания", придавая ему особую эмоциональность и выразительность: ni'ur qo'a niru'un urtu bi=gü bui=ǰe [Ск. ск.,

§ 272] "[Это] ведь (именно) я высок ростом и хорош собой"; teyin ber bügesü tngri=lüge nigen=e qamuγ yirtinčü=dekin=ü üliger ger=e inu či kü ülü gü bui [ТД 64, F 60 r] "Если это так, не являешься ли (именно) ты примером и свидетельством всего живущего в мире, включая богов?"; Dayir usun=u=gü ebertü ünügün čaqa'an=i Temüǰin=e unu'ulba [Ск.ск., § 117] "Усадил Тэмуджина на белого с челкой коня того самого Дайр-усуна"; Jelme ö'esün=gü usun eriǰü abčiraǰu... [Ск.ск., § 145] "Зэлмэ сам нашел и принес воду"; ayaqa saba kebte'ül=gü asaratuqai [Ск.ск., § 232] "Посудой пусть ведают кэбтэулы (стража - МО)". Tere=gü üdür=ün unuqsan aqta... [Ск.ск., § 229] "В тот же день оседланный конь...".

Числительным частица kü / gü придавала как ограничительное значение "всего лишь", так и усилительно-выделительное: ...qoyar kü kümün bosγaγuluγsan aǰuγu [Cl., 1346, c. 71] "...всего лишь два человека соорудили [это]"; qurban=gü tümet bolǰu... [Ск.ск., § 129] "Составили всего три тумэна...". В других случаях этой частицей выражалось желание сконцентрировать, усилить внимание на количестве лиц (предметов): Senggüm anda qoyar=gü elčin ile Jamuqa anda qoyar=gü elčin ile Altan qoyar=gü elčin ile Qučar qoyar=gü elčin ile Ačiq-širun qoyar=gü elčin ile Qači'un qoyar=gü elčin ile ke'en... [Ск.ск., § 181] "Сказал: «Пусть побратим Сэнгум отправит два посла, побратим Джамуха отправит два посла, Хучар отправит два посла, Ачиг-Ширун отправит два посла, Хачигун отправит два посла»".

В своем усилительно-выделительном значении частица kü /gü нередко соответствовала значению таких русских частиц, как "же", "также": Tegünčilen kü üiledbei [ТД 42, F 32 v] "[Они] действовали точно так же"; ...tende=gü oroba [Ск.ск., § 196] "...там же и присоединились [к Чингис-хану]"; ...merkid=i sŏni=de=gü daručaǰu... [Ск.ск., § 110] "...меркидов разбили той же ночью"; Hö'elün eke öter=gü bosbi [Ск.ск., § 99] "Матушка Оэлун тотчас же встала ".

Как уже выше сказано, эта частица употреблялась после любой глагольной формы, в том числе и после изъявительных. Важность, значимость, утверждение в законченности действия особенно наглядно выражено в следующих однородных предложениях: besüd=eče Degei Kučügür aqa de'ü qoyar ireba=gü suldus=ača Čilgütei Taki Tayičiudai aqa=nar deü=ner ireba=gü ǰalayir=un Seče Domoq Arqai-Qasar Bala qoyar kö'üd=iyer=en ireba=gü qongqotan=ača Süyiketü=čerbi ireba=gü sükeken=ü Jegei qongdaqor=un kö'ün Sükegei=Je'ün ireba=gü [Ск.ск., § 120] "От бесудов прибыли братья Дэгэй и Хучугур. От сулдусов прибыли братья Чилгутэй -Тахи и Тайчиудай. От джалаиров прибыли Сэцэ Домог и Архай Хасар-Бала [в сопровождении] своих сыновей. От хонхотанов прибыл Суйхэту-чэрби. От сухэгэнов прибыл сын Джэгэй-хондагара Сухэгэй-Джаун".

Негативное значение действия усиливалось наличием частицы kü/gü после отрицательной частицы: ...samaγu üiles es=e kü edüǰügü [НС, 15 б] "...смутных дел не возникало"; či qan bol ke'esü ese=gü bolba=ǰe [Ск.ск., § 179] "Стань ханом, - сказали мы, - [но ты] ведь не стал ".

Подобно частице ber, kü / gü сохранилась в современном языке в некоторых словах в качестве словообразовательной морфемы: ünenkü < ünen kü (в современной орфографии үнэнхүү) "совершенно верно, истинная правда" < ünen "правда", γaγčaqu < γaγča kü (в современной орфографии гагцхуу) "только", "всего навсего" < γaγča ~ γapča "один, единственный", terekü < tere kü (в современной орфографии тэрхүү) "тот самый" < tere "тот"; enekü < ene kü (в современной орфографии энэхүү) "этот самый" < ene "этот".

Частица ču / či . Эта частица называется также противопоставительной или уступительной, но она выполняла и усилительно-выделительную функцию с оттенком противопоставления. Сфера употребления ее в древних текстах была сравнительно узкой, что, видимо, связано с активным употреблением двух предыдущих частиц. Причем исчезновение частицы ber из современных языков активизировало употребление ču, которая широко применяется в современном монгольском языке как "усилительная частица со значением "даже", "и" [РМС, с. 624].

Подобно ber и kü частица ču относилась к разным членам предложения, подчеркивая и выделяя их значение среди других его членов, например: bi ču daγan odumui [ТД 35, F 23 r] "И я последую [за тобой]"; ...Canak a edüge ču čaγ bolǰu amui [ТД 34, F 21 v] "...Чанака, сейчас уже наступило время ".

В "Сокровенном сказании" употреблялся вариант ču - či с тем же усилительно-выделительным значением, напр.: Qo'aqčin emegen ügülerün ger=či oyira buyu Temüǰin büküi=yi ügei ese uqabi [Ск.ск., § 100] "Старуха Хоагчин сказала: «Юрта-то близко, а здесь или нет Тэмуджин, не знаю»"; olang=či boltuqai kömüldürge basa ker mültüregü büle'e [Ск.ск., § 80] "Пусть сползла подпруга. Но как еще и подгрудный ремень упал?"; ...tede qortan emeged=i ebče'üt anu ǰorqaldaya=či [Ск.ск., § 275] "...поломаем-таки ребра тем коварным женщинам".

Частица ele. В отличие от других, не поддающихся этимологизации частиц, ele возводится к указательному местоимению ele "этот", "самый", "данный", что и определяет ее усилительно-выделительный характер, подчеркивающий интонацию утверждения, а также оттеняющий и усиливающий значение предшествующего ей слова: ...sedkil=dür ele aγulbasu umartaqu ödür keǰiy=e bolqu [НС, 35 а] ". .если [я] призываю [его] быть [именно] в [моем] сердце, то когда наступит

день, что я забуду его?"; ejen minu či odbasu ele: qaγan ečige činu... amin=ačaγan ber qaγačaγad... [ТД 33, F 20 r] "Господин мой, если ты удалишься, хан-отец твой уйдет из жизни...". Особенно часто эта частица употреблялась в тексте "Сокровенного сказания", придавая (как и другие выделительные частицы) особую эмоциональность, выразительность и образность описываемых событий: ene jewüdün minu čimayi ele kö'ü=be'en uduritču iregüi=e üǰeksen aǰu'u [Ск.ск., § 63] "Этот мой сон предсказал, что именно ты придешь со своими сыновьями"; ...kesi'üdün ötögüs aqalaqdaba ele [Ск.ск., § 227] "...было же доложено старшинам хишигтэнов"; amitu ele gü'ün tutam ere=yin tabun anggida qal=nu'ut tüleǰü... [Ск.ск., § 193] "Каждый живой человек, [каждый] мужчина [пусть] зажгут по пять отдельных огней..."; qahan soyurqa'asu egeči=yen ele üǰe'esü [Ск.ск., § 155] "Если хан соизволит, покажу свою старшую сестру"; yambar ele sayi üǰe'ülemü ke'ǰü [Ск.ск., § 63] "Что бы это предвещало ?".

Частица ele, как и все предыдущие, употреблялась и после отрицательных частиц ese и ülü, усиливая значение отрицания в обозначенном глагольной формой действии: ...beyes=ečegen ese ele anggiǰiraulbasu... [НС, 5 б] "...если [они] не заставляют себя освободиться от своих тел"; ülü ele uyidun baribasu... [Cl., 1362, с. 68] "...если [они], не уставая, поддерживают ".

Эта частица является наиболее распространенной в современных монгольских языках, где имеет три основные значения: подтвердительные, настойчивого утверждения и выделительные [Бертагаев, 1964, с. 52].

Часица ba. Особенностью этой усилительно-выделительной частицы является то, что в древних текстах она графически совпадала с еще двумя грамматическими единицами: древним личным местоимением 1-го л. множ.ч. ba "мы" и соединительным союзом ba "и".

Местоимение ba к концу XIV в. было заменено другой формой bidan/biden "мы".

Что же касается двух других омоформ, то в трудах по классическому монгольскому языку частица ba отождествлялась с союзом ba, точнее: считалось, что она может употребляться и для разделения одинаковых членов предложения [Бобровников, 1849, с. 179; Котвич, 1902, с. 133, 163].

Однако, если союзы - это служебные единицы, выражающие связь между отдельными словами. словосочетаниями и предложениями (соединяя или разъединяя их), то функция у частиц принципиально иная. В отличие от союзов они служат для выражения в речи различных смысловых и модальных оттенков.

Частица ba в монгольском языке относилась в разряду усилительно-выделительных частиц, таких как ber, ču, kü , ele, которые за

исключением только ber и kü активно используются и в современном языке. Она употреблялась после любого члена предложения, концентрируя внимание читателя на предшествующем ей слове, выделяя и подчеркивая его особое значение среди других слов. В этом своем употреблении она, как правило, соответствовала смыслу таких русских частиц, как "даже", "также", "и", "ни, ни", например: ...niγur=tur siruγai burtaγ=I sačubasu ba bodisdv sümir aγula metü ülü ködel=ün aǰu... [ТД 48, F 39 r] "...и даже когда [они] бросали землю и грязь ему в лицо, Бодхисатва подобно горе Сумэр не двинулся с места"; ene ba köüd=ün aqa=yi ayala'ulqu yosun Ča'adai aqa=ača bolǰu'u=ǰe [Ск.ск., § 270] "И [даже] это [предложение] отправить старших сыновей в поход исходило ведь от Чагадай'я"; ...bodisdv=tača asura ba qola busu γaǰar=ača... [ТД 64, F 60 r] "...с места даже весьма недалекого от Бодхисатвы..."; ǰa'ura odurun ba irerün ba gü'ün=ne ese üǰekdebe [Ск.ск., § 145] "По пути ни когда отправлялся, ни когда возвращался не был замечен людьми".

В отдельных случаях ba / be придавала предшествующему слову значение некой неопределенности; öki be γarγaqui=dur... [Cl., 1338, c. 55] "Когда заставляют чью-либо дочь выйти [замуж]...", а также передавала значение "что касается..."; "что до...": ...ulus ba ǰoba'amu [Ск.ск., § 152] "...что касается народа, [то он] страдает (= "что до народа"... = "а народ")".

В других случаях "ba" как бы изолирует предшествующее ей слово от других, выделяя его тем самым как главное в предложении: haran ba ünemsige'üǰei [Ск.ск., § 169] "Люди как бы не приняли [это] за истину".

Местоимениям частица "ba" придавала значение неопределенности в отрицательных предложениях : ...qari'u inu ya'u ba ese ügüleba bi [Ск.ск., § 118] "...в ответ я ничего не сказал"; ...ya'un ba ülü bolγan... [Ск.ск., § 131] "...ни на что не обращая внимания ...".

При отсутствии отрицательного значения в предложении "ba" придавала местоимению "усилительно-словообразовательное" значение: basa ya'u ba keieleksen=i ... sonos ke'eba [Ск.ск., § 121] "А также слушай... все сказанное"; ...üges=iyen delekei deger=e qamiy=a ba ügülebesü ber... [HC, 7 a] "... если свои слова произносить повсюду в мире ...".

Числительные с "ba" получали усилительно-ограничительное значение: nigeken ba sidi=yi öggün soyurqabasu ele... [ТД 30, F 13 v] "Если только [вы] соизволите пожаловать всего лишь только одно волшебство..."; ...qučin ba eme=tü bolγa [Ск.ск., § 121] "и [всех] тридцать сделать женами ".

Следует отметить и еще один факт: частица "ba" употреблялась иногда с мягкой огласовкой, т.е. "be" вместо "ba". Некоторые

частицы этого разряда также употреблялись с мягкой и твердой огласовкой, например, qu / kü. Думается, что употребление "be" вместо "ba" было своего рода приемом разграничения ее с омоничным ей союзом, особенно, если они употреблялись в одном и том же предложении, так например: tede irgen Bodončar=i ken=ü=ei ba ya'un'ai be ke'en asaqqu üqei. Bodončar be tede irgen=i ya'un irgen ke'en asa'ulčaqu ügei yabulduba [Ск.ск., § 29] "Те люди не спрашивали Бодончара, кто (кого) и чей он. И Бодончар не спрашивал тех людей, что они за люди". Как видим, в первом предложении употреблены "ba" и "be". Можно предположить, что "ba" является здесь соединительным союзом "и" ("кого и чей"), а "be" - усилительно-выделительной частицей, относящейся к двум вопросительным местоимениям "именно кого и чей". Во втором предложении "be" относится к имени собственному Бодончар, эмоционально усиливая, выделяя его значение.

Усилительно-выделительное значение этой частицы в переводе на русский язык могло и не передаваться, а выявлялось лишь логическим ударением, например: ökin=iyen be öksü kö'ü=iyen be güreget=te talbiǰu o[t] ke'eba [Ск.ск., § 66] "[Я] дочь свою отдам, [а ты] сына своего оставь (в качестве) зятя и уезжай ".

Частица "ba" неизвестна в современном монгольском языке. Она сохранилась лишь в таких древних словоформах, как аливаа "всякий", "каждый", "любой", "какой бы ни был" при аль "какой", "который"; ямарваа "любой", "всякий" при ямар "какой". Вместо ba стала широко употребляться частица "ч" с аналогичным значением, тогда как в ранних текстах она имела сравнительно узкую сферу употребления. Союз же "ба" сохранился в современном языке как наследие старописьменного. Он выполняет разделительно-объединительную функцию и особенно характерен для книжного и канцелярского языка [А.Лувсандэндэв, 1975, с. 33].

Частица ǰa / ǰ=e. Конкретное значение этой частицы определяется контекстом, позицией в предложении и глагольной формой, за которой она следует. С одной стороны, это - модальная частица, придающая какому-либо действию или всему предложению оттенок сомнительности, неуверенности, ненадежности, что можно передать такими словами, как "возможно", "видимо", "вероятно", "пожалуй": ...siltaγan ene kü bui ǰ=e [Cl., 1338, c. 54] "...причина, видимо, именно эта "; ...olan qari=yi oraγuluγad nigedkekü siltaγan ene kü bui ǰ=e [Cl., 1338, c. 54] "...именно это является, видимо, причиной покорения и объединения многих княжеств"; siltaγan inu yaγun kemebesü tngri=yin ǰayaγabar törögsen kü bui ǰ=e [Cl., 1338, c. 54] "Если говорить: " В чем причина?", [то это], по-видимому, то, что [они] родились именно судьбой Неба".

С другой стороны, ǰ=e выражала утверждение, твердую уверенность и особую экспрессию, что в значительной степени определялось контекстом: sayin gü'ün=ü kö'ün aǰu'u=ǰe [Ск.ск., § 135] "Он определенно сын хороших людей"; Tede irgen inu qatqaldumui=ǰe [Ск.ск., § 170] "Те люди, наверняка, сражаются"; taqil tabiγ=un uile saqin čidamui ǰ=e [НС, 7 б] "Только тогда смогут сохранить дело жертвоприношения".

После глагольной формы на =yu, которая сама содержит в себе модальные значения несомненности производимого действия, частица ǰ=e придавала высказыванию оттенок потенциальной возможности или правдоподобности: qan ber bügesü qalaγar degeǰilegdekü inu buyu ǰ=e [НС, 32 б] "Даже если [он] и действительно правитель (хан), то, конечно, должен [кто- то] быть почитаем и им"; e[n]de oyira buyu=ǰe [Ск.ск., § 31] "[Они], видимо, здесь недалеко ".

В древних текстах частица ǰ=e употреблялась не только в конце предложения, но и после любого из его членов, придавая слову такую большую степень правдоподобности, которую можно передать словами: "именно", "несомненно", "определенно": bi ǰ=e soyrqaγdaǰu... [Cl., 1362, с. 67] "Именно я был пожалован службой..."; ...urida tobčiyan ǰ=e qadaγalaγsan=ača... [Cl., 1362, с. 67] "...из-за того, что прежде [мне] было поручено именно бюро..."; ...taqimdaγu bolqui=ača deger=e basa yaγun ǰ=e aqu [НС, 17-18 а] "...что же еще [что именно] может быть выше почитания родителей !"

В целях особой экспрессии ǰ=e употреблялась и после деепричастных форм, непосредственно предшествующих заключительной изъявительной форме: ...qurdun ayan=tur güyyičen=ǰe yadamui=ǰe qurča bulqa=tur bulqaldun=ǰe yadamui=ǰe [Ск.ск., § 249] "В быстром походе ведь не сможем догнать, в немедленное сражение не успеем ведь отправиться ".

Кроме того частица ǰ=a / ǰ=e употреблялась и в начале предложения со значением согласия с чем-л. "ладно", "хорошо", "пусть будет так": ǰe teyin bö'esü ger=tür=iyen gürčü... [Ск.ск., § 36] "Ладно, если так, доедем до юрты..."; ǰe deli ke'en sayin ečige=yi setkiǰü... [Ск.ск., § 242] "Ладно, пусть будет так, подумаем о своем добром отце..."; ǰe ke'en eye baralduǰu ča'ur=beki=yi öküye [Ск.ск., § 168] "Хорошо, - сказали они, - придем в согласие и отдадим Чаур-бэки". В таких случаях ǰa / ǰ=e могла сочетаться с усилительно-выделительной частицей kü / gü: ǰe=gü ke'elduba [Ск.ск., § 82] "Можно (хорошо), конечно, - сказали все".

Возможно, что это были две омонимичные частицы Поэтому сочетание модальной частицы ǰe с глагольной связкой bui+ǰe дало буйзаа или биз в современном языке, которая всегда употребляется только в конце предложения со значением вероятности, предположительности, тогда как ее омоним ǰa / ǰe (в современном языке заа) как и прежде стоит в начале предложения с утвердительным значением согласия или одобрения .

Частица ni . Заканчивая обзор выделительных частиц, употребляемых в доклассических текстах, следует упомянуть еще одну частицу, отмеченную в свое время Н.Поппе в тексте ТД и названную им "частицей неопределенности" (a particle uncertainty) [Н.Поппе, 1967, с. 77, 86]. Эта частица, как и частица "ба" также графически совпадала еще с двумя единицами, а именно, с окончанием винительного падежа, которое иногда употреблялось после основ на =n: tere kü'ün=ni inu a[b]čiraǰu ger dotora ǰaruǰu aqu büle'e [Ск.ск., § 16] "[Он] забрал его сына, [и тот] стал служить в доме"; и с сокращенной формой лично-притяжательной частицы ni < inu в значении "его, ее, их": eme=yi ni qaγan bey=e=tegen abuba [АТФ, 4375] "Жену его хан взял себе ".

Выделительная частица ni употреблялась в конце предложения со значением некоторой неуверенности, неопределенности, предположительности: tede ber ülü üǰegdem ni [ТД 40, F 29 v] "Они, кажется, не видимы"; ...üǰesküleng=tü öngge čirai inu γutuǰu: qari qab qar=a bolbai ni [ТД 48, F 38 v] "Прекрасное лицо его утратило красоту и стало как бы чужим и абсолютно черным".

Несколько примеров с этой частицей отмечено нами в тексте летописи XVII в. "Алтан тобчи", в которых она придает высказыванию оттенок уверенности или убежденности: tegün=tür Qasar Belgetei qoyar ene eǰen yosun ügei ǰasaγ ǰarliγ bolai ni... kemen kelečin... [АТФ, 1165] "Тогда Хасар и Бэлгутэй говорили друг другу: «Нет такого обычая, чтобы этот повелитель установил [такой] закон»"; qas erdeni metü kegür činu abču qariy=a ni: qatun Börtegeǰin=tür činu üǰügülüy=e ni: qamuγ ulus=tur činu kürgey=e ni kemen öčibesü... [АТФ, 3938] "[Мы] вернем твой прах, подобный драгоценной яшме, покажем его твоей Бортэгэлджин-хатун, доставим его всему твоему народу... ".

Вопросительная частица

В древнемонгольском языке зарегистрирована только одна вопросительная частица, которая ставилась в конце всего предложе-

ния, или какого-либо отдельного члена предложения и употреблялась для передачи прямого, риторического, альтернативного и всех прочих видов вопросительных значений.

В отличие от классического языка, где эта частица имеет формы uu / üü, в древних текстах она передается как (y)ü ~ (y)u'u ~ wū, ü'ü; 'ū; ū - в "Сокровенном сказании" или γu / gü < uγu / ügü, реже - uu / üü - в других текстах, например: Temüǰin ger=tür buyu=' ū [Ск.ск., § 100] "Дома ли Темуджин?"; tede hurban merkit maqat geyit=tür=iyen aǰiraba=yū bükčū ='ū amui [Ск.ск., § 103] "Может быть, те трое меркитов вернулись домой или скрываются в горах?"; ...bi čima=dača anggida ede morid=iyan abqu='ū büie'e [Ск.ск., § 92] "...разве без тебя поймал бы этих лошадей?"; tede qurban haran=i ugaba='ū či [Ск.ск., § 55] "Ты заметил тех трех людей?"; ...Jigüntei=yin köbegüd inu buyuγu kemebesü [Cl., 1338, c. 54] "...когда спросил: «Находятся ли здесь сыновья Jigüntei'я?»"; ...tngri=dür γarbaγu γaǰar=tur orobaγu [ТД 40, F 29 r] "Ушли в Небо или вошли в Землю?".

Вопросительная частица использовалась не только в конце предложения, но и после отдельных его членов: tedüi üü üiü irekü üü [ТД 39, F 28 r] "Тогда ли не вернется назад?"; ulus=i činu man=a='ū mede'ülgü ken=e ber yekin mede'ülgü ke'eǰü'üi [Ск.ск., § 167] "Кто знает, не к нам ли перейдет управление твоим государством (не в наше ли ведение)?"

В риторических вопросительно-отрицательных предложениях с препозитивными отрицательными частицами ülü и ese "не" или препозиционной busu "не..., а" вопросительная частица нередко ставилась после этих частиц в целях придания высказыванию особой эмоциональной интонации и выразительности. Например: ...üǰegü =yin minu nidün sonosqu=yin minu čikin bolǰu ülü='ū aqu či ke'en [Ск.ск., § 252] "Разве ты не мои глаза, чтобы видеть и не мои уши, чтобы слышать?"; kidu'ači ebügen ese=' ū ke'egü büle'e [Ск.ск., § 181] "Разве не называл [моего отца] стариком-убийцей?"; Činggis qahan Sigiqutuqu=da ügülerün ǰirqodu'ar de'ü busu='ū či [Ск.ск., § 203] "Чингис-хан сказал Шигихутугу: «Разве ты не шестой [мой] брат?»"; To'onl Ong qan ügülerüün bi nidöni čimada ese=' ū ügülele'e [Ск.ск., § 104] "Тоорил Ванхан сказал: «Разве не дал я тебе слово (не говорил) в прошлом году?»"; ...namayi eyimü=yi ülü='ū ǰi'aqu büle'e či ke'ebe [Ск.ск., § 145] "Разве не выдал бы ты, что я вот так [лежу]?"; ...eke=ben de'ü=ner=iyen erin ot ese=' ū kelelü'e bi [Ск.ск., § 85] "Разве не говорил я тебе: «Иди и ищи свою мать и братьев?»".

Частицы отрицания

Эти частицы подразделяются на: I - препозитивные: а) запретительные, употребляемые только при повелительно-желательных формах; б) собственно отрицательные, используемые при различных глагольных формах (изъявительных, причастных, деепричастных) и II - постпозитивные, относящиеся к именам и причастным формам.

I - что касается запретительных частиц, то в древнемонгольском языке, в отличие от современного (где их две), употреблялась только одна bu/buu "не", обозначающая прямой запрет или намерение не совершать какое-л. действие, например: uridus=un sayin ner=e=yi buu γutuγadqun [Cl., 1362, c. 64] "Не позорьте добрые имена предков!"; ...maγui üile buu böged üiledüdkün [Cl., 1362, c. 65] "...не совершайте в таком случае плохих дел"; bida bu bawuya [Ск.ск., § 118] "Мы не остановимся!" quda kö'ü minu noqai=yaca bu soči'ul [Ск.ск., § 66] "Сват, не позволяй моему сыну бояться собак"; manaqar bu megüdesü qonoq=tur bu qoǰidasu [Ск.ск., § 124] "Днем не растеряюсь, ночами не задержусь"; yeke eye=tür Belgütei bu orotuγai [Ск.ск., § 154] "Пусть Бэлгутэй не приходит на Великий Совет ".

В сложных предложениях bu(u), как и другие отрицательные частицы, могла находиться перед срединным сказуемым, выраженным деепричастными формами при условии, если заключительное сказуемое - повелительно-желательная форма: ...aq=a degü kümün=lüge boduraldubasu erke omuγ=iyan ülü ǰiγan öber=eče, dorodas üčüged=i buu basumǰilan öber=ečegen erdem=tü sayid=luγa aq=a degü barildu [Cl.,1362, c. 65] "Если вы общаетесь с людьми, ставшими для вас братьями, не показывайте свою власть и гордость, не унижайте тех, кто ниже и беднее вас, станьте побратимами с теми, кто более талантлив и лучше, чем вы сами ".

Единственный зафиксированный нами случай употребления bu / buu перед формой будущего причастия можно объяснить тем, что в данном примере выражено повелительное значение: buu boldaqui [ТД 32, F 18 v] "не должно быть дозволено".

Перед прочими глагольными формами отрицаниями служили ese и ülü "не".

Частица ese употреблялась практически со всеми глагольными формами: изъявительными, причастными, деепричастными, например:

1) с изъявительными формами прошедшего времени: ...ali be ǰoblangud=i es=e üǰebei [Cl., 1362, c. 65] "не видел никаких страданий"; ...ese gü üǰebei či [ТД 63, F 58 v] "разве ты не видел?"; tede irgen

Bodončar=un qarčiqai quyu'asu ese ökba [Ск.ск., § 29] "Когда те люди попросили у Бодончара ястреба, [он] не дал"; tedüi eriǰü ese oldalāi [Ск.ск., § 112] "Искали, [но] не нашли"; ...aqta=yin qarqam ese üǰe'ülüle'e [Ск.ск., § 194] "Задний ход (отступление) коней не показывал"; Činggis-qa'an=a qubi ese qarqaǰu'u [Ск.ск., § 260] "Чингис-хану доли не выделили"; ...güre'elekset qaǰar=ača ese gödöǰü'üi [Ск.ск., § 146] "...с достигнутого места, (с места, где расположились обозом) не сдвинулись";

2) с причастием прошедшего времени: oyira es=e qaɣaɣsan [Cl., 1362, с. 67] "близко не подпускал"; ...urid=ača ese sonosuɣsan, ese uqaɣsan [ТД 45, F 34 v] "...прежде не были услышаны или осознаны"; ...ulus irgen=i masi ese qairalaqsan=u tula... [Н III, II а, 25 v, 5] "... так как очень не жаловал народ...";

3) с деепричастными формами: ...činayi ese taniǰu ögülegsen [ТД 44, F 33 v] "...сказал, не узнавая тебя"; ...ese itegeǰü ... [Н III, II б, 23 г, 1] "...не доверяя..."; ...tenggeride ese ta'alaqdaǰu... [Ск.ск., § 246] "...не соответствовало желанию Неба..."; ken=e ber ese dutatala... tüge'eldüba [Ск.ск., § 187] "Никому не было недостатка..."; ...elčin=luwa ese üǰeldü'et... [Н III, II а, 20 v, 4] "... с послом не встретились..."; Čöl müren ki'et qaǰar usun=ača'an eǰiye ese qaqačaqsabar... [Н III, II б, 5 г, 5-5 v, 1] "От реки Цол и водных мест продолжали не отходить (не отставать)..."; emigeǰü qayiralaǰu es=e [ebdere]gülbesü taqimdaɣu bolqu=yin angq=a uridu üile buyu [НС, 2 а] "Если проявляя осторожность и любовь, [мы] не позволяем [им] расстраиваться, это и будет самым первым делом сыновнего почтения"; ...ötör güyiǰü gürču ese ala'asu Altani eme gü'ün yekin büle'e [Ск.ск., § 214] "... если бы [мы] не подбежали и не убили [его], что бы делала Алтани?"

Частица ülü употреблялась перед следующими глагольными формами :

1) деепричастиями, причем чаще всего перед формой слитного деепричастия, что особенно характерно для языка "Сокровенного сказания", например: ...uruq=a ülü to'an qubi ese ökba [Ск.ск., § 23] "...не посчитав за родного, доли не выделили"; Yesügei ba'atur=un üge=yi busi ülü bolqan Mönglik otču... [Ск.ск., § 69] "Следуя словам (досл.: слова не делая другими) Есугэй-батара, Мунлик отправился..."; ...ülü toqtan tayčǰi'ud=un qoyinača newüǰü'üi [Ск.ск., § 73] "...не останавливаясь, двинулись вслед за тайджиудами"; ...ende tende ülü buluran... [Cl.,1338, с. 53] "...не рассыпаясь повсюду...". Реже ülü встречалась с соединительным и разделительным деепричастиями, например: qayila'asu qarayiǰu ülü üǰeǰü ... [Ск.ск., § 56] "Если и плакать

будешь, поскачу [вслед и] не увижу (не видя)..."; teyin ülü uqaγad mungqaγ=ud ta [ТД 66, F 62 v] "Итак, вы не понимаете, глупые вы?"

2) с причастиями: главным образом перед причастием будущего времени на =qu/=qui/=qun: či ülü čidaqu bi nekesü ke'eǰü [Ск.ск., § 89] "ты не сможешь, погоняюсь я"; ülü ǰa'aqu bi [Ск.ск., § 82] "Я не выдам тебя"; amiban ülü sögegdekü [НС, 36 б] "Жизнь свою не подвергают уничтожению"; ülü singgekü ide'e ideldüǰü [Ск.ск., § 201] "Вместе ели несъедобную (непереваривaемую) пищу..."; tenggeride ülü ta'alaqda-qun [Ск.ск., § 167] "Небо не будет благоволить [нам] (не будем покровительствованы Небом)"; bidan=a ülü taniqdaqun olon=i mün tende bö'et... [Ск.ск., § 199] "Нам незнакомых людей [оставьте] там же..."; ulus ba ülü medekün kö'üt... [Ск.ск., § 270] "Сыновья, не управляющие государством...".

Кроме того ülü использовалась и перед формой однократного причастия на =γči(=qči,=kči) / =γčin / =qčin: ...ulus=un iregen=i ülü qairlaqči qahan=ni bügüde=yi tübši'eridü'et... [Н III, II a, 25 г, 1] "...умиротворив всех правителей (ханов), не жалующих свой народ..." tenggeri=yi ülü kündülekči ügei bügü silta'an... [Н III, II a, 1 v, 2] "...причина в том, что нет непочитающих Небо..."; ǰarliq ǰasaq=i inu ülü daqaqčin ügei aǰu'u ǰe [Н III, II a, 17 v, 4] "... не было ведь [таких], кто не следовал [не следовавших] порядку и закону".

3) перед изъявительными формами настоящего времени на mu=/=mui и =yu: ...olon amitan kedün bügü=yi ülü medekdemü [Н III, II a, 1ч, 2] "Неизвестно, сколько находится живых существ..."; yakin teyin tataγalǰaǰu ülü bolumui či [ТД 34, F 20 г] "Почему ты так возражаешь и не соглашаешься?"; basa čöl qaǰar=a görö'esün=eče busu ülü amui [Ск.ск., § 279] "Кроме того в пустыне нет других [животных] кроме антилоп"; kebte'ül=ün čerik ker ülü qarqaqdamui [Ск.ск., § 293] "Почему не будут отправлены кэбтэулы...?" edö'e nökčeye ke'esü ülü boluyu [Ск.ск.,§ 271] "Сейчас предлагаю дружбу, но [ты] ведь не соглашаешься"; ülü sirgiyü ali=be čaγ=tur [Cl., 1362, с. 68] "не высыхает в любое время"; ...qatud=ta ülü erkesigdeyü [ТД 66, F 62 v] "Не могут находиться во власти женщин ".

4) перед формой на =run: kitad irgen=ü Altan-qan tatar=un Megüǰin-seültü=ten eye=dür=iyen ülü oroqdarun [Ск.ск., § 132] "Китайский Алтан-хан и татарский Мэгуджин-суулт на Совет не были допущены".

Редким случаем является употребление отрицания ülü перед формой опасения на =γuǰai (в "Ск. ск." - 'uǰai), так как значение самой формы предопределяет предостережение или опасение как бы не совершилось нежелательное действие. Поэтому при наличии перед этой формой ülü передается двойное отрицание "как бы не... не", например: olon adu'un anu ǰoqsaǰu ülü qočoru'uǰai, ordo ger inu e'üreǰü

ülü'ü qočora'uǰai, olon ulus anu ündür etüget=tür qorura ülü'ü qaru'uǰai [Ск.ск., § 190] "Как бы не остались позади многочисленные табуны; как бы не остались не не погруженными юрты, как бы не не убежал в леса народ". Ср. в АТ: ...qamuγ ulus=i ülü medegüǰei [АТФ, 408] "как бы это не осталось неизвестным всем народам (досл.: как бы не не узнали, т.е. не оказались неосведомленными)".

Нередко ülü и ese употреблялись в одном предложении: ...ülü tanin ese büsireǰü tende alaǰu'u [Ск.ск., § 188] "[Он] не узнав его и не поверив [ему], там [его] и убил".

II - Отрицание ügei "не", "нет", "без" является постпозитивным и употребляется при именах и причастных формах со значением отсутствия чего-либо" uidqari ügei [Cl., 1362, с. 67] "без устали"; kümün ügei oi=dur γarumui bi [ТД 35, F 22 v] "Я уйду в безлюдные (где нет людей) леса"; tede irgen Bodončar=i ken=ü'ei ba ya'an=u'ai be ke'en assaqu ügei Bodončar be tede irgen=i ya'un irgen ke'en asa'ulčaqu ügei yabulduba [Ск. ск., § 29] "Те люди не спрашивали Бодончара кто он и чей. И Бодончар не спрашивал тех людей кто они ".

В позиции перед глаголами bu= "быть", bolu= "становиться", ügei передавало значение "исчезнуть", "умереть", "скончаться": tedüi atala Duwa Soqor aqa inu ügei bol[u]ba [Ск.ск., § 11] "Тем временем старший брат его Дува-Сохор скончался"; gem ügei boluγad... [НС, 7 а] "Исчезли пороки..."; qoor ada... ügei bui ǰ=a [НС, 10 б] "Исчезли... несчастья и пороки ...".

Отрицательная частица busu / busi - именного происхождения со значением "иной", "другой". В качестве отрицания обозначала "не..., а", но иногда указывала и на обычное отсутствие чего-либо: egüdügsen bügüde möngke busu [ТД 24, F 6 v] "Все возникшее не вечно "; ...üdür büri üǰeldüǰü surγaǰu ögkü busu bui [НС, 26 а] "...каждый день не надо видеться и поучать (давать наставления)".

Притяжательные частицы

Они подразделяются на две группы: 1) лично-притяжательные и 2) безлично-притяжательные, или возвратные .

1) Лично-притяжательные восходят к формам родительного падежа личных местоимений. Но если личные местоимения являются лексически и синтаксически самостоятельными словами и употребляются в форме родительного падежа в качестве определений к именам и в таких случаях именно на местоименное определение падает логическое ударение: manu ger=tü "в нашей юрте", то лично-притяжа-

тельные частицы теряют свою самостоятельность, что обусловлено их иной синтаксической позицией. Находясь в слабой синтаксической позиции, - после соответствующего имени, они утрачивают и свое атрибутивное значение (ибо в монгольских языках определение всегда предшествует определяемому).

Ослабление лексического и грамматического значения лично-притяжательных частиц привело к тому, что они ослабили свою смысловую нагрузку и самостоятельное ударение. Как частицы они входят в состав соответствующих слов, придавая им различные экспрессивно-стилистические оттенки и логическое ударение при этом будет падать на предшествующее частице имя: ger=tü manu "в юрте нашей".

В древнем письменном монгольском языке лично-притяжательные частицы 1-го и 2-го л. ед.и мн. чисел формально совпадали с родительным падежом соответствующих личных местоимений: minu "мой", manu "наш", činu "твой", tanu "ваш", inu "его, ее", anu "их". Формы с некоторыми фонетическими изменениями, возникшие под влиянием устной речи: mini, čini зафиксированы только в качестве местоименных определений к именам: mini altan [МА, с. 236] "мои деньги", čini keksen=i [МА, 134] "тобой сделанное ".

В наших текстах коммуникативно наиболее активными частицами предстают činu и minu, а также inu и anu (о чем ниже), наименее manu и tanu.

В данной работе мы не ставили целью описать все многообразие эмоционально-экспрессивных и других смысловых оттенков, придаваемых высказыванию этими частицами (это - цель особого исследования), а даем лишь отдельные примеры их употребления.

Minu: köbegün minu čimada ger=teče γarqu=yin kereg inu yaγun bui ögületügei [ТД 30, F 13 v] "Сын мой, скажи какая у тебя необходимость покинуть дом?"; ǰegün ber minu maγui bolba [ТД 58, F 55 r] "Сон мой плохим стал"; ta tabun kö'üt minu qaqča ke'eli=eče töreba [Ск.ск., § 22] "Вы пять сыновей моих родились из одного чрева".

Činu: köbegüd uruγ činu qotolaγar: kereglegdeǰü... [Cl., 1362, c. 68] "Сыновья и внуки твои все использовались [на государственной службе]..."; ...qaγalγ=a=dur činu bii tas bayiγulbai [Cl., 1362, c. 68] "...у ворот твоих воздвигли камень"; ene kö'ün činu nidün=tür=iyen qaltu... [Ск.ск., § 62] "У этого сынка твоего в глазах огонь...".

Manu: Qaγan eǰen manu Oron=i belgetüi=e soyurqan... siltaγan kemebesü... [Cl., 1362, c. 67] "Что касается причины, по которой государь-хан наш так отличил Орона..."; nu'un kö'üt manu nuntuq qaraya [Ск.ск., § 65] "Сыновья наши владеют кочевьями".

Tanu: ...sayin ner=e tanu egüride aldarsiγuldamui ǰ=e [Cl., 1362, c. 65] "...доброе имя ваше прославится навечно"; Serekü-ber tanu ǰöb

[Ск.ск., § 20] "Подозрения ваши верны"; mör=tür tan=u göro'esün olon bui= ǰe [Ск.ск., § 199] "На пути вашем много антилоп ".

Что касается притяжательных частиц 3-го л., восходящих к исчезновшему ныне местоимению 3-го л., то в древнем языке употреблялись четыре его формы: anu, inu и возникшие под влиянием разговорной речи: ni, i со значением "их", "ее", "его". Anu и inu также относятся к числу особенно часто употребляемых, причем смысловые оттенки их колеблются от эмоционально-экспрессивных до полностью нейтрального употребления, например: ..nögčigsen uridus=un anu ner=e=yi... [Cl., 1362, с. 67] "...Имена умерших предков их..."; ...uǰaγur inu gün=e ündüsüleyü [Cl., 1362, с. 68] "...корни его [дерева] берут начало глубоко [в земле]"; ...qariγu inu ber.. γurban=iyar ǰrlγ ilelegü [УМУДБ, с. 58] "...в ответ послал указ через трех [послов]"; gergei inu Qo'ai-maral aǰi'ai [Ск.ск., § 1] "Супругу его звали Гоуа-марал"; Kõbegün inu ber nilqa=a bükü=degen... önöčin qočorbasu... [Cl., 1338, с. 55] "Сын ее в раннем возрасте... остался сиротой..."; eke anu Alan-qo'a uqaǰu... [Ск.ск., § 18] "Мать их Алан-гуа [все] поняла..."; ödün hüsün anu burqaliq časun metü butaraǰu keyisǰü iremü [Ск.ск., § 31] "Перья их летели точно хлопья снега".

Под влиянием разговорной речи появились формы ani, ni (реже - i): tede ani ese ire'esü... [Ск.ск., § 174] "Если они не вернутся... ";...γayiqamsiγ ni γayiqaγdaqu ülügü bui kemen [ТД 50, F 42 r] "...не удивительно ли [что он] не признал его счастье?"; ...tüsigdegsen=dür=i öber=iyen ülü omoγsin tus=yuγan amüne aqui bükü sedkil=iyer küčü ögügsen aǰuγu [Cl., 1338, с. 56] "...когда была вверена [служба] ему, [он] не вел себя надменно, а служил всей душой ".

2) Безлично-притяжательные, или возвратные частицы.

Эти частицы указывают на отнесенность объекта к лицу вообще, имеют значение "свой" и поэтому присоединяются к именам только в косвенных падежах. Представлены они несколькими формантами в зависимости от падежа имени и от того, совместно или раздельно пишутся с падежными окончаниями.

В случае раздельного написания (но если имеется неоформленное падежным формантом прямое дополнение, то иногда и совместного написания) частицы имели две формы: ban / ben - после гласных и iyan / iyen - после согласных: ...čamča=ban mültüǰü... [Ск.ск., § 55] "...сбросила свою рубашку"; ...sumu=ban salbaǰu ... [Ск.ск., § 77] "...натянул свой лук..."; ...asuru masi bayasulčaǰu alaγaban qamtudqaǰu... [ТД 55, F 50 v] "...все чрезвычайно обрадовались и скрестили свои руки... ".

Вместо =ban / =ben после гласных употреблялось иногда =γan: ...doturaγan oyisiyaǰu orusin Yungčang=a nuntaγlaγsan aǰuγu [Cl., 1362,

с. 64] "...в душе (у себя внутри) он восхищался им и постоянно располагался лагерем в Yungčang=e"; ...erke omoγ=iyan ülü jïγan... [Cl., 1362, с. 65] "...не выявлял своей власти и гордости"; ...irgen=iyen abuγad oroju... [Cl., 1362, с. 62] "...взяв своих людей, ушел..."; ...iduγ qud öber=ün tüsimel=iyer=iyan... [Cl., 1362, с. 62] "...Идуг худ со своими личными чиновниками...".

Если же эти частицы писались совместно с падежными окончаниями, то в таких случаях для родительного и винительного падежей они имели форму =yuγan / =yügen, =yuban / =yüben (В "Ск. ск.": = yu'an / = yü'an), дательно-местного - = daγan / =degen, =taγan / =tegen, исходного - = ačaγan / =ečegen, дательно-местно-исходного - = dačaγan / = dečegen: ...öber=ün ečige ene=yügen kündülebesü ...[НС, 3 б]. "... если почитаешь своих собственных родителей..."; Bodončar Buqu-qataqi aqa=yu'an qoyinača daqaju... [Ск.ск., § 33] "Бодончар следовал за своим старшим братом Буху-хатаги..."; saγurin=daγan saγu [НС, 2 а] "Сядь на свое место"; öber=ečegen erdem=tü sayid=luγ=a aq=a degü barildu [Cl., 1362, с. 65] "Станьте побратимами с теми, кто более талантлив и лучше, чем сами (от самих себя)". Примеры на употребление лично-притяжательных частиц см. также в разделе "Падежные формы".

Союзы

Среди союзов наиболее употребительным оказался ba. Он не исконно монгольского происхождения, а скорее всего был заимствован в древности из арабского через уйгурское посредство [А.Лувсандэндэв, 1975, с. 30, 31]. А.Лувсандэндэв, исследовавший употребление этого союза в старописьменном и современном монгольских языках, считает, что в большинстве случаев "ба" выполнил не связующую функцию между однородными членами предложения, а разграничивающую [А.Лувсандэндэв, 1975, с. 23, 24].

Строй монгольского языка, когда впереди стоящее слово может оказаться определением по отношению к следующему, нуждается в таком разграничительном средстве, которым и являлся в ряде случаев данный союз, например: ükügsen ba amidu=yin nayiramdaγu yosun bolu [НС, 38 а] "Это есть закон почитания мертвых и живых"; ali tere minu ögülegsen ba: arsi=yin ögülegsen üge=yin ači ür=e [ТД 47, F 37 v] "[Это] результаты всего сказанного мною и слов, сказанных отшельником". Если бы в приведенных предложениях после глаголов в фор-

ме прошедшего причастия не стоял союз "ba", оба причастия были бы определениями по отношению к следующим за ними словам .

В наших текстах бóльшую часть примеров составляют те, в которых "ba" выполняет функцию соединения однородных членов предложения, например: öber=eče yekes=tür ba öčüked=tür nayiralduǰu yabuγsan=u tula... [НС, 32 a] "Так как сами (досл.: от себя) были дружелюбны к великим и малым..."; edüge biden=tür ba tandur ber ülü ǰoqilduqun... [УМҮДБ, с. 72] "Сейчас нам и вам взаимно не подходит..."; ...edür=tür arča=yin nigeken ür=e ba nigen tuturγan teregüten=i idesügei [ТД 47, F 38 r] "Я буду есть в день всего лишь ягоду можжевельника и одно [зернышко] риса"; ...öber=tür ba busud=ta tusa=tu [ТД 28, F 10 v] "...полезно для себя и для других"; ečige eke=de törögüldegsen ba teǰiegdegsen [Cl., 1362, с. 65] "Рожденные и вскормленные родителями"; ...dotura ba γadan=a üile=dür tüsigdegsen=dür... [Cl., 1362, с. 67] "...когда ему были поручены внутренние и внешние дела...".

Вторым по своей распространенности в текстах был соединительный союз kiged, восходящий к форме разделительного деепричастия от глагола ki= "делать". Сейчас этимологическая связь союза с деепричастием уже полностью утрачена, а сам он никакого лексического значения глагола не содержит [А.Лувсандэндэв, 1975, с. 31]. По употреблению kiged чаще всего соответствует союзам "и" или "также", например: üker kiged takiy=a=yin törö yabudal=iyar yabuqui [ТД 45, F 35 v] "Существовать как скот и куры"; γal kiged serege=yi dulduyidqui [ТД 45, F 35 v] "...полагаться на огонь и острогу (сделать огонь и острогу основой своего существования)"; arslan kiged doγsin ariyatan=iyar dügürügsen: aγlaγ oron=dur... [ТД 36, F 24 v] "...в единственном месте, наполненном львами и другими свирепыми хищниками"; ...subud erike kiged eldeb qongqos... [ТД 21, F 3 r] "...нитки жемчуга и различные колокольчики...".

В ряде случаев в одном предложении употреблялись оба союза: kiged и ba: ...qaγalγ=a sakiγsan dörben ayimaγ čerig=üd ba:qaγan qamuγ sakiliγ=ud kiged noyad ba: qamuγ qatun=un ayimaγ ber umtaraǰu... [ТД 34, F 21 v] "...четыре отряда солдат, стерегущих ворота, хан, все sakyas и принцы, и целая толпа женщин - все спят...". Кроме того, при перечислении однородных членов предложения kiged передавал и значение "и другие": ...öber=ün beye qad=ta ner=e ber soyurqal uridus=tur=iyan ba ong ner=e kiged soyurqaγulqu kemebesü... [Cl., 1362, с. 67] "...что касается дозволения пожаловать его собственной персоне титулы и благосклонность, своим предкам титулы вана и другие [титулы]..."; Ki Yem kiged ügüler=ün [Cl., 1335, с. 7] "Ki Yem и другие сказали: ...".

В аналогичном значении этот союз зафиксирован и в тексте "Сокровенного сказания": Jamuqa=lu'a aqsat ǰadaran qataqin, salǰi'ut,

dörben tayiči'ut onggirat ki'et tende=gü oroba [Ск.ск., § 196] "Джадараны, хатагины, салджиуты, дербеты, тайчуды, хонхираты и другие, кто последовал за Джамухой, пришли туда же".

В литературе уже отмечалось, что падежный формант, относящийся к именам, мог присоединяться и к следующему за именем союзу kiged [Котвич, 1902, с. 163]: ...basa ber ǰaγur=un sudur kiged=lüge tokiyalduγulǰu mongγolčilan orčiγulǰu orosiγulbai [ТД 68, F 65 r] "..а также, сравнивая и с оригиналом сутры, перевел [это] на монгольский язык".

Если этимологическая связь союза kiged с формой разделительного деепричастия давно утрачена, то в союзе böged / büged, несмотря на его также древнее происхождение, еще ощущается связь с аналогичным деепричастием от глагольной основы bö=/bü= "быть". Поэтому в древних текстах наряду с союзной, эта форма выполняла и свою первоначальную функцию - глагольную. В качестве союза böged распространен в современном языке, в основном в книжном [А.Лувсандэндэв, 1975, с. 31]. Но в древнем языке его союзное употребление ограничено использованием в значении "тогда", "в таком случае": ...olan maγun=luγ=a yabubasu ülü büged temečeldügdeküi [HC, 22 б] "...если он находится с многими нечестивыми [людьми], тогда не должен вступать в обоюдный спор"; ...ene büged olan irgen=ü taqimdaγu yosun bolu [HC, 10 a] "...это и будет тогда законом почитания и многих людей".

Союз ker=be (ker ber) употреблялся в предложениях перед условным деепричастием и имел значение "если": Ker=be oron debüsker=tür edüi tedüi burtaγ bolγasu... [Cl., 1335, c. 72] "Если оказалась какая-либо грязь на постелях..."; Ker ber ger=tür ülü saγun γarbasu... [ТД 33, F 19 v] "Если [он] выйдет, не оставаясь в доме..."; Ker ber minu ene eb[e]sün=iyer erten=ü burqan=nuγud=un mör=i olqui ele bolbasu... [ТД 55, F 49 v] "Если вы найдете с помощью моей травы тропу прежних Будд...".

Союз ǰiči имел значение "но", "однако", "также", "потом", "тогда как": ...ǰiči mön odun barabasu... [Cl., 1338, c. 53] "... и потом, когда тот самый ушел..."; siliγu sayid ǰiči toyin busu ... [HC, 20 a] "Лучшие люди (сайды) однако не такие..."; ...üčügün=i ǰiči yeke=yi kereglebesü... [Cl., 1338, c. 56] "...[надо использовать] малое, тогда как используют большое (вариант: "когда используют малое, потом большое")".

Союзную функцию кроме того выполняли числительные qoyar и ǰirin "два": sayin aγali aburi nayiramdaqu qoyar=i [HC, 12 a] "..поведение и дружественное расположение"; qatut Örbei Soqatai ǰirin [Ск.ск., § 70] "Ханши Орбай и Сохатай"; Börte=üǰin Qo'a/q/čin ǰirin [Ск.ск., § 110] "Бортэ-уджин и Хоагчин".

Заключение

Изучение языка самых ранних монгольских памятников показало, что исконная грамматическая система письменного монгольского языка в основном сохранилась до наших дней.

Вместе с тем выявлены и значительные отличия языка древних доклассических текстов от норм современного языка. Это касается грамматических (и прежде всего морфологических) средств словоизменения, в меньшей степени суффиксального словообразования, которого в данной работе мы касались лишь попутно.

Анализ текстов показал также, что различные по своей природе морфологические данные увязываются в целостную систему развития языка, его грамматических категорий с древних времен до современности. Это подтверждает общеизвестный факт, что язык - не застывшая раз и навсегда система с определенным набором морфологических средств, а система, находящаяся в постоянном развитии и изменении.

Грамматическая структура доклассического языка характеризуется следующими особенностями.

Падежная система в них была представлена одними и теми же падежами и за редким исключением сходными формантами, которые сохранились и в современном языке. Исследование подтверждает генетическую связь между винительным и родительным падежами, наличие первоначально одних формантов для двух падежей, представляющих фонетическую модификацию одной праформы *=in > *inu, которая сопоставляется с личным местоимением 3-го л. ед.ч. в дагурском языке īn "он", īnī род. п., и лишь позднейшее расчленение их на разные в диалекте, легшим в основу письменного монгольского языка. В других монгольских языках (баоаньском, дунсянском, монгорском, дагурском, языке желтых уйгуров и некоторых диалектах бурятского языка), родительный и винительный падежи до сих пор сохраняют одни и те же показатели.

Мнения многих алтаистов, считавших местный падеж на =a /=e уже архаичным в древнемонгольском и окончательно исчезнувшим в классическом, следует считать несостоятельным, так как в текстах XIII-XIV вв. и в XVII в. этот падеж был представлен довольно широко,

употреблялся наряду с другими падежными формами в самых различных значениях и наращивался на разные основы, оканчивающиеся на широкий круг согласных и гласный дифтонга.

Дательно-местный падеж в текстах XIII-XIV вв. представлен только двумя формантами =dur и =da, в отличие от классического, где их три: =dur, =du, =da. Мы считаем, что вариант =du в классическом является усеченной формой от =dur. Что же касается формантов =dur и =da, существовавших паралельно как в доклассических, так и в классических текстах, то мы полагаем, что =da был заимствован из тюркских языков, в которых существовал полифункциональный местно-исходный падеж на =da / =de, с чем, видимо, связано и наличие в этих текстах двойной дательно-местно-исходной формы от =da / =ta /: =dača / =tača и невозможность образования ее от =dur / =tur или =du / =tu.

Редкое употребление совместного падежа, которому в доклассических и ранних классических текстах была более свойственна определительная функция и формант которого =tai в современном языке превратился в омонимичный падежному продуктивный суффикс образования имен прилагательных, компенсировалось соединительным падежом на =luγ=a. Этот падеж с комитативным значением сохранился в ряде монгольских языков и диалектов, но отсутствует в современном (халхаском) языке.

Среди двойных падежных форм наиболее распространенной была дательно-местно-исходная форма, сохранившаяся в современном языке практически в одной словоформе гэртээс "из дома". Появление этого двойного падежа в монгольском связано с влиянием древнетюркских языков, полифункциональный местно-исходный падеж которых на =da в монгольском языке для передачи собственно аблативного значения требовал показателя исходного падежа на =ča / =če. Употреблялись также совместно-винительный и совместно-родительный падежи.

При бесспорном факте употребления в доклассических текстах разных глагольных форм или суффиксов =tai и =tu в зависимости от наличия в предложении имен мужского или женского пола, это не была закономерная и последовательно выраженная система, а лишь ее отдельные и сравнительно редкие факты. Поэтому существование грамматической категории рода и в ранних монгольских текстах следует поставить под сомнение, поскольку отдельные факты согласования глагола-сказуемого с именами, обозначающими действующих лиц в предложении (по полу), лишь допускают возможность присутствия такой категории в более древнем языке или диалекте, по которым у нас отсутствуют какие-либо источники.

В доклассическом языке существовало (хотя и не совсем регулярное) формальное согласование в числе подлежащего со сказуе-

мым, определения с определяемым. В современном языке оно практически отсутствует, т.е. развитие монгольского языка шло от согласования формального к согласованию логическому.

В доклассических текстах система показателей квантативности имела уже полное развитие и представлена была теми же формантами, что и в классическом и современном языках. Употребление форм множественного числа шло постепенно в сторону его ограничения. В древних письменных памятниках оформлялись количественно многие имена, которым в современном языке либо вообще свойственно только единственное число, либо они имеют уже иные показатели множественности.

В отличие от классического и современного языков в текстах XIII-XIV вв. употреблялись два местоимения 1-го л. мн.ч. ba и bida(n) / bide(n) "мы", причем последнее постепенно вытеснило первое, которое исчезло из языка, вероятно, к XV в. Среди личных местоимений присутствовала почти полная парадигма склонения местоимения 3-го л., тогда как в классическом и современном языках остались лишь рудименты этого местоимения в форме родительного падежа в качестве лично-притяжательных частиц inu и anu.

В доклассических текстах inu,anu употреблялись препозиционно, как и прочие личные местоимения и постпозиционно, в качестве притяжательных частиц.

Числительные доклассических текстов в отличие от классического и современного языков характерны наличием архаичных форм написания некоторых порядковых числительных, а также чередованием глухих и звонких заднеязычных в ряде числительных первого десятка, неполным стяжением гласных, а также наличием обычной для XIII в. формы с начальным h. В тексте "Сокровенного сказания" наряду с числительным qoyar "два" употреблялось и древнее ǰirin "id".

Среди глагольных форм непрошедшего времени в доклассических текстах часто употреблялась отсутствующая в современном языке форма на =yu, которой было присуще модальное значение достоверности, убежденности или необходимости в совершении обозначенного в глагольной основе действия и которая употреблялась, как правило, в различного рода изречениях, поучениях, наставлениях.

В тексте "Сокровенного сказания" употреблялась изъявительная форма на =t, которая к XVII в. полностью исчезла из языка. Ее редкое употребление в данном тексте и впоследствии полное исчезновение свидетельствует скорее всего о том, что она была заимствована, оказалась чуждой монгольской речи, а так как в монгольском языке имелись другие формы для обозначения непрошедшего (настоящего и будущего) времени, то она была ими вытеснена.

В доклассических текстах для обозначения настоящего и будущего времени использовались три формы на =m / =mu / =mui. Первая в отличие от двух других употреблялась с глагольными связками aǰu / aǰuγu, bölüge, придающими ей временные и модальные оттенки. В классическом языке эта форма практически уже не употреблялась и сохранилась лишь в баоаньском и монгорском языках, как показатель будущего времени .

Из трех форм прошедшего времени форма на = ǰuqui / =čuqui обозначала абсолютное прошедшее время, независимо от того совершалось ли оно в далеком прошлом или недавно по отношению к моменту речи. При этом рассказчик, как правило, прямым участником или свидетелем описываемых событий не являлся. Только этой формой можно было выразить модальное значение неожиданности или непредвиденности совершившегося действия. Но это значение не было доминирующим для данной формы: она употреблялась и для обозначения обычных действий в прошлом.

Форма на =ba / =bai / =bi (последняя употреблялась иногда для обозначения действия, относящегося к лицу женского пола), была характерна для повествовательной речи при описании событий, относящихся к прошлому. Лишенная в своем значении каких-либо модальных оттенков, она могла сопровождаться модально-усилительными частицами. Временная локализация действия в прошлом по отношению к моменту речи выявлялась в контексте.

Форма на =luγa / =lüge также обозначала действия в прошлом и так же, как и =ba имела различную соотнесенность прошлого с моментом речи. В письменных текстах она употреблялась значительно реже по сравнению с =ba, подтверждая тем самым свой "разговорный" характер и факт "книжности" формы на =ba. При употреблении этих форм автор или рассказчик описываемых событий чаще всего предстает как их непосредственный участник или свидетель.

В доклассических текстах три формы причастия будущего времени употреблялись в любой из синтаксических функций, но соотношение этих функций было разное.

Форма на =qui / =kü будучи более "именной" по сравнению с формой на =qu / =kü чаще употреблялась субстантивно, в качестве определения и дополнений. Именно поэтому в современном языке она стала использоваться для обозначения разных логико-философских понятий.

Форма на =qun / =kün как форма множественного числа использовалась при согласовании в числе с подлежащим или дополнением, а субстантивируясь, обозначала множество лиц. Но поскольку согласование в числе уже и в ранних текстах строго не соблюдалось, эта форма стала употребляться нерегулярно, чаще заменялась формой на =qu / =kü. В современном языке она отсутствует .

Причастная форма на =γči / =gči чаще всего использовалась в роли сказуемого, тем самым подтверждая свой более "глагольный" в то время характер. Развитие этой формы шло по линии ее "субстантивации". В современном языке она употребляется преимущественно субстантивно, пополняя класс имен существительных, особенно в терминологии и в названиях учреждений.

Три деепричастия I-ой группы сложились в далекой древности и их зафиксированные в текстах XIII-XIV вв. формы сохраняются и в современном языке. Что же касается деепричастий II-ой группы, то многие из современных форм отсутствовали не только в доклассическом языке, но и в классическом.

Особое место среди деепричастий II занимала форма на =run. Она употреблялась только в письменных текстах и неизвестна в живой разговорной речи, а в современном языке изредка употребляется лишь в текстах эпистолярного жанра. В своем значении деепричастие на =run не только предворяло прямую речь, отчего и получила свое название "цитатное", но употреблялось и во многих иных значениях и образовывалось не только от речевых глаголов, но и от многих других глагольных основ.

Полную парадигму спряжения в древних текстах имел глагол a= "быть", "существовать", который в современном языке сохранился лишь в небольшом количестве словоформ, употребляющихся в служебной функции, при этом с трансформацией одной из них в морфему: aγsan - форма причастия прошедшего времени >=γsan >=san (=сан), хотя aγsan (агсан) продолжает существовать в языке и как самостоятельная лексема со значением: 1) "бывший", 2) "покойный, умерший ".

Существование класса наречий, как самостоятельной части речи, относится к далекому прошлому и уходит в историческую глубину, о чем свидетельствуют самые ранние письменные памятники. К древнейшим из них относятся те, которые морфрлогически не разложимы или в которых только исторически можно выделить словообразовательные морфемы. Почти все они за некоторым исключением (munda, manaγar[u]) употребляются и в современном языке. Кроме первообразных существует немало и производных, образованных посредством наречных суффиксов.

Послелоги мы подразделяем на: 1) собственно послелоги, т.е. единицы семантически не соотносимые с реалиями и выполняющие в предложении роль только грамматических показателей (число их весьма ограничено), и 2) послелоги - грамматикализованные в той или иной степени формы знаменательных слов из разряда наречий, имен, реже глагольных форм. Они управляют различными падежами, сохраняя при этом ту или иную степень соотнесенности с исходными лексическими единицами .

Что касается разряда частиц, то доклассические тексты характерны наличием выделительных частиц ber, ba, kü, первая из которых вообще не известна современному языку, а две другие сохранились лишь в нескольких производных с ними словоформах и были заменены другими частицами этого разряда.

Из союзов и союзных слов наиболее употребительным был союз "ба", соединяющий однородные члены предложения. В современном языке этот союз сохранился как наследие старописьменного языка, но со значительно более узкой сферой употребления в книжном и канцелярском языке.

Современный монгольский язык впитал в себя грамматические формы и их значения, доставшиеся от разных эпох в развитии письменного языка, а также возникшие под влиянием разговорной (главным образом халхаской) речи. За многовековой путь развития этого языка одни из них сохранились, другие изменились фонетически или исчезли совсем и были заменены разговорными формами (например, класс. глагольные формы на =mu / =mui на форму =на).

==========

Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить моих коллег по Отделу языков Института востоковедения Российской академии наук, принимавших участие в обсуждении рукописи моей монографии и давших много добрых советов и замечаний. Это В.М.Алпатов, М.С.Андронов, А.Г.Белова, Л.М.Горелова, В.П.Липеровский, Ю.А.Рубинчик, Н.В.Солнцева, В.А.Чернышев

Выражаю огромную благодарность главным рецензентам моей работы д.ф.н. проф. Г.Ц. Пюрбееву и д.ф.н. А.А.Дарбеевой, взявшим на себя труд прочитать рукопись, дать свою оценку моему исследованию и высказать свои замечания и пожелания.

Я благодарна заведующей Отделом языков З.М.Шаляпиной за большую практическую помощь при вводе в компьютер и макетировании рукописи, которую она всегда оказывала, не считаясь со своим личным временем, а также Н.Г Малышевой за ее доброжелательность и терпение в преодолении трудностей, возникавших при передаче на компьютере транскрипционных и диакритических знаков.

Условные сокращения

БМРС - Бурят-монгольско-русский словарь. М., 1951.
бур. - бурятский
ВЯ - "Вопросы языкознания". М.
даг. - дагурский
ДАН-В - "Доклады Академии Наук". Пг.
калм. - калмыцкий
кит . - китайский
КРС - калмыцко-русский словарь. М., 1977.
КСИНА - "Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР". М.
МА - Поппе Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимет ал-Адаб. 1-11. М. -Л., 1938.
МНТ - Монголын нууц товчоо. Улаанбаатар, 1957.
монгор. - монгорский
МРС - Монгольско-русский словарь. М., 1957.
НАА - "Народы Азии и Африки". М.
ОМСТ - Орос-монгол сурах толь. М., 1985.
ОЦМХЗ - Орчин цагийн монгол хэл зүй. Улаанбаатар, 1966.
ОЦМХҮЗБ - Орчин цагийн монгол хэлний үг зүйн байгуулалт. Улаанбаатар, 1987.
ПМ - письменно-монгольский
РКС - Русско-калмыцкий словарь. М., 1964.
СТ - "Советская тюркология". Баку.
тюрк. - тюркский
уйг. - уйгурский
уст. - устарелый
халх. - халхаский
Хөх. - Injinasi. Köke sudur, ded debter, öbür mongγol=un arad=yin keblel=ün qoriy=a.
Цэв. - Монгол хэлний товч тайлбар толь, Зохиосон Я Цэвэл. Улаанбаатар, 1965.
АОН - "Acta orientalia Academiae Scientiqrum Hungaricae". Budapest.
АТФ - Hans Peter Vietse, Gendeng Lubsang. Altan tobči. Eine mongolische Chronik des XVII. Jahrhunderts von Blo bzan bstan 'Jin. Text und Index. Tokyo,1992.
С1. 1335 - Cleaves F.W. Tne Sino-mongolian Inscription of 1335. - HJAS,1950, vol.13, N 1-2.

Ск.ск.	- Index to the Secret History of the Mongols, By Igor de Rachewiltz. Indiana University Pablication, 1972.
HIII	- Antoine Mostaert. Le Material Mongol Du Houa I I IU De Houng-ou [1389], I. Bruxelles, 1977.
HC	- I. de Rachewiltz. The preclassical Mongolian version of the Hsiao-ching. - Zentralasiatische Studien. 16, 1962.
HJAS	- "Harvard Journal of Asiatic Studies". Cambridge, Mass.
Sto	- "Studia Orientalia". Helsinki.
TD	- The Twelve Deeds of Buddha. A Mongolian Version of the Lalitavistara. Mongolian Text, Notes, and English Translation by N.Poppe. Wiesbaden, 1967.
УМУДВ	- Uyiγurčin mongol üsüg=ün durasqaltu bičig-üd. Begeǰing,1983.

Литература

Ауюш (Аюуш) Т.Б. Сопоставительно-типологическое исследование местоимений в монгольском и русском языках. Автореф. канд. дисс. Улан-Удэ, 1955.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

Бадан Г. Значение формантов прошедшего времени в современном монгольском языке. - Олон улсын монголч эрдэмтний IУ-р их хурал, II боть. Улаанбаатар, 1985.

Бертагаев Т. А. О синтаксических особенностях деепричастных сочетаний 1-ой группы.- Академику В.В.Виноградову к его 60-летию. М., 1956.

Бертагаев Т.А. К генезису некоторых падежей в монгольских языках. КСИНА. Вып. 83, 1964.

Бертагаев Т.А Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. М., 1964.

Бира Ш. Монгольская историография (XIII-XVII вв.). М., 1978 .

Бобровников Ал. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.

Викторова Л.Л. К вопросу о найманской теории происхождения монгольского литературного языка и письменности (XII-XIII вв.) - Языки народов Востока. Л., 1961.

Владимирцов Б.Я. О частицах отрицания при повелительном наклонении в монгольском языке. - ИАН, 1916.

Владимирцов Б.Я. Остатки причастия настоящего времени в монгольском языке. - ДАН-В, 1924.

Владимирцов Б.Я. Следы грамматического рода в монгольском языке. - ДАН-В, 1925, с. 31-34.

Владимирцов Б.Я. Об одном окончании множественного числа в монгольском языке. - ДАН-В, 1926, с. 61-62.

Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929.

Владимирцов Б.Я. Поправки к чтению монгольской надписи из Ердени-дзу. - ДАН-В, 1930, с. 186-188.

Владимирцов Б.Я. Монгольские литературные языки. - "Записки ИВАН СССР", 1. Л., 1931.

Голстунский К.Ф. Монгольско-русский словарь. Т. 3. Л., 1938.

Дамдинсурэн Ц. Монгол уран зохиолын тойм, XIII-XIV зууны уе. 1-р дэвтэр. Улаанбаатар, 1956.

Дамдинсурэн Ц. О личных местоимениях первого лица в монгольском языке. - Studia Mongolica.T. 1(9). Fasc. 1-17. Улаанбаатар, 1973.

Дамдинсурэн Ц. Первое лицо личных местоимений монгольского языка. Хэл зохиол 14: 1-27, 1980.

Дарбеева А.А. О личных местоимениях 3-го лица в монгольских языках. - ВЯ, N 1, 1970.

Кара Д . Книги монгольских кочевников. М., 1972.

Касьяненко З.К. О двойном склонении в монгольском языке.- Филология стран Востока. Л., 1963.

Ковалевский О. Грамматика монгольского языка. СПб, 1835.

Ковалевский О.М. Монгольско-русско-французский словарь. Т. I - III. Казань, 1844-1849.

Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongγol=un niγuča tobčiyan. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник. Т.1. Введение в изучение памятника, перевод, текст, глоссарий. М.- Л., 1941.

Козин С.А. Об одной неизвестной глагольной форме в монгольском письменном языке древнего периода монгольской литературы. "Ученые записки ЛГУ", N 20, серия филол. Наук. Вып.1, 1939.

Козин С.А. К вопросу о показателях множественности в монгольском языке. - "Ученые записки ЛГУ", N 69, Серия филол. наук. Вып. 10, 1946.

Козырев И.Ф. Относительно "уступительного" деепричастия в монгольском языке.- Вопросы языка и литературы стран Востока. М., 1958.

Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII- IX вв.). Л., 1980.

Котвич В.Л. Лекции по грамматике монгольского языка. Спб, 1902.

Котвич В.Л. Монгольские надписи в Эрдэни-дзу.- Сб. Музея антропологии и этнографии РАН, 1917. Т. 5, с. 205-214.

Котвич В.Л. Исследования по алтайским языкам. М., 1962.

Кузьменков Е.А. Монгольские элементы в маньчжурском и база старомонгольской письменности. ВЯ, 1988, N 4.

Лигети Л. [рец. на:] Г.Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т.1. М., 1953. - ВЯ, 1955, N 5.

Лувсанбалдан Х. Ачлалт номын тухай. Улаанбаатар, 1961.

Лувсанвандан Ш. Монгол хэлний зүй өгүүлбэрийн зүй, II-р дэвтэр. Улаанбаатар, 1951.

Лувсанвандан Ш. Орчин цагийн монгол хэлний бүтэц. Улаанбаатар, 1968.

Лувсанвандан Ш. Mongγol kelen=ü üge=yin ečes=ün toγtaburi ügei "n"=yin tuqai asudal=du.- Монголын зарим асуудал. Улаанбаатар, 1961.
Лувсанвандан Ш. Эртний монгол хэлний фонемын систем нь. - Монголын судлал. T.V, Fasc. 27. Улаанбаатар, 1965.
Лувсандэндэв А. Система союзов в современном монгольском языке. - Studia Mongolica. Ulan-Bator, 1975.
Лувсандэндэв А. Хэл бичгийн ухааны зарим асуудал. Т.II. Улаанбаатар, 1980.
Лувсандэндэв А. Из истории монгольской письменности. - Хэл бичгийн ухааны зарим асуудал. Т.1. Улаанбаатар, 1992.
Материалы по дешифровке киданьского письма. Кн. 1. М., 1970.
Mongolica. - "К 750-летию "Сокровенного сказания". М., 1993.
Насилов В.М. Язык средневековых тюркских памятников уйгурского письма. - ВЯ, 1955, N 1.
Насилов В.М. Язык Орхоно-енисейских памятников. М., 1960.
Николаева Т.Н. Функции частиц в высказывании. М., 1985.
Одзава Сигэо. "Гэнте: хисси мо: кого=но до: си гоби:" - То:кё гайкокуго дайгаху ронсю: Токуо, 1955, N 4, с.1-19. Area and culture studies, 4,1959. - Tokyo university of foreign studies (Краткое изложение на английском языке).
Орловская М.Н. Употребление причастий в "Сокровенном сказании монголов". - Филология и история монгольских народов. М., 1958, с.101-126.
Орловская М.Н. О непроизводных наречиях в монгольских языках. - КСИНА, N 83. М., 1964, с.23-28.
Орловская М.Н. Способы образования производных наречий в монгольском языке. - Исследования по восточной филологии. М., 1974, с.185-207.
Орловская М.Н. Наречия в системе частей речи в монгольских языках. - Материалы V-го Международного конгресса монголоведов. Доклады советской делегации. Т. II. М., 1987, с. 103-112.
Орловская М.Н. Конструкции с двумя падежными формами в монгольских языках. - Олон улсын монголч эрдэмтний IV-р их хурал, II-р боть. Улаанбаатар, 1984 (1).
Орловская М.Н. Язык "Алтан тобчи". М., 1984 (2).
Орловская М.Н. О периодизации истории монгольского литературного языка. - Mongolica. Памяти акад. Б.Я.Владимирцова (1884-1931). М., 1986, с.80-90.
Орловская М.Н. Глагольная форма на =ǰuqui/=čuqui в доклассическом монгольском языке. - VI Международный конгресс монголоведов в г. Уланбаторе. Доклады Российской делегации. Т. II. М., 1992.

Орловская М.Н. Памятники монгольской письменности XIII-XIV вв. как источники для изучения древнего монгольского языка. - Монгольский лингвистический сб. М., 1992.

Орловская М.Н. Три "ба" в древних монгольских текстах. - Владимирцовские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции 25-26 октября. 1993 г. М.,1995.

Орловская М.Н. Усилительно-выделительные частицы в доклассическом монгольском языке. - Российское монголоведение. Бюллетень общества монголоведов РАН. М., 1996.

Орчин цагийн монгол хэл зүй. Улаанбаатар, 1966 .

Орчин цагийн монгол хэлний үг зүйн байгуулалт (монгол хэлний үйл үгийн тогтолцоо). Улаанбаатар, 1987.

Пагва Т. Зүрхний тольтын тайлбарыг судалсан тухай тэмдэглел (Заметки об изучении "Толкования сердечного покрова"). Улаанбаатар, 1957.

Панфилов В.З. Нивхско-алтайские языковые связи. - ВЯ. 1973, N 5.

Позднеев А.М. Лекции по истории монгольской литературы, читаемые ординарным проф. С.--Петербургского университета А.М.Позднеевым в 1885/ 1896 акад. году. СПб., 1887.

Поппе Н.Н. Отчет о поездке на Орхон летом 1926 г.- Материалы Монгольской комиссии, 4. Л., 1929.

Поппе Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка. М.-Л., 1937.

Поппе Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. I - II. М.-Л., 1938.

Раднаев В.З. О надписи на стеле Йсунгге. История дешифровки спорное и бесспорное. - Монгольский лингвистический сборник.. М., 1992.

Рамстед Г.И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.

Рудов Л.Н. Кидани.- "Дальний Восток". Сб. статей по филологии, истории философии. М., 1961.

Рудов Л.Н. Проблемы киданьской письменности -" Советская этнография". N 1, 1963.

Санжеев Г.Д. Следы грамматического рода в монгольских языках.- ВЯ, N 5, 1956.

Санжеев Г.Д. Б.Н.Владимирцов - исследователь монгольских языков.- Филология и история монгольских народов. М., 1958.

Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т.1. М., 1953.

Санжеев Г.Д. К вопросу об отрицании в монгольских языках. - АОН. Т. XV, Fasc. 1-3, 1962.

Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963.

Санжеев Г.Д. Старописьменный монгольский язык. М., 1964.
Санжеев Г.Д. Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. Улан-Удэ, 1977.
Санжеев Г.Д. Введение к этимологическому словарю монгольских языков (рукопись).
Севортян Э.В. О некоторых вопросах исторического изучения тюркских языков. М., 1960 (Доклады делегации СССР на XXV Международном конгрессе востоковедов).
Таскин В.С. Опыт дешифровки киданьской письменности. "Народы Азии и Африки". 1963, N 1.
Тенишев Э.Р. "Кудатгу билиг" и "Алтун ярук".- СТ, 1970, N 4.
Тодаева Б.Х. Дунсянский язык. М., 1961.
Тодаева Б.Х. Баоаньский язык. М., 1964.
Тодаева Б.Х. Монгорский язык. М., 1973.
Тодаева Б.Х. Дагурский язык. М., 1986.
Төмөртогоо Д., Дамдинжав Л. Эртний монгол хэлний гарахын тийн ялгалын нэгэн хувилбар. - Монголын судлал. Улаанбаатар, 1967.
Төмөртогоо Д. Монгол хэлний түүхийг ангилах тухай асуудалд. - Хэл зохиол судлал. XI боть, 1-21 дэвтэр. Улаанбаатар, 1972.
Төмөртогоо Д. Монгол бичгийн хэл. Улаанбаатар, 1983.
Төмөртогоо Д. Происхождение и система личных местоимений монгольских языков. Автореф. канд. дисс. Улаанбаатар, 1990.
Файзуллаева Ш.А. Исследование языка памятника IV в. "Китабу булгат ал-муштак фи лугат ат-турк ва-л-кифчак" Джамал ад-Дина Абу-Мухаммед Абд Аллах Ат-Турки. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1969.
Цыдендамбаев Ц.Б. Местоимения в монгольских языках. Автореф. канд. дисс. М., 1951.
Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972.
Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М., 1979.
Цэдэндамба Ц. Грамматическая характеристика причастий и их структурно- семантические особенности в современном монгольском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1970.
Шарху А. Деепричастия и деепричастные конструкции в современном монгольском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1971.
Шербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XIII вв. из Восточного Туркестана. М.- Л., 1961.
Шербак А.М. Тюрко-монгольско-тунгусские связи в морфологии. - НАА, 1968, N 1.
Bese L. Remarks on Middle Mongolian Conjugation. Budapest, 1970.

Binnik Robert. On the Pragmatic Differention of the Mongolian Past Tenses. - Mongolian Studies, V.XIII, 1990.

Buck F.H. Comparative Study of postposition in Mongolian dialects and the written language. Harvard University Press. Cambridge, Mass., 1955.

Cleaves F.W. The First Chapter of an Early Mongolian Version of the Hsiao Ching. - Acta Orientalia. Hung. T.XXXVI (1-3), 1982.

Cleaves F.W. The Second Chapter of an Early Mongolian Version of the Hsiao Ching, - Documenta Barbarorum. Festschrift für Walther Heissig zum 70. Geburtstag. Wiesbaden, 1983.

Cleaves F.W. The Eighteenth Chapter of an Early Mongolian Version of the Hsiao Ching. - HJAS, v.45, 1985.

Cleaves F.W. The Third Chapter of an Early Mongolian Version of the Hsiao Ching.- Mongolian Studies. Journal of the Mongolian Society. The Hangin Memorial Issue. Volume XIV, 1996, p.117-145.

Cleaves F.W. The Sixth Chapter of an Early Mongolian Version of the Hsiao-Ching.- Mongolian Studies. Journal of the Mongolian Society. v.XVII, 1994, p.1-21.

Cleaves F.W. The Sino-Mongolian Inscription of 1362. HJAS, 1949, v.12, N 1-2.

Cleaves F.W. The Sino-Mongolian Inscription of 1335. HJAS, 1950, v.13, N 1-2.

Cleaves F.W. The Sino-Mongolian Inscription of 1338. HJAS, 1951, v.14, N 1-2.

Cleaves F.W. The Sino-Mongolian Inscription of 1346. HJAS, 1952, v.15, N 1-2.

Coyiǰongǰab. Mongγol=un niγuča tobčiyan=u olan toγan=u "n" daγaburi=yin tuqai. - Obur Mongγol=un yeke suryaγuli=yin erdem sinǰilgen=ü sedgül. 1990, N 3, c.14-33.

Der Blockdruck des xiaojing aus dem Palastmuseum in chinesischer und mongolischer Sprache. - Zentralasiatische Studien. V.12. Wiesbaden, 1978.

Döerfer G. Beiträge sur Syntax der Sprache der Geheimen Geschichte der Mongolen. - Central Asiatic journal. Vol. 1. N 4. Wiesbaden. 1955, c. 219-267.

Fuchs W. Analecta sur mongolischen Übersetsungsliteratur der Yüan-Zeit. Monumenta Serica. Vol.IX, Fasc. I, 1946.

Godsinski Stanislav. Jesyk sredniomongolski. Warszawa, 1985.

Haenisch E. Grammtische Besonderheiten in der Sprache des Monghol=un niuca tobca'an. - Sto, 1950, vol. XIV. N 3.

Hashimoto Masuru. Some remarks on the Language of the Secret History of the Mongols with reverence to the deverbal suffixes =müser, =mser. - Олон улсын монголч эрдэмтний IV-р их хурал, II-р боть. Улаанбаатар. 1984.

Heissig W. Die Pekinger Lamaistischen Blockdrucke in Mongolische Sprache. - Materialen sur Mongolischen Literaturgeschichte. Wiesbaden, 1954.

Kotwich W. Les pronoms dan les langues altaiques. Krakow, 1936.

Ligeti L. Préklassikus emlékek 2. XIII-XVI. Mongol nyelvemléktár IV. Budapest, 1965.

Ligeti L. Monuments préclassiques I : XIII-e et XIV-e siécles. Monumenta Lingua Mongolicae Collecta II. Budapest, 1972.

Ligeti L. A propos de la traduction Mongole préclassique du Hsiao-king. Acta Orientalia. Hung. T., XXXVIII, Fasc.3. Budapest,1984.

Mongγol=un uyiγurčin bičig. Ulaγanbaγatur, 1965.

Mostaert Antoine. Le Matériel Mongol Du Houa II IU De Houng-ou (1389), I. Edité par I. de Racherwiltz avec l'assistance de A.Schönbaum. Bruxelles, 1977.

Mostaert Antoine. Le Matériel Mongol Du Houa II IU De Houng-ou (1389). II. Commentaires par Antoine Mostaert et Igor de Rachewiltz. Bruxelles, 1995.

Orlovskaya M.N. On the category of gender in pre. classical mongolien. - Abstracts of papers of the conference participants. Ulaanbaatar, 1990.

Pellot P. Le vrai nom de "Seroctan", T'ong Pao, vol. XXIX, Leiden, 1932.

Poppe N. Grammar of written Mongolian. Wiesbaden, 1954.

Poppe N. Introduction to Mongolian comparative Grammar.Helsinki, 1955.

Rachewiltz I. de. Some remarks on the Stele Yisüngge. - Tractata Altaica. Wiesbaden, 1976.

Racherwiltz I. de. The preclassical mongolian version of the Hsiao-Ching - Zentralasiatische studies. V.16. Wiesbaden, 1982.

Ramstedt G.I. Über die konjugation desr Khalkha-Mongolischeen. Helsingfors, 1903.

Street I. The language of the Secret History of the Mongoles. New Haven (Connecticut), 1957.

Svantesson Jan-Olof. Tense, Mood and Aspect in Mongolian. Lund University. Working Papers 38, 1991.

The Twelve Deeds of Buddha. A Mongolian Version of the Lalitavistara Mongolian Text, Notes, and English Translation by N.Poppe. Wiesbaden, 1967.

Uyiγurcin mongγol üsüg=ün durasqaltu bičig=üd. Begejing, 1983.

Weiers M. Untersuchungen zu einer Historischen Grammatik des Präklassischen Schriftmongolisch. Wiesbaden, 1969.

Оглавление

Предисловие..... 3
Введение. Старо-письменный монгольский язык и периоды его развития..... 4
Сведения о привлеченных к исследованию письменных текстах XIII-XIV вв..... 6
Об уйгуро-монгольской письменности 13
Некоторые лексико-графические особенности уйгуро-монгольских текстов 17
Грамматический очерк 25
Именные формы..... 25
Существительные 25
О категории рода 25
Множественное число 31
Падежи и их основные значения. 38
Именительный падеж. 38
Родительный падеж 39
Винительный падеж..... 41
Местный падеж..... 44
Дательно-местный падеж..... 46
Исходный падеж..... 47
Орудный падеж..... 48
Совместный падеж..... 50
Соединительный падеж..... 51
Двойные падежные формы..... 52
Прилагательные 53
Местоимения 56
Числительные..... 68
Глагольные формы..... 71
Финитные формы..... 71
Повелительно-желательные формы..... 71
Повелительная форма 2-го лица ед. и мн.ч. 71
Пропозитивная форма 1-го лица..... 72
Повелительно-пригласительная форма 1-го лица..... 73
Повелительная форма 3-го лица 73

Повелительная форма 2-го лица мн.ч. 74
Форма опасения 75
Изъявительные глагольные формы 75
Формы непрошедшего (настояще-
будущего) времени..... 76
Форма на =yu..... 76
Форма на =m..... 77
Форма на =mu..... 78
Форма на =mui..... 79
Форма на =nam / =nai..... 79
Форма на =t..... 80
Формы прошедшего времени 81
Форма на = ba / =be..... 84
Форма на = luγa / =lüge 86
Форма на =ǰuqui / =čuqui..... 87
Причастные формы 90
Причастие будущего времени..... 90
Причастие прошедшего времени..... .97
Однократное причастие 99
Причастие на =γai / =gei.....101
Причастие многократное.....102
Деепричастные формы.....103
Деепричастие I.....104
Соединительное деепричастие.....104
Слитное деепричастие.....107
Разделительное деепричастие.....110
Деепричастие II.....112
Условное деепричастие.....112
Деепричастие предела.....114
Продолжительное деепричастие.....117
Целевое деепричастие.....119
Деепричастие на = run / =rün 119
Наречия 121
Непроизводные наречия.....123
Производные наречия.....124
Парные наречные сочетания и повторы.....132
Служебные части речи
Послелоги.....133
Собственно послелоги.....134
Послелоги - грамматикализованные
формы знаменательных
частей речи.....137
Частицы.....144
Выделительные частицы.....145

Вопросительные частицы 154
Частицы отрицания 156
Притяжательные частицы.....159
Союзы.....162
Заключение.....165
Условные сокращения 171
Литература.....173

Формат 60/90 1\16 Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 11,98 Тираж 200 экз. Зак. № 49

Научное издание

Орловская Мария Николаевна

Язык монгольских текстов
в XIII - XIV вв.

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Компьютерный набор и форматирование – *Н Г Малышева*

ЛР №040753 от 1 апреля 1996 г.

Сдано в набор 15.03.99. Подписано к печати 07.02.00.

Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл.п.л. 12. Уч.-изд.л. 11.5. Тираж 200 экз. Заказ № 49

Институт востоковедения РАН
103031 Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом Ю.В.Чудодеев

Отпечатано на ризографе
в Институте востоковедения РАН